

В. М. Есинов

ПЕРЕПИСКА

*А. С. Пушкина
с А. Х. Бенкендорфом*

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2021

УДК 94
ББК 63.3
Е83

Е83 Есипов В. М.

Переписка А. С. Пушкина с А. Х. Бенкендорфом. — СПб. : Нестор-История, 2021. — 192 с.

ISBN 978-5-4469-1804-1

Настоящая монография посвящена взаимоотношениям А. С. Пушкина и А. Х. Бенкендорфа, которые рассматриваются исключительно на документальной основе. В книге приводится их переписка, продолжавшаяся в течение десяти лет, с 1826 по 1836 год, а также используются «Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I о Пушкине», «Дела III Отделения собственной Е. И. В. канцелярии об А. С. Пушкине» и другие документы. Все письма сопровождаются необходимыми комментариями.

В результате в монографии воссоздается атмосфера сложных и противоречивых отношений поэта с руководителем III Отделения, одним из героев Отечественной войны 1812 года, а Бенкендорф предстает не только верным слугой императора Николая I, но и человеком, то и дело оказывающим Пушкину разного рода услуги в сложных перипетиях дворцовой жизни.

*В оформлении обложки использована фотография,
сделанная Давидом Кисликом.*

**УДК 94
ББК 63.3**

ISBN 978-5-4469-1804-1

© Есипов В. М., 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

Посредник между Пушкиным и Николаем I

Через три недели после конфиденциальной аудиенции ссыльного поэта у императора Николая I во дворце Чудова монастыря в Кремле Бенкендорф написал Пушкину письмо. Это письмо от 30 сентября 1826 г. стало началом их многолетней переписки.

В письме, написанном по поручению Николая I, официально подтверждалась устная договоренность между императором и поэтом, достигнутая во время упомянутой личной встречи, касающаяся цензуры: царь в вежливой форме обязывал Пушкина знакомить его со всеми новыми произведениями и при этом брал на себя функции цензора. Не менее важным выглядит в письме следующий призыв к поэту: «...употребите отличные способности ваши на передавание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше»¹. То есть, по мнению императора, только воспевание славы Отечества гарантирует поэту бессмертие. При этом Отечество, конечно, представлялось ему тождественным системе управления Россией, системе власти, которая существовала в это время, то есть государству. Следует заметить, что все последующие правители России, включая коммунистических, рассматривали искусство исключительно под тем же углом зрения.

Пушкин же, как известно, имел отличный от императорского взгляд на свое творчество (и на искусство вообще), в частности, на обеспечивающие бессмертие его имени основания. Позднее он сформулирует это в «Памятнике»²:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

¹ См. раздел «Письма».

² «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Это концептуальное противоречие между императором и поэтом будет постоянно отбрасывать тень на их личные отношения, возникшие 8 сентября 1826 г. и длившиеся вплоть до трагической смерти поэта...

В упомянутом письме Бенкендорф сообщал также о высочайшем разрешении «приезда» в Петербург — и сейчас, и в дальнейшем, но с условием, что Пушкин будет заранее извещать об этом письмом. Таким образом, поездки в столицу разрешались, но не как любому законопослушному подданному, а лишь при условии предварительного уведомления о них.

В заключение Бенкендорф извещал Пушкина: свои произведения он может отправлять непосредственно монарху или через него, Бенкендорфа. Что само по себе требует от нас кратко хотя бы остановиться на личности человека, через которого в дальнейшем в подавляющем большинстве случаев Пушкин будет сноситься с царем.

Александр Христофорович Бенкендорф (1781/1783 — 1844), боевой генерал, один из блестящих участников Отечественной войны 1812 г., происходил из военной семьи остзейских немцев, обосновавшейся в Прибалтике еще в XVI в.

Вспоминая о своем обучении в пансионе для высшего дворянства, он признавался, что не блистал знаниями, но завоевал уважение однокашников дуэлью со сверстником на саблях. Некоторые современники — например, ядовитый М. А. Корф — считали, что Бенкендорф не только не проявил должного рвения в процессе своего обучения, но якобы был даже недостаточно грамотен. Это, конечно, не так, в чем мы можем убедиться, читая хотя бы его письма Пушкину на французском и на русском языках. Кроме того, остались написанные им весьма значительные по объему воспоминания³, часть которых была опубликована⁴ при его жизни. Но то, что это был человек, весьма далекий от искусства, не вызывает сомнений.

³ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Российский фонд культуры, 2012.

⁴ Военный журнал. 1817. Кн. III. С. 25–41; Кн. VII. С. 22–33.

Бенкендорф, как и в войну 1812 г., героически проявил себя, спасая людей во время необычайного по своей разрушительной силе осеннего наводнения 1824 г., о чем есть упоминание в «Медном всаднике»:

Царь⁵ молвил — из конца в конец,
По ближним улицам и дальным
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

В авторском примечании к слову «генералы» значит: «Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф».

После смерти Александра I, в смутный период междуцарствия, Бенкендорф стал тем человеком, на которого смог опереться великий князь Николай, что заложило основы их дружбы. Став царем, Николай I, по свидетельствам современников, доверял Бенкендорфу безгранично.

Весьма активно проявил себя Бенкендорф в следствии по делу декабристов, при этом многие декабристы отмечали потом в своих воспоминаниях его предельную корректность при допросах. Известно также, что в отдельных случаях он ходатайствовал о смягчении участи подсудимых.

25 июня 1826 г. Бенкендорф становится шефом жандармов, а 3 июля того же года — начальником созданного, как говорится, под него III отделения с. е. и. в. канцелярии.

Через два с половиной месяца Бенкендорф по поручению Николая I вступил в переписку с Пушкиным.

За 10 лет непосредственного общения Бенкендорф написал Пушкину 32 письма, Пушкин Бенкендорфу — 54.

В их переписке всегда присутствовал исключительно вежливый тон и нередко встречаются даже взаимные комплименты, которые никого не должны вводить в заблуждение. Под светской

⁵ Александр I.

любезностью скрывается порой очень жесткое противостояние. В общем, отношения между ними имели очень сложный для объективного восприятия характер, не имеющий ничего общего с примитивными представлениями об этом, принятыми в советское время.

Многое проясняют в этих отношениях «Выписки из писем графа А. Х. Бенкендорфа к императору Николаю I о Пушкине», открытые и опубликованные в 1903 г. директором императорской библиотеки Р. А. Гриммом, к которым мы будем обращаться по мере развития нашего сюжета. А пока возвратимся к переписке.

Уже в следующем письме от 22 ноября 1826 г. Пушкин получает от Бенкендорфа наставления относительно вновь написанных произведений: не распространять и не читать другим лицам, не представив их на просмотр императору и не получив у него на то соизволения.

Наставления связаны с чтением Пушкиным «Бориса Годунова» в кругу друзей. Бенкендорф сообщает, что это стало ему известно, не скрывая, таким образом, что за Пушкиным ведется постоянное наблюдение⁶.

Пушкину в письме от 29 ноября 1826 г. приходится оправдываться. Он признается, что «читал свою трагедию некоторым особам⁷ («конечно не из ослушания, но только потому, что худо понял Высочайшую волю Государя»⁸), и обязуется представить «Бориса Годунова» на рассмотрение императору.

Пушкин не мог знать тогда и, вероятнее всего, так и не узнал до своей кончины, какое впечатление произвело это его письмо на императора. Но как следует из уже упомянутой нами переписки Бенкендорфа с Николаем I, царь, прочитав пушкинское

⁶ См. раздел «Письма».

⁷ В частности, 10 сентября у С. А. Соболевского, 25 сентября у Д. В. Веневитинова, 29 сентября у П. А. Вяземского и т. д.

⁸ См. раздел «Письма».

письмо, написал Бенкендорфу следующее: «Я очарован письмом Пушкина, и мне очень любопытно прочесть его сочинение⁹; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы она не распротранялась»¹⁰.

С этого момента, с 29 ноября 1826 г., пушкинская трагедия «Борис Годунов» находится в поле зрения Николая I.

А «верным» для Бенкендорфа оказался Ф. В. Булгарин¹¹, который и подготовил отзыв для царя.

Подготовленный Булгариным отзыв Бенкендорф направил царю.

Граф А. Х. Бенкендорф — императору Николаю I около (не позднее) 14 декабря 1826 г.:

«При сем прилагаются заметки на сочинение Пушкина и выписки из этого сочинения. Во всяком случае это сочинение не годится для представления на сцене, но с немногими изменениями можно напечатать; если Ваше Величество прикажете, я его ему [Пушкину. — *Прим. авт.*] верну и сообщу замечания, помеченные в выписке, и предупрежу, чтобы сохранил у себя копию, и чтобы он знал, что он должен быть настороже»¹².

Как можно судить по этому обращению к царю, никакого очарования Пушкиным у шефа жандармов нет, а есть подозрительность и недоверие.

Однако в том же обращении к императору упоминается о получении от Пушкина записки «О народном воспитании», поручение написать которую Николай I передал через Бенкендорфа (письмо Бенкендорфа Пушкину от 30 сентября 1826 г.).

⁹ «Борис Годунов».

¹⁰ Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I // Старина и новизна (исторические сборники). СПб, 1903. Кн. 6. С. 4. Выписки не датированы. Пер. с франц.

¹¹ Булгарин Фаддей Венедиктович (Ян Тадеуш Кшиштоф; 1789–1859) — писатель, критик польского происхождения, впервые в России (с 1825 г.) издатель политической и литературной частной газеты «Северная пчела», в которой начиная с марта 1830 г. велась травля Пушкина и писателей его круга.

¹² Выписки из писем... С. 4–5.

Уже ознакомившийся с запиской Бенкендорф замечает в связи с этим: «Заметки человека возвращающегося к здоровому смыслу»¹³.

Бенкендорфу нравится отсутствие радикализма в пушкинском сочинении, но царь, прочитав его, окажется проницательнее своего верного слугаки и выскажет автору важное замечание: считать «просвещение и гений... исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия», о чем Бенкендорф сообщит Пушкину письмом от 23 декабря 1834 г.

Что же касается трагедии, то высочайший отзыв о ней, составленный Булгариным, содержится в письме Бенкендорфа Пушкину от 14 декабря 1826 г.: вместе с рядом замечаний в тексте трагедии ему было предложено переделать ее в «историческую повесть или роман, на подобие *Вальтера Скота*»¹⁴.

В ответном письме от 3 января 1827 г. Пушкин выразит формальное согласие с критикой высочайшего читателя, но, по сути, ответ его будет тверд: «Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное»¹⁵.

«Борис Годунов», по-видимому, заинтересовал Николая I, потому что в ответ на одно из донесений Бенкендорфа о публичном поведении Пушкина, не имевшего никакого отношения к пушкинской трагедии, царь спросит: «Ответил ли он вам по поводу замечток на его трагедию?»¹⁶

Как уже упомянуто выше, с самого своего освобождения из ссылки Пушкин находится под постоянным наблюдением агентов Бенкендорфа, о чем свидетельствует, в частности, и переписка последнего с императором.

Так, в письме, написанном в промежутке между 26 декабря 1826 г. и 10 января 1827 г., Бенкендорф сообщает царю:

¹³ Выписки из писем... С. 5.

¹⁴ См. раздел «Письма».

¹⁵ Там же.

¹⁶ Выписки из писем... С. 5.

«Пушкин автор в Москве и всюду говорит о Вашем Императорском Величестве с благодарностью и глубочайшей преданностью; за ним все таки следят внимательно»¹⁷.

То же в письме, написанном полгода спустя, в июле (не ранее 6-го числа) 1827 г.:

«В день моего отъезда из Петербурга, этот последний [Пушкин. — *Прим. авт.*], после свидания со мной говорил в английском клубе¹⁸ с восторгом о Вашем Величестве и заставлял лиц, обедавших с ним, пить здоровье Вашего Величества. Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно»¹⁹.

В заключительной фразе — квинтэссенция всегдашнего в России исключительно прагматичного отношения власти к художнику: сам он из себя ничего для них не представляет, но его творчество может быть полезно, если удастся повернуть его талант в сторону государственных — в понимании власти — интересов²⁰.

Но возвратимся к рассматриваемой переписке. 4 марта 1827 г. Бенкендорф высказывает Пушкину неудовольствие в связи с тем, что поэт не сам лично принес новые произведения на просмотр царю, а уполномочил на это Дельвига. На самом деле Пушкин находился в этот момент в Москве, а стихи — в Петербурге у Дельвига, который собирался публиковать их в очередном выпуске «Серверных цветов».

При этом, сообщая о высочайшем разрешении печатать всё представленное на просмотр, Бенкендорф дает совет относительно стихотворения «19 октября 1827»: убрать инициалы И. И. Пущина и В. К. Кюхельбекера, которые находились в этот момент в «мрачных пропастях земли». Совет, но не указание!²¹

¹⁷ Выписки из писем... С. 5.

¹⁸ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4 т. М.: Слово, 1999. Т. 2. С. 282.

¹⁹ Выписки из писем... С. 6.

²⁰ См. приложение: Пушкин в переписке графа Бенкендорфа с императором Николаем I.

²¹ См. раздел «Письма».

24 апреля Пушкин через Бенкендорфа испрашивает у царя разрешение на приезд в Петербург и получает «милостивое» разрешение письмом Бенкендорфа от 3 мая 1827 г. Такой порядок установлен был еще письмом от 30 сентября 1826 г., где Пушкину сообщалась высочайшая воля: «Государь Император не только не запрещает приезда вам в столицу, но предоставляет совершенно на вашу волю с тем только, чтобы предварительно испрашивали разрешения чрез письмо»²².

То есть поездки в Петербург не возбранялись, но не в такой степени, как для любого российского верноподданного, а лишь при получении особого разрешения.

При этом Бенкендорф завершает письмо любезностью в лучших традициях дворцового этикета: «Мне же, с моей стороны, весьма приятно будет с вами здесь увидеться и изустно вас уверить в совершенном почтении, с коим пребываю Вашим покорнейшим слугою»²³.

20 июля 1827 г. Пушкин обращается к Бенкендорфу с просьбой о поддержке в деле с Ольдекопом²⁴, но получает отказ, мотивированный тем, что в российском книгоиздательстве перепечатка подлинника при совершенном с него переводе не возбраняется.

10 сентября 1827 г. Пушкин попытается оспорить такое положение дел, но его соображения не будут приняты во внимание.

В переписке в марте-апреле 1828 г. Пушкин постоянно поднимает вопрос о своем участии в предстоящей войне с Турцией, но в письме от 20 апреля Бенкендорф сообщает об отказе царя удовлетворить его желание. При этом, добавляет Бенкендорф, царь не забудет о просьбе Пушкина и «воспользуется первым случаем, чтобы употребить отличные» его «дарования в пользу отечества».

²² См. раздел «Письма».

²³ Там же.

²⁴ Ольдекоп Евстафий Иванович (1786–1845) — переводчик и редактор-издатель «St.-Petersburgische Zeitschrift», в 1824 г. сопровождал свой перевод «Кавказского пленника» на немецкий язык текстом подлинника, чем лишил Пушкина возможности второго издания поэмы и, следовательно, получения определенной суммы денег, которая была бы выручена Пушкиным при этом.

Не получив разрешения отправиться в действующую армию, Пушкин 1 мая самовольно выезжает из Москвы на Кавказ и возвращается в Москву 20 сентября.

Бенкендорф письмом от 14 октября 1829 г. требует от Пушкина объяснений по поводу его самовольной поездки на Кавказ: «...покорнейше прошу Вас уведомить меня, по каким причинам не изволили Вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предупредив меня о намерении вашем сделать сие путешествие»²⁵.

В ответном письме от 10 ноября 1829 г. Пушкин, встревоженный неудовольствием царя, надеется на снисхождение Бенкендорфа:

«Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения. Я бы предпочел подвергнуться самой суровой немилости, чем прослыть неблагодарным в глазах Того, Кому я всем обязан, Кому готов пожертвовать жизнью, и это не пустые слова. Я покорнейше прошу Ваше превосходительство быть в этом случае моим провидением, и остаюсь с глубочайшим почтением, генерал...»²⁶

Письмом от 7 января 1830 г. Пушкин запрашивает Бенкендорфа о возможности поездки во Францию, в Италию или в Китай, но не получает разрешения ни на одну из поездок²⁷.

Новое неудовольствие поведением Пушкина Бенкендорф высказывает в письме от 17 марта 1830 г. Теперь он выговаривает Пушкину за несогласованный с ним «внезапный» отъезд в Москву, на что Пушкин в ответном письме от 21 марта 1830 г. напоминает Бенкендорфу, что с 1827 г. он «каждую зиму проводил в Москве, осень в деревне, никогда не испрашивая предварительного дозволения и не получая никакого замечания»²⁸.

²⁵ См. раздел «Письма».

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

Обострение отношений с Бенкендорфом в марте 1830 г., возможно, было вызвано начавшимся открытым (моральным и политическим) противостоянием Пушкина и Ф. В. Булгарина, в котором Бенкендорф по долгу службы (Булгарин являлся негласным агентом III отделения) занял сторону пушкинского врага²⁹.

Конфликт начался после публикации в ноябре 1829 г. в трех номерах журнала «Сын Отечества» романа Булгарина «Дмитрий Самозванец», в котором Пушкин обнаружил прямые заимствования из своей трагедии «Борис Годунов».

И тут Пушкин понял, кто рецензировал в 1826 г. «Бориса Годунова» по заданию Бенкендорфа и чью формулировку переделать трагедию в «историческую повесть или роман на подобие *Валтера Скота*» (письмо Бенкендорфа от 14 декабря 1826 г.³⁰) использовал царь при оценке пушкинского произведения.

Булгарин тоже понимал, что теперь его карты в интриге с «Борисом Годуновым» раскрыты, и поэтому приписал Пушкину разгромную рецензию без подписи на роман «Дмитрий Самозванец», появившуюся в «Литературной газете» 7 марта 1830 г.³¹

Через четыре дня в «Северной пчеле» появился «Анекдот», злобный пасквиль на Пушкина и его африканское происхождение (хотя имя Пушкина, разумеется, не упоминалось), далеко выходящий за рамки приличия.

14 марта Пушкин ответил Булгарину эпиграммой:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Эпиграмма стала распространяться по Москве.

²⁹ См. приложение: «Царь и Бенкендорф в противостоянии Пушкина и Булгарина».

³⁰ См. раздел «Письма».

³¹ На самом деле ее автором был Дельвиг.

Чуть позже, письмом от 24 марта 1830 г., Пушкин, надеясь, как и прежде, на поддержку Бенкендорфа, извещает вельможного генерала о накаленности своих отношений с Булгариным и признается, что этот человек может причинить ему «бесконечно много зла»³².

Но, как станет видно из приведенных ниже документов, Бенкендорф совершенно явно берет в этом конфликте сторону не Пушкина, а своего негласного сотрудника. Поддержку же Пушкину (интересно, знал ли об этом сам поэт?) оказывает Николай I.

В том же письме Бенкендорфу Пушкин, вновь пытаясь вырваться из географического треугольника Петербург — Москва — Михайловское, просит испросить разрешение царя на поездку в Полтаву для встречи с другом юности Николаем Раевским.

Между тем конфликт с Булгариным развивается. 18–19 марта 1830 г. выходит из печати седьмая глава «Евгения Онегина», и в связи с этим 22 марта 1830 г. в «Северной пчеле» — № 35 — появляется статья Булгарина, в которой эта глава подвергается уничижительной критике.

Критика Булгарина не понравилась Николаю I, и он не замедлил сообщить об этом Бенкендорфу в записке, написанной в тот же день 22 марта:

«Я забыл вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере “Пчелы” находится опять³³ несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье наверное будет продолжение: по этому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; и если возможно, запретите его журнал»³⁴.

Бенкендорф ответил императору через несколько дней, предположительно, 25 марта:

«Приказания Вашего Величества исполнены: Булгарин не будет продолжать свою критику на Онегина.

³² См. раздел «Письма».

³³ Царское «опять» свидетельствует о том, что и прежние выпады (быть может, булгаринский «Анекдот», опубликованный в «Северной пчеле» 11 марта 1830 г.) против Пушкина вызывали его неудовольствие и обсуждались с Бенкендорфом, но, к сожалению, эта переписка до нас не дошла.

³⁴ Выписки из писем... С. 7–8.

Я прочел ее, Государь, я должен сознаться, что ничего личного против Пушкина не нашел; эти два автора, кроме того, вот уже года два в довольно хороших отношениях между собой. Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается над тем, что путешествие за Кавказскими горами и великие события, обезсмертившие последние года, не придали лучшего полета гению Пушкина. Кроме того, московские журналисты ожесточенно критикуют³⁵ Онегина...»³⁶.

Здесь мы прерываем ответ Бенкендорфа, чтобы прокомментировать процитированное. Как видно из его ответа, он защищает Булгарина и, в частности, обращает внимание венценосного корреспондента на сетования своего подопечного по поводу отсутствия у Пушкина патриотических чувств: не воспел победу над Турцией³⁷, свидетелем которой ему посчастливилось быть во время присутствия в действующей армии на Кавказе в 1829 г. Участие Пушкина в боевых действиях Бенкендорф подчеркнуто называет путешествием.

Особенно удивляет следующее утверждение Бенкендорфа: «...эти два автора, кроме того, вот уже года два в довольно хороших отношениях между собой». То есть Бенкендорф заведомо вводит царя в заблуждение по поводу характера текущих отношений Пушкина и Булгарина.

Но возвратимся к переписке Бенкендорфа с царем. В процитированном фрагменте письма Бенкендорф защищал Булгарина, а в той части, что будет процитирована ниже, решил перейти в наступление, представив в негативном свете критику болгаринского романа:

«Прилагаю при сем статью против Дмитрия Самозванца, — пишет Бенкендорф, — чтобы Ваше Величество видели, как нападают на Булгарина. Если бы Ваше Величество прочли это сочинение,

³⁵ Это признавал и сам Пушкин.

³⁶ Выписки из писем... С. 8.

³⁷ На самом деле, поездка на Кавказ в 1829 г. вдохновила Пушкина на ряд замечательных стихотворений, среди которых есть и непосредственные отклики на военные события: «Из Гафиза», «Олегов щит», «Дон», «Делибаш», в черновиках набросках остались «Опять увенчаны мы славой...», «Был и я среди донцов», «Благословен твой подвиг новый...».

то Вы нашли бы в нем очень много интересного и в особенности монархического, а также победу легитимизма. Я бы желал, чтобы авторы, нападающие на это сочинение, писали в том же духе, так как сочинение — *это совесть писателя* [курсив Бенкендорфа. — *Прим. авт.*]»³⁸.

Николай I ответил Бенкендорфу на том же листе:

«Я внимательно прочел критику на Самозванца и должен вам сознаться, что так как я не мог пока прочесть более двух томов и только сегодня начал третий, то *про себя или в себе* размышлял точно так же. История эта, сама по себе, более чем достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главного события. А потому, с этой стороны критика, мне кажется, справедлива.

Напротив того, в критике на Онегина только факты и очень мало смысла [курсив Николая I. — *Прим. авт.*]»³⁹.

Таким образом, царь уничижительно отзываясь о романе Булгарина, признает критику в его адрес справедливой и, наоборот, критику седьмой главы «Евгения Онегина» — несостоятельной.

Бенкендорф «разбит» по всем пунктам.

Правда, в конце императорского текста содержится некоторая уступка оппоненту, продиктованная чувством патриотизма, понимание которого у Николая I и Бенкендорфа, конечно, идентично:

«...хотя я совсем не извиняю автора, который сделал бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы⁴⁰, но гораздо менее благородному, нежели его Полтава. Впрочем, если критика эта будет продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее везде»⁴¹.

Однако Бенкендорф, видимо, не проявил достаточной прыти для исполнения царского указания или Булгарин не захотел подчиниться, и продолжение его статьи с критикой седьмой главы «Евгения Онегина», как и предполагал Николай I, появилось в «Северной пчеле» — № 39 — 1 апреля 1830 г.

³⁸ Выписки из писем... С. 8–9.

³⁹ Там же. С. 9.

⁴⁰ Имеется в виду седьмая глава «Евгения Онегина».

⁴¹ Выписки из писем... С. 9–10.

В связи с этим имеются указания на то, что Булгарин за неповиновение якобы был отправлен на гауптвахту. О том упомянул без ссылки, к сожалению, на источник П. Н. Столпянский⁴² в статье «Пушкин и „Северная пчела“ (1825–1837)»:

«При появлении своем она [статья Булгарина. — *Прим. авт.*] вызвала даже неудовольствие Императора Николая I, и за нее Булгарин сел на гауптвахту»⁴³. Упоминание об этом есть и в письме В. А. Каратыгина к П. А. Катенину: «...по Высочайшему указу Булгарина посадили на гауптвахту»⁴⁴.

Письмом от 3 апреля 1830 г. Бенкендорф отвечает на пушкинское письмо от 24 марта, где заверяет поэта, что Булгарин никогда не имел с ним разговора о Пушкине и что вообще он видит Булгарина не чаще двух-трех раз в году. По поводу же просьбы поехать в Полтаву генерал сообщает, что император запрещает «именно эту поездку, так как у него есть основание быть недовольным поведением г-на Раевского за последнее время»⁴⁵.

16 апреля Пушкин обращается к Бенкендорфу с новыми просьбами, связанными теперь с предстоящей женитьбой:

«Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у Государя... Счастье мое зависит от одного благосклонного слова Того, к Кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность».

Кроме того, он (извиняясь за «смелость своих возражений») вновь просит разрешение напечатать «Бориса Годунова» в том виде, как он (автор) считает нужным, подчеркивая при этом и материальную необходимость для себя этой публикации в связи «с нынешними обстоятельствами»⁴⁶.

⁴² Указал Н. Л. Гуданец.

⁴³ Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. 19–20. С. 146.

⁴⁴ Летопись жизни и творчества. Т. 3. С. 259.

⁴⁵ См. раздел «Письма».

⁴⁶ Там же.

Письмом от 28 апреля 1830 г. Бенкендорф сообщает Пушкину, что царь с «благодарным удовлетворением» воспринял известие о его женитьбе, а по поводу «личного положения», внушавшего определенные сомнения будущей теще поэта Н. И. Гончаровой, заверяет, что «в нем не может быть ничего ложного и сомнительного». А дальше следует признание, которое должно было, с одной стороны, произвести благоприятное впечатление на будущую тещу поэта, а с другой, отражало его истинную роль во взаимоотношениях с Пушкиным:

«Его Императорское Величество в отеческом о вас, милостивый государь, попечении, соизволил поручить мне, генералу Бенкендорфу, — не шефу жандармов, а лицу, коего он удостоивает своим доверием, — наблюдать за вами и наставлять Вас своими советами; никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за вами надзор. Советы, которые я, как друг, изредка давал Вам, могли пойти Вам лишь на пользу, и я надеюсь, что с течением времени Вы в этом будете все более и более убеждаться».

Что касается негласного надзора над Пушкиным, это, конечно, лукавство, а вот «дружеские» советы Бенкендорфа действительно имели место, и Пушкин действительно «все более и более» убеждался в их полезности и плодотворности и нередко обращался к своему могущественному корреспонденту за поддержкой, что будет видно из их последующей переписки⁴⁷.

В связи с упомянутым письмом Бенкендорфа Пушкин в мае 1830 г. обращается с письмом в Министерство иностранных дел, в котором просит выдать ему аттестат, не выданный при увольнении в 1824 г. «из ведомства Государственной Коллегии иностранных дел»⁴⁸.

Тем же письмом от 28 апреля Бенкендорф извещал Пушкина о том, что царь разрешает ему печатать трагедию «Борис Годунов» без цензуры — под его личную ответственность, что может

⁴⁷ См., например, письмо Вяземскому от 17 марта 1836 и Дондукову-Корсакову от 18 марта того же года.

⁴⁸ Пушкин А. С. Полное собр. соч. в 17 т. М.: Воскресение, 1996. Т. 14. С. 252. В дальнейшем все ссылки даются по этому изданию в тексте: в скобках арабскими цифрами указываются номер тома и номер страницы.

рассматриваться как своеобразный подарок к женитьбе Пушкина — трагедия ждала опубликования пять лет!

Став женихом, Пушкин оказывается вовлеченным в новые проблемы. Дед его невесты, Афанасий Николаевич Гончаров, испытывая недостаток в средствах накануне замужества своей внучки, решил получить деньги за бронзовую статую Екатерины II, хранившуюся в принадлежавшей ему усадьбе Полотняный Завод. Статуя была приобретена его отцом Николаем Афанасьевичем в Берлине в честь посещения Полотняного Завода императрицей Екатериной II, случившегося в 1775 г. Не надеясь продать статую как произведение искусства, А. Н. Гончаров решил пустить её в переплавку, чтобы потом выручить деньги хотя бы за бронзу, из которой была отлита скульптура. Для этого необходимо было разрешение царя. И дед Натальи Николаевны попросил будущего зятя получить такое разрешение, рассчитывая на его связи при дворе.

С этой просьбой Пушкин обратился к Бенкендорфу письмом от 29 мая, и 26 июня 1830 г. получил ответ, в котором сообщалось о «соизволении» Николая I удовлетворить просьбу А. Н. Гончарова⁴⁹.

Пушкин благодарит Бенкендорфа за содействие в решении вопроса с бронзовой статуей письмом от 4 июля⁵⁰, в котором также сообщает, что на днях приедет в Петербурге и будет «иметь счастье» явиться к его превосходительству.

В письме от 9 января 1831 г. Бенкендорф уведомляет Пушкина, что царь читал «Бориса Годунова» «с особым удовольствием»⁵¹.

В письме Бенкендорфу около (не позднее) 21 июля 1831 г. Пушкин признается в том, что «с радостью взялся бы за редакцию политического и литературного журнала».

⁴⁹ См. раздел «Письма». Переплавку статуи отложили, и тема эта получила дальнейшее продолжение.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Трагедия вышла из печати в самом конце 1830 г. с указанием на титуле 1831 г.

Но больше всего ему хотелось бы «заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках», чтобы «со временем исполнить <...> давнишнее желание написать Историю Петра Великого и его наследников до Государя Петра III»⁵².

На самом деле, вопрос о работе в архивах был уже решен, и письмо к Бенкендорфу являлось лишь формальностью. Пушкин еще до этого письма встретился с Николаем I на прогулке в Царском Селе и обсудил с ним возможность получения доступа в архивы с целью написания истории Петра.

На письме Пушкина Бенкендорф наложил резолюцию:

«Написать гр. Нессельроде, что Государь велел его принять в Иностранную коллегию с позволением рыться в старых архивах...»

А в середине октября в очередном письме Бенкендорфу Пушкин демонстрирует восхитительное простодушие, предполагая, что и Собрание своих стихотворений⁵³ он может издавать «под собственную ответственность», как это было с публикацией «Бориса Годунова».

Бенкендорф в ответном письме не замедлит уточнить, что разрешение царя было разовым и относилось только к изданию трагедии.

Письмом Бенкендорфу от 24 ноября 1831 г. Пушкин, вспоминая оскорбительный пасквиль Булгарина годичной давности, в котором его прадед Ганнибал представлен был негритенком, «купленным матросом за бутылку рома», объясняет, каким образом стихотворение «Моя родословная», явившееся ответом на пасквиль Булгарина и оставшееся неопубликованным, разошлось в списках.

В конце 1831 г. в альманахе «Северные цветы на 1832 год» было опубликовано стихотворение «Анчар», вызвавшее неудовольствие Бенкендорфа, который в подчеркнуто официальном письме от 7 февраля 1832 г.⁵⁴ требует объяснений, почему это стихотворение вместе с рядом других напечатано без высочайшего разрешения?⁵⁵

⁵² См. раздел «Письма».

⁵³ Третья часть «Стихотворений А. Пушкина» выйдет из печати в марте 1832 г.

⁵⁴ См. раздел «Письма».

⁵⁵ См. приложение: «Царь» или «князь»? (К истории публикации стихотворения «Анчар».)

В тот же день, 7 февраля 1832 г., Пушкин пишет ответное письмо⁵⁶, в котором излагает свой взгляд на условия договоренности 8 сентября 1826 г. с Николаем I: «Я всегда твердо был уверен, что Высочайшая *милость*, коей неожиданно был я удостоен, не лишает меня и *права*, данного Государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры».

При этом он ссылается на то, что в течение прошедших шести лет стихотворения его печатались и перепечатывались и с разрешения обычной цензуры и никогда не возникало какого-либо неудовольствия по этому поводу. В завершение Пушкин просит личной аудиенции у Бенкендорфа. Встреча, судя по резолюции, сохранившейся на этом письме Пушкина, состоялась 10 февраля⁵⁷. Во время разговора с Бенкендорфом Пушкин, по-видимому, более развернуто представил свои доводы с конкретными указаниями на осуществлявшиеся ранее публикации его стихотворений, пропущенные обыкновенной цензурой.

Представление, возобладавшее в советском пушкиноведении, что дело было не в нарушении установленного порядка, а в том, что Бенкендорф усмотрел в стихотворении «Анчар» антиправительственные аллюзии, не имеет достаточных оснований.

18–24 февраля 1832 г.⁵⁸ Пушкин пишет новое письмо Бенкендорфу, защищая свои права. Он указывает на то, что ему всегда было «тяжело и совестно озабочивать царя» рассмотрением отдельных стихотворений («стихотворными безделицами») и поэтому он обращался для их издания к обычной цензуре.

Не обходит Пушкин молчанием и возможные попытки истолкования стихотворения «Анчар» в таком духе, когда «под словом *дерево* будут разумеать конституцию, а под словом *стрела* самодержавие». И заключает, что для таких «обвинений в применениях и подразумениях» нет границ. Все эти пушкинские возражения остались в черновике, а в беловом (отосланном) тексте, датированном 24 февраля 1832 г.,⁵⁹ сохранилась лишь благодар-

⁵⁶ См. раздел «Письма».

⁵⁷ Летопись жизни и творчества. Т. 3. С. 449.

⁵⁸ См. раздел «Письма».

⁵⁹ Там же.

ность царю за подарок, которого царь его удостоил. Дело в том, что 17 февраля с сопроводительным письмом Бенкендорфа Пушкину было доставлено «Полное собрание законов Российской империи» в 55 томах⁶⁰. Для его составления в 1826 г. Николаем I было создано II отделение собственной его императорского величества канцелярии, которое работало под неофициальным руководством М. М. Сперанского⁶¹ вплоть до 1830 г.

Подарок царя в разгар нелицеприятных объяснений с Бенкендорфом позволяет предположить, что выговор за публикацию «Анчара» был, скорее всего, личной инициативой Бенкендорфа или, во всяком случае, царь не придал критике Бенкендорфа серьезного значения.

Постоянная нехватка денег, связанная с необходимостью вести великосветский образ жизни, не дает покоя Пушкину.

Так, 3 мая 1832 г.⁶² он обращается к Бенкендорфу с просьбой разъяснить, «откуда и считая с какого дня» он должен получать свое жалованье историографа, назначенное ему по указанию царя.

А письмом Бенкендорфу от 8 июня 1832 г. Пушкин возвращается к теме бронзовой статуи Екатерины II: теперь он предлагает правительству купить статую, так как она представляет, по его мнению (после осмотра скульптуры), художественную ценность и у него не поднимается рука отправить ее в переплав.

Материальной проблемой продиктовано и письмо Пушкина к Бенкендорфу от 27 мая 1832 г.⁶³, в котором он прямо говорит, что

⁶⁰ Официальное собрание всех действующих законодательных актов Российской империи, расположенных в тематическом порядке, созданное при царе Николае I в 1826–1830 гг.

⁶¹ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — государственный и общественный деятель, приверженец реформ, законотворец; в его ведении находились государственные типографии.

⁶² См. раздел «Письма».

⁶³ Там же.

семейное положение требует от него думать об увеличении своих доходов, в связи с чем он просит разрешить ему открыть политическую газету. При этом ссылка на Жуковского, воспитателя великого князя Александра, в конце письма говорит о том, что поэт пытается использовать все имеющиеся возможности для получения разрешения на открытие собственного издания.

По-видимому, Бенкендорф предложил изложить это более подробно, в результате чего появился еще один текст письма от 27 мая 1832 г., который не имеет ни обращения к адресату, ни завершающих официальных фраз, извещающих о высоком уважении к адресату, и поэтому рассматривается нами как приложение к упомянутому письму⁶⁴.

Здесь необходимо указать, что замысел создания собственной газеты или журнала появился у Пушкина еще во время Михайловской ссылки. Этой мыслью он делился с Вяземским (письма от 19 февраля и от 10 августа 1825 г., 27 мая и 9 ноября 1826 г.), с Катениным (письмо от второй половины февраля 1826 г.), с Плетневым (письма от 26 марта и 11 апреля 1831 г.), снова с Вяземским (14 августа и 3 сентября 1831 г.), с Нащокиным (письмо от 22 октября 1831 г.).

В упомянутом приложении к письму Пушкин сетует на то, что «Северная пчела», издаваемая Булгариным и Гречем, безраздельно доминирует на книжном рынке, имея 3000 подписчиков против нескольких сотен подписчиков у любого чисто литературного издания. Это доминирование основывается на том, что лишь Булгарину и Гречу разрешено правительством публиковать политические известия, привлекающие внимание публики.

«Таким образом, — пишет Пушкин, — литературная торговля находится в руках издателей Северной Пчелы, и критика, как и политика, сделалась их монополией. От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских сношениях с издателями Северной Пчелы».

По-видимому, какая-то предварительная договоренность об открытии Пушкиным собственного издания была достигнута, о каком-то

⁶⁴ См. раздел «Письма».

«обещанном позволении» Вяземский сообщал И.И. Дмитриеву⁶⁵ письмом от 3 июня 1832 г.⁶⁶

На основании этой предварительной договоренности Пушкин и сообщает в письме от 11 июля 1832 г. Погодину (15, 27), что царь разрешил ему политическую газету. А в начале сентября даже был составлен пробный номер под названием «Дневник. Политическая и литературная Газета».

Редактором газеты должен был стать литератор и экономист Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков (1805–1873), которому Пушкин около 16 сентября 1832 г. выдает доверенность на все необходимые для издания газеты действия. В письме к жене из Москвы от 30 сентября, где Пушкин в это время находился (вероятно, с целью привлечения сотрудников в новое издание), он признавался: «...покамест голова моя кругом идет при мысли о газете. Как-то слажу с нею. Дай Бог здоровье Отрыжкову; авось вывезет» (15, 33–34).

В отсутствие Пушкина Бенкендорф письмом от 1 октября 1832 г.⁶⁷ известил жену поэта о готовности принять Тарасенко-Отрешкова для переговоров о газете и назначил день этой встречи.

Но по возвращении из Москвы Пушкин получил письмо А. Н. Мордвинова от 21 октября 1832 г. (15, 35), замещавшего в тот момент Бенкендорфа, в котором ему предлагалось воздержаться от каких-либо немедленных действий по изданию газеты до возвращения Бенкендорфа из Ревельской губернии.

Как резюмировал Пиксанов⁶⁸ в упомянутой работе «Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневник“», факты «настойчиво свидетельствовали о том, что в атмосфере, насыщенной страхами июльской революции и польского восстания, трудно было издавать журнал кому-либо иному, кроме прирожденных Булгариных»⁶⁹.

⁶⁵ Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — поэт, баснописец.

⁶⁶ Пиксанов Н. К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» // Пушкин и его современники. Вып. V. Пг., 1907. С. 51.

⁶⁷ Летопись жизни и творчества. Т. 3. С. 510.

⁶⁸ Пиксанов Николай Кирьякович (1878–1869) — литературовед, сотрудник Пушкинского Дома.

⁶⁹ Пиксанов Н. К. Указ. соч. С. 72–73.

Летом 1833 г. Пушкин оказывается поглощен новым творческим замыслом: он решает прервать работу в архивах по сбору материалов для «Истории Петра I», чтобы посетить Казань и Оренбург (см. черновое письмо Бенкендорфу от 22 июля⁷⁰). Новый замысел — история Пугачевщины — возник у Пушкина еще в пору работы над «Дубровским». Именно в связи с этим 6 февраля 1833 г. работа над романом прерывается, и он остается неоконченным.

В письме от 29 июля 1833 г. А. Н. Мордвинов (15, 69), сменивший на посту управляющего III отделением умершего Фон-Фока, передает Пушкину вопрос царя: что побуждает его к поездке в Оренбург и Казань, ради которой он решил оставить «занятия», здесь на него «возложенные»?

Пушкин письмом от 30 июля отвечает Мордвинову (15, 69–70), что собирается дописать роман, «коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани», что именно художественное творчество (которое он в угоду царю вновь называет «суетными занятиями», «безделкою») доставляет ему необходимый денежный доход, что семья его растет (6 июля 1833 г. родился второй ребенок, сын Александр), а «жизнь в столице дорога», и одно царское жалованье за работу в архивах не может покрыть всех расходов.

В ответном письме от 7 августа (15, 71) Мордвинов сообщает, что царь разрешает Пушкину поездку в Оренбург и Казань сроком на четыре месяца.

А письмом от 6 декабря 1833 г. Пушкин просит Бенкендорфа представить царю на рассмотрение уже готовую «историю пугачевщины», написанную вместо «исторического романа», под которым подразумевается, конечно, повесть «Капитанская дочка». Она будет окончена лишь в осенью 1836 г.

В том же письме Пушкин просит разрешить ему публикацию «Медного всадника» в альманахе книгопродавца А. Ф. Смирдина (1795–1857), с тем чтобы и через цензуру провел эту стихотворную повесть Смирдин. Разрешение не будет получено.

⁷⁰ См. раздел «Письма».

Между тем материальная ситуация в начале 1834 г. не становится лучше, а еще усугубляется тем, что накануне царь жалует 34-летнему Пушкину звание камер-юнкера. Теперь он и Наталья Николаевна оказываются еще более привязанными к двору, где присутствие жены поэта на всех великосветских балах становится неизбежным.

Пушкин письмом Бенкендорфу от 7–10 февраля 1834 г.⁷¹ собирается обратиться к царю за ссудой в 15 тыс. руб. на печатание «Истории Пугачева». Оценив свою материальную ситуацию, Пушкин справедливо рассудил, что печатать книгу самостоятельно выйдет дешевле, чем через посредников. В таком случае Пушкин предполагал получить за продажу книги 40 тыс. руб., необходимых ему для выкупа части Болдина, наследства дяди Василия Львовича Пушкина, умершего 20 августа 1830 г. Имение дяди было заложено в опекуновском совете, и Пушкин лелеял мечту выкупить его и соединить со своим имением. Свои соображения он изложил в упомянутом письме Бенкендорфу, но оно осталось в черновом виде, потому что Пушкин 9 февраля, по-видимому, видел Бенкендорфа на балу у австрийского посланника⁷² и договорился о встрече.

11 февраля Пушкин был принят Бенкендорфом, передал ему вторую часть «Истории Пугачева» для одобрения императором и попросил о ссуде, на что Бенкендорф порекомендовал ему подготовить официальное прошение на имя Николая I⁷³.

Забегая вперед, отметим, что расчеты Пушкина оказались не верны. Книга продавалась плохо, он выручил за нее вместо 40 всего 20 тыс. руб. А после его смерти в его квартире было обнаружено 1775 экземпляров из трехтысячного издания «Истории». Имение В. Л. Пушкина было продано с аукциона в 1835 г.⁷⁴

26 февраля Пушкин посетил Бенкендорфа, который сообщил ему о положительном решении царя по поводу прошения о выдаче ссуды на печатание «Истории Пугачева» и по поводу печатания

⁷¹ См. раздел «Письма».

⁷² Летопись жизни и творчества. Т. 4. С. 148.

⁷³ Там же. С. 149.

⁷⁴ Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л.: Наука, 1969. С. 209.

«Истории Пугачева» в типографии II отделения, подведомственной М. М. Сперанскому⁷⁵.

Результатом встречи с Бенкендорфом стали два письма Пушкина от 26 и 27 февраля 1834 г. на его имя⁷⁶, в которых Пушкин просит выделить ему ссуду в 20 тыс. руб. и дать указание типографии, подведомственной М. М. Сперанскому, начать печатание «Истории Пугачева». На письме от 26 февраля Бенкендорф начертал резолюцию министру финансов о выдаче Пушкину 20 тыс. руб. на издание «Истории Пугачева»⁷⁷. То есть в процессе согласования ссуды с царем сумма ее возросла на 5 тыс. руб.

4 марта 1834 г. Бенкендорф письмом⁷⁸ уведомляет Пушкина о том, что царь повелел выдать ему 20 тыс. руб. заимообразно на два года с процентами и что он, Бенкендорф, передал министру финансов повеление царя выдать деньги.

В тот же день Л. В. Дубельт письмом (15, 114) извещает Пушкина по поручению Бенкендорфа о том, что Сперанскому передано повеление царя печатать «Историю Пугачева» в одной из подведомственных ему типографий.

Письмами от 5 марта⁷⁹ Пушкин выражает Бенкендорфу «чувства глубочайшей благодарности за могущественное ходатайство», имея в виду положительное решение царя по поводу денежной ссуды, а Дубельту (15, 115) сообщает, что получил его уведомление о том, что «История Пугачева» будет печататься в одной из типографий, подведомственных Сперанскому.

6 марта Пушкин отмечает в дневнике, что царь дал ему займы 20 тыс. руб. на печатание «Истории Пугачева», и пишет по этому поводу: «Спасибо» (12, 320).

8 марта Бенкендорф получает от императора II том «Истории Пугачева» с его замечаниями и препровождает его Пушкину с письмом от того же числа⁸⁰.

⁷⁵ Летопись жизни и творчества. Т. 4. С. 152–153.

⁷⁶ См. раздел «Письма».

⁷⁷ Письма последних лет... С. 211.

⁷⁸ См. раздел «Письма».

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

В этот же день Сперанский после разговора с царем пишет на письме Бенкендорфа к нему от 4 марта резолюцию: «Высочайше повелено напечатать без цензуры, как сочинение уже удостоенное Высочайшего прочтения, и на казенный счет»⁸¹. Таким образом, можно констатировать, что обе просьбы Пушкина, впервые сформулированные в его черновом письме Бенкендорфу от 7–10 февраля 1834 г., удовлетворены Николаем I.

Но переписка по поводу денежной ссуды и издания «Истории Пугачева» продолжается. 21 марта директор канцелярии министерства финансов Д. М. Княжевич (15, 119) уведомил Пушкина, что казначейству предписано выдать ему 20 тыс. руб. «в ссуду на два года без процентов». Тем самым содержащиеся в письме Бенкендорфа от 4 марта 1834 г. (см. выше) условия выдачи ссуды под проценты были отменены. По-видимому, это сделал Николай I при подписании 16 марта проекта указа о выдаче ссуды⁸². В ответном письме от 22 марта Пушкин благодарит Княжевича (15, 119) и в этот же день получает деньги⁸³.

24 марта Бенкендорф в письме Пушкину⁸⁴ сообщает, что при подписании 16 марта 1834 г. упомянутого нами проекта указа император собственноручно написал «вместо История Пугачева, — *История Пугачевского бунта*». Бенкендорф просит учесть изменение названия при печатании книги.

Таким образом, многократно повторенное в публикациях советского времени требование Николая I об изменении названия пушкинского произведения на самом деле сопряжено с рядом умалчиваемых советскими пушкинистами обстоятельств, важнейшим из которых является выдача Пушкину беспроцентной денежной ссуды.

Скорее всего, желание царя изменить название книги стало известно Пушкину еще до получения упомянутого письма Бенкендорфа, потому что уже в благодарственном письме Княжевичу от 22 марта (см. выше) он употребляет название «История Пугачевского бунта».

⁸¹ Летопись жизни и творчества. Т. 4. С. 158.

⁸² См. раздел «Письма».

⁸³ Летопись жизни и творчества. Т. 4. С. 163.

⁸⁴ См. раздел «Письма».

В конце 1833 г. царь жалует 34-летнему Пушкину звание камер-юнкера, несоответствующее его летам, что выводит поэта из равновесия. В апреле 1834 г. в Москве перлюстрируются письма Пушкина жене, и их обсуждают во дворце. Материальное положение семьи продолжает оставаться тяжелым.

Пушкин осознает, в какую западню он попал, оказавшись приближенным к царю и, как следствие этого, привязанным к нему службой и материальными вспомоществованиями. Все это вместе приводит его к мысли об отставке и переезде в деревню, что кардинально сократило бы семейные расходы и позволило бы в несколько лет рассчитаться с долгами.

25 июня 1834 г. Пушкин в письме Бенкендорфу⁸⁵ просит об отставке, но с сохранением за ним права посещать архивы, чтобы иметь возможность продолжать работать над историей Петра, которая увлекла его.

Но 2 июля известие об отставке Пушкина доходит до Жуковского, находящегося в это время на даче императрицы в Петергофе. Николай I говорит с ним об этом. Жуковский, взволнованный полученным известием, в тот же день пишет письмо Пушкину (15, 171) и передает его с Блудовым, отправляющимся в Петербург⁸⁶. Пушкин получает письмо на следующий день.

Жуковский, неизменный защитник своего младшего друга, признается, что не понимает причин поступка Пушкина, вследствие чего он и не смог ничего объяснить в разговоре с царем. Далее он сообщает, что, не зная ситуации, спросил царя, нельзя ли все это поправить. Царь ответил, что удерживать против воли никого не намерен, но охотно согласился вернуть ситуацию назад.

В тот же день, 3 июля, Пушкин, не считая возможным не прислушаться к совету Жуковского, пишет Бенкендорфу⁸⁷, что считает свой поступок «неблаговидным» и просит «не давать ходу» своему

⁸⁵ См. раздел «Письма».

⁸⁶ Летопись жизни и творчества. Т. 4. С. 209.

⁸⁷ См. раздел «Письма».

прошению. Но при этом указывает на необходимость для него отпуска на несколько месяцев.

Вечером 3 июля Пушкин получает письмо Бенкендорфа из Петергофа от 30 июня 1834 г.⁸⁸ с ответом на свою просьбу об отставке, в котором сообщается, что «Его Императорское Величество, не желая никого удерживать против воли», сделал соответствующее распоряжение вице-канцлеру. При этом уточняется, что пользование архивами станет для Пушкина невозможным, «так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностию начальства».

4 июля Пушкин пишет новое письмо Бенкендорфу⁸⁹, понимая, что предыдущее письмо от 3 июля не сможет никого удовлетворить. В нем он признает, что прошение об отставке «могло показаться безумной неблагодарностию и сопротивлением воле Того, Кто донныне» являлся более «благодетелем, нежели Государем».

В тот же день, 4 июля, Пушкин получает через Хитрово⁹⁰ взволнованное письмо Жуковского от 3 июля (15, 172–173) и пишет ответ (15, 173–174), где, ссылаясь на «хандру и досаду» в момент принятия решения, объясняет причины своего прошения об отставке: «Домашние обстоятельства мои затруднительны; положение мое не весело; перемена жизни почти необходима».

Признается, что изъяснять все это Бенкендорфу «не хватило духу», что не имел намерения «произвести, что вышло», и что писать непосредственно царю — значит «снова просить», а царь и так уж много сделал для него.

В тот же день, 4 июля, Жуковский, получив письмо Пушкина, по-видимому, договаривается с Бенкендорфом о встрече по этому делу. И утром следующего дня, 5 июля, он был принят Бенкендорфом⁹¹, который уже получил письма Пушкина. Возможно, Жуковский показал Бенкендорфу и письмо Пушкина к нему от 4 июля.

⁸⁸ См. раздел «Письма».

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Летопись жизни и творчества. Т. 4. С. 211.

⁹¹ Там же.

Все это было признано Бенкендорфом неудовлетворительным, и он разъяснил Жуковскому, как следует написать царю⁹².

Утром 6 июля прекраснодушный Жуковский отправляет с нарочным новое письмо Пушкину (15, 175), в котором возмущается сухостью его писем к Бенкендорфу. Убеждает Пушкина в том, что государь огорчен его поступком, считает его неблагодарностью, что государь до сих пор искренне любил его и желал ему добра, настаивает на том, что писать нужно прямо государю. Жуковский не был посвящен в обмен мнениями о поэте царя и Бенкендорфа, который произошел накануне, 5 июля 1834 г.

А 5 июля, после встречи с Жуковским, Бенкендорф переслал царю оба пушкинских письма при следующей сопроводительной записке:

«Так как он сознается в том, что просто сделал глупость, и предпочитает казаться лучше непосредственным, чем неблагодарным (так как я еще не сообщал о его отставке ни князю Волконскому, ни графу Нессельроде), то я предполагаю, что Вашему Величеству благоугодно будет смотреть на его первое письмо [от 25 июня 1834 г. с прошением об отставке. — *Прим. авт.*] как будто его вовсе не было. Перед нами мерило человека; лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе»⁹³.

Здесь Бенкендорф с солдатской прямоотой излагает истинное отношение к Пушкину: для власти нежелательно предоставлять поэту полную свободу.

Николай I, получив записку Бенкендорфа и прочитав письма Пушкина от 3 и 4 июля 1834 г., согласился с мнением своего служачки и ответил ему:

«Я его прощаю, но позовите его, чтобы еще раз объяснить всю бессмысленность его поведения и чем это все может кончиться; то, что может быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства»⁹⁴.

⁹² Летопись жизни и творчества. Т. 4. С. 212.

⁹³ Выписки из писем... С. 10.

⁹⁴ Там же. С. 10–11.

6 июля Пушкин отвечает⁹⁵ на полученное утром письмо Жуковского. Он чувствует нависшую над ним опасность, но не понимает, что преступного в его желании уйти в отставку ради будущего семьи и собственного спокойствия. Если это выгладит в глазах царя преступлением, он остается и не подает в отставку. «Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед Государем», — пишет Пушкин. «Что мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем?» — спрашивает он. Но, учитывая обстоятельства, соглашается написать третье письмо.

Пишет он все-таки не царю, а Бенкендорфу в тот же день, 6 июля⁹⁶. Письмо состоит из красноречивых признаний благодарности царю за проявленные в течение 8-летнего общения милости, не просит прощения, но отказывается от своего желания уйти в отставку.

Ни царь, ни Бенкендорф не собирались вникать в причины, побудившие Пушкина просить отставки и уехать с семьей в деревню. Царь, правда, предоставит Пушкину отпуск на два месяца, а через год — отпуск на четыре месяца и новую денежную ссуду размером в 30 тыс. руб. в июле 1835 г.

Но мы не знаем, чем в конечном счете руководствовался Николай I, совершая эти благодеяния, — добрым отношением к Пушкину (оно, безусловно, имело место) или формулировкой из письма Бенкендорфа от 5 июля 1834 г.: «...лучше, чтоб он был на службе, нежели предоставлен самому себе».

В конце 1834 г. в типографии Сперанского выходит из печати «История Пугачевского бунта», но Пушкин не может получить тираж без высочайшего разрешения. С этим затруднением связано его письмо Бенкендорфу от 17 декабря 1834 г. Пушкин извиняется перед Бенкендорфом, что вновь вынужден прибегнуть к его помощи: «Умоляю Ваше сиятельство извинить меня и устранить это затруднение»⁹⁷.

⁹⁵ См. раздел «Письма».

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ См. раздел «Письма».

Из чернового письма Бенкендорфу, написанного около (не позднее) 11 апреля 1835 г.⁹⁸, видно, что материальная ситуация становится для Пушкина и его семьи все тяжелее. В мае ожидается рождение нового ребенка⁹⁹. Не получая предполагавшихся доходов от продажи «Истории Пугачевского бунта», Пушкин ищет новые способы поправить свое материальное положение. Теперь его надежды связаны с изданием собственной политической и литературной газеты — такой же, как он задумывал в 1832 г. Пушкин признается, что ремесло это «не его», но жизнь в Петербурге, «вызывающая расходы, и дела семьи, крайне расстроенные», требуют от него или оставить исторические труды, которые «стали ему дороги», или опять обращаться за помощью к царю, рассчитывая на его щедрость.

Таким образом обосновывает он необходимость для него издания собственной газеты, в которой публиковались бы свежие мировые и российские политические новости, как это происходит в «Северной Пчеле». Материалы же литературные Пушкин предполагает печатать раз в квартал отдельным изданием наподобие лондонской *Westminster Review*.

Кроме того, Пушкин заранее ищет защиты от министра народного просвещения С. С. Уварова¹⁰⁰ и председателя цензурного комитета М. А. Дондукова-Корсакова¹⁰¹, в связи с чем просит Бенкендорфа назначить цензора будущего издания из канцелярии III отделения, как это установлено для «Северной Пчелы».

Письмо осталось в черновом виде, Пушкин не готов был его отправить.

⁹⁸ См. раздел «Письма».

⁹⁹ 14 мая 1835 г. родится сын Григорий.

¹⁰⁰ Уваров Сергей Семенович (1786–1855). В апреле 1834 г. долго скрываемая взаимная неприязнь между Пушкиным и Уваровым вырвалась наружу.

¹⁰¹ Дондуков-Корсаков Михаил Александрович (1794–1869) — ограниченный, невежественный, по отзывам современников, вице-президент Академии.

Вместо этого он пишет Бенкендорфу 11 апреля другое письмо¹⁰², в котором просит предоставить на рассмотрение царю «Путешествие в Арзрум», которое он хотел бы напечатать в ответ на книгу французского дипломатического агента и писателя «Путешествия на Восток», позволившего себе представить в ней Пушкина в ироническом свете. Пушкин также просит Бенкендорфа о личной встрече — вероятно, чтобы обсудить вопросы, изложенные в упомянутом чуть выше черновом письме.

Утром 16 апреля¹⁰³ Пушкин принят Бенкендорфом и представляет ему свои соображения по поводу издания собственной газеты с ежеквартальным литературным приложением («Летописец»), в котором должен был принимать участие В.Ф. Одоевский¹⁰⁴, а также, вероятно, пожаловался на цензурные притеснения Уварова и Дондукова-Корсакова. Тогда же было передано для императора «Путешествие в Арзрум».

Новая черновая редакция письма к Бенкендорфу, датированная апрелем-маем 1835 г.¹⁰⁵ (ср. выше черновое письмо около — не позднее — 11 апреля 1835 г.), позволяет понять: проект с изданием новой газеты, предложенный Пушкиным, был отвергнут. Пушкин признает, что этим решением царя с него «снято тяжелое бремя». Но отсутствие состояния у него и у жены, расстроенные дела отца не оставляют для него другой возможности, кроме как «прибегнуть к щедротам Государя, который теперь является» его «единственной надеждой». Пушкин просит предоставить ему взаймы 100 тыс. руб. на 10 лет, без процентов, прекратив выплату ежегодного жалованья в 5 тыс. руб., которое он рассматривает как процент с капитала в 125 тыс. руб. При удовлетворении этой просьбы, признается Пушкин, он был бы «совершенно счастлив и спокоен».

Это письмо тоже, по-видимому, осталось неотправленным, потому что столь крупный заем у царя вряд ли был возможен. Пушкин, ища выход из материальной западни, решает просить у царя

¹⁰² См. раздел «Письма».

¹⁰³ Летопись жизни и творчества. Т. 4. С. 298.

¹⁰⁴ Одоевский Владимир Федорович (1804–1869) — писатель и философ.

¹⁰⁵ См. раздел «Письма».

длительного отпуска на три-четыре года. Он пишет новое письмо Бенкендорфу 1 июня 1835 г.¹⁰⁶, где повторяет прежние формулировки из двух написанных ранее, но не отправленных Бенкендорфу писем (см. выше).

Ощущая необходимость покончить с расходами, необходимыми при проживании семьи в Петербурге, расходами, сулящими в будущем «не только беспокойство и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние», Пушкин просит предоставить ему возможность «уединенной жизни в деревне» в течение трех-четырех лет. Но оговаривает при этом, что хотел бы затем вернуться к продолжению работы над историей Петра I и сохранить за собой доступ в архивы. Письмо преисполнено благодарности к императору за предыдущие «благоденствия» и уверением, что при малейшем его неудовольствии новой просьбой об отъезде в деревню (после просьбы об отставке в июне 1834 г.) он предпочтет остаться в своем теперешнем положении, нежели потерять во мнении того, кто был его «благодетелем, не как монарх, не по долгу и справедливости, но по свободному чувству благожелательности возвышенной и великодушной».

Николай I написал на письме следующую резолюцию:

«Нет препятствий ему ехать, куда хочет, но не знаю, как сумеет он согласовать сие со службой; спросить хочет ли отставки ибо иначе нет возможности его уволить на столь продолжительный срок»¹⁰⁷.

Пушкин узнает об этой резолюции Николая I только 4 июля 1835 г. и откликается на нее новым письмом к Бенкендорфу от того же числа¹⁰⁸, в котором фактически просит отставку («предаю совершенно судьбу мою в Царскую волю»), но беспокоится о доступе в архивы («когда обстоятельства позволят мне остаться в Петербурге»).

Бенкендорф на письме Пушкина записывает слова царя:

¹⁰⁶ См. раздел «Письма».

¹⁰⁷ Дела III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии об А. С. Пушкине. Предисловие С. Сухонина. СПб., 1906. С. 155.

¹⁰⁸ См. раздел «Письма».

«Если ему нужны деньги, Государь готов ему помочь, пусть мне скажет, если нужно дома побыть, то можно взять отпуск на четыре месяца»¹⁰⁹.

На основании этого письма Пушкин оформит отпуск с 7 сентября 1835 г. на четыре месяца и поедет в Михайловское с надеждой поработать.

22 июля Пушкин, пытавшийся встретиться с Бенкендорфом и не застав, пишет ему новое письмо¹¹⁰. Ему каким-то образом стала известна реакция Николая I на его письмо от 4 июля, зафиксированная на нем Бенкендорфом, и это объясняет благодарность в адрес последнего.

Далее Пушкин сообщает сумму долгов в 60 тыс., накопившихся за последние пять лет жизни в Петербурге. К этому добавились расходы, связанные с тем, что он вынужден был «взять в свои руки» дела семьи, то есть дела родителей и брата Льва Сергеевича. И далее повторяет вновь, что у него остается лишь два пути разрешить материальные проблемы: на несколько лет уехать в деревню «либо одновременно занять крупную сумму денег».

«Благодарность для меня чувство не тягостное; и, конечно, моя преданность особе Государя не смущена никакой задней мыслью стыда или угрызений совести; но не могу скрыть от себя, что я не имею решительно никакого права на благодеяния Его Величества и что мне невозможно просить чего-либо», — так завершает Пушкин свое письмо и «вверяет решение своей участи» Бенкендорфу.

Пушкин, вновь узнавший каким-то образом о благожелательной реакции Николая I на его письмо от 22 июля, пишет новое письмо Бенкендорфу 26 июля¹¹¹. Сознываясь, как тяжело выдвигать новые просьбы в ответ на «неожиданную милость» со стороны царя, Пушкин просит дать ему займы 30 тыс. руб. с прекращением выплаты жалованья вплоть до погашения долга. Эта сумма, составляющая половину всех его долгов, должна пойти на погашение «долгов чести».

¹⁰⁹ Дела III Отделения... С. 157.

¹¹⁰ См. раздел «Письма».

¹¹¹ Там же.

Бенкендорф запишет на этом письме:

«Император отпускает ему 30 000 рублей с удержанием, как он этого просит, его жалованья».

На письме также сделаны канцелярские пометы о передаче соответствующих уведомлений в Министерство иностранных дел и министру финансов¹¹².

Письмом от 23 октября Пушкин обращается к Бенкендорфу, ища защиты от Цензурного комитета, чинящего произвол в связи с изданием поэмы «Анджело»:

«Сочинения мои, одобренные Государем, остановлены при их появлении — печатаются с своевольными поправками ценсора, жалобы мои оставлены без внимания...»¹¹³

А 31 декабря, перед наступлением Нового — 1936 — года посылает при письме Бенкендорфу на просмотр царю «Записки бригадира Моро-де-Бразе о походе 1711 года» в собственном переводе, с примечаниями и предисловием, написанными им самим.

В том же письме Пушкин официально извещает Бенкендорфа о желании (вопрос, по-видимому, уже решенный) издать в 1836 г. четыре тома «статей чисто литературных (как-то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных Reviews»¹¹⁴. Это издание получит вскоре название «Современник», печатанием и продажей которого Пушкин надеялся поправить свои материальные дела.

В наступившем 1836 г. Пушкину приходится оправдываться за оду «На выздоровление Лукулла», напечатанную в сентябре 1835 г. в Москве и постепенно дошедшую до Петербурга. Министр народного просвещения С. С. Уваров, легко узнавший себя в наследнике Лукулла, пожаловался царю, и тот выразил неудовольствие Пушкиным. Легко узнали Уварова и читатели оды.

¹¹² Дела III Отделения... С. 160.

¹¹³ См. раздел «Письма».

¹¹⁴ Там же.

Аргументы Пушкина в свою защиту изложены в его черновом письме Бенкендорфу от 16–20 января 1836 г., которое он завершил следующей сентенцией:

«Мне неважно, права ли публика или не права. Что для меня очень важно, — это доказать, что никогда и ничем я не *намекал* решительно никому на то, что моя ода направлена против кого бы то ни было»¹¹⁵.

Письмо не было отправлено, но в те же дни, отвечая Бенкендорфу, на кого направлено стихотворение, Пушкин ответил: «На Вас». «И, видя недоумение усмехнувшегося графа, прибавил: „Вы не верите? Отчего же другой уверен, что на него?“»¹¹⁶

Последнее письмо Пушкина Бенкендорфу, завершившее их многолетнюю переписку, связано с преддвуэльной историей.

Как известно, 4 ноября 1836 г. в 9 часов утра Пушкин получает по почте «Диплом Ордена Рогоносцев», в котором содержится неприкрытый намек на связь его жены с Николаем I:

«Кавалеры первой степени, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в Великий Капитул под председательством высокопочтенного Великого Магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина¹¹⁷, единогласно избрали г-на Пушкина заместителем Великого Магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена...»¹¹⁸

Такие же письма получили друзья Пушкина.

В тот же день происходит объяснение Пушкина с женой, в результате которого он убеждается в ее верности супружескому долгу. Пушкин узнает от нее о преследованиях, которым она подвергалась в последние недели со стороны Дантеса и Геккерна, и приходит к выводу, что диплом и его распространение — дело их рук¹¹⁹.

¹¹⁵ См. раздел «Письма».

¹¹⁶ Летопись жизни и творчества. Т. 4. С. 378.

¹¹⁷ Нарышкин Дмитрий Львович (1768–1838) — обер-егермейстер двора, муж Марии Четвертинской, многолетней любовницы Александра I.

¹¹⁸ Летопись жизни и творчества. Т. 4. С. 523.

¹¹⁹ Там же. С. 524.

Письмом от 21 ноября¹²⁰ Пушкин сообщает Бенкендорфу, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна и что, будучи «единственным судьей и хранителем» своей чести и чести своей жены, он (Пушкин) не будет никому представлять доказательства такого утверждения. При этом Пушкин считает своим долгом «доставить до сведения правительства и общества», кто является автором письма, тем самым высказывая желание поставить в известность о происшедшем Николая I. Что и исполняет Бенкендорф.

23 ноября Пушкин вместе с Бенкендорфом в нарушение всех установленных при дворе сроков предоставления аудиенций принят Николаем I в его кабинете в Аничковом дворце в четвертом часу дня. Запись о том в камер-фурьерском журнале: «По возвращении с прогулки Его Величество принимал графа Бенкендорфа и камер-юнкера Пушкина»¹²¹.

Царь взял с Пушкина обещание ни под каким предлогом не стреляться с Дантесом¹²², а в случае возобновления ухаживаний Дантеса за Н. Н. Пушкиной, обратиться к нему.

Как известно, в критический момент — в конце января 1837 г. — Пушкин не выполнил ни одно из этих обещаний, данных царю.

Итак, в отношении Пушкина и Бенкендорфа, переписку которых мы рассмотрели, вполне применима пушкинская формула из главы второй «Евгения Онегина»:

...Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.

При этом они состояли в тесном общении в течение десяти лет. Пушкин то и дело обращался к Бенкендорфу за разного рода разрешениями, с оправданиями в случаях неудовольствия власти,

¹²⁰ См. раздел «Письма».

¹²¹ Летопись жизни и творчества. Т. 4. С. 539.

¹²² Там же.

с благодарностями за ту или иную помощь, ища защиты от цензурных притеснителей, а также с просьбами житейскими, имущественными.

А что Бенкендорф? Распекал Пушкина, делал выговоры, давал разумные советы, оказывал помощь в щекотливых ситуациях, всегда был доступен и корректен. При этом высочайшего ранга чиновник, считая себя вправе наставлять своего отмеченного гениальностью подопечного, постоянно чувствовал его чуждость власти и бюрократическим установлениям.

Бенкендорф был преданный и верный слуга царю и пользе отечества, понимаемой им, конечно, совершенно иначе, чем Пушкиным.

Тем не менее упрощенно-примитивный взгляд на Бенкендорфа, сложившийся в советском пушкиноведении, требует корректировки: в рассмотренной переписке с Пушкиным он предстает личностью гораздо более сложной и неоднозначной.

ПИСЬМА

1826

***А. Х. Бенкендорф — А. Пушкину**

30 сентября 1826 г. Москва

Милостивый государь

Александр Сергеевич!

Я ожидал прихода вашего, чтоб объявить Высочайшую волю по просьбе вашей, но отправляясь теперь в С. Петербург и не надеясь видеть здесь, честь имею уведомить, что Государь Император не только не запрещает приезда вам в столицу, но предоставляет совершенно на вашу волю с тем только, чтобы предварительно испрашивали разрешения чрез письмо.

Его Величество совершенно остается уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передавание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше. В сей уверенности Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества. Вы можете употребить весь досуг, вам предоставляется совершенная и полная свобода, когда и как представить ваши мысли и соображения; и предмет сей должен представить вам тем обширнейший круг, что на опыте видели совершенно все пагубные последствия ложной системы воспитания.

Сочинений ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры: Государь Император сам будет и первым ценителем произведений ваших и цензором.

Объявляя вам сию Монаршую волю, честь имею присовокупить, что как сочинения ваши, так и письма можете для представления Его Величеству доставлять ко мне; но впрочем от вас зависит и прямо адресовать на Высочайшее имя.

Примите при сем уверение в истинном почтении и преданности, с которыми честь имею быть

ваш покорный слуга
А. Бенкендорф

№ 205.

30-го сентября 1826.

Москва.

Его благородию А. С. Пушкину.

Звёздочки в заглавиях писем — редакторские.

Первое письмо А. Х. Бенкендорфа Пушкину после возвращения поэта из ссылки.

По просьбе вашей — о поездке в Петербург; вероятно, была высказана Пушкиным при личной встрече с царем во дворце Чудова монастыря в Кремле 8 сентября 1826 г.

...славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше — таков был взгляд царя на творчество поэта на протяжении всего времени их отношений: самодержец искренне желал, чтобы гением Пушкина прославлялась Россия, как это осуществилось, например, в поэме «Полтава», и чтобы со славой России была неразрывно связана слава Пушкина.

Ложной системы воспитания — Пушкин напишет записку «О народном воспитании» 15 ноября 1826 г., находясь в Михайловском. См. далее письмо А. Х. Бенкендорфа Пушкину от 23 декабря 1826 г.

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

22 ноября 1826 г. Петербург

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

При отъезде моем из Москвы, не имея времени лично с вами переговорить, обратился я к вам письменно с объявлением Высочайшего соизволения, дабы вы, в случае каких-либо новых литературных произведений ваших, до напечатания или распространения оных в рукописях, представляли бы предварительно о рассмотрении оных, или через посредство мое, или даже и прямо, Его Императорскому Величеству.

Не имея от вас извещения о получении сего моего отзыва, я должен однако же заключить, что оный к вам дошел; ибо вы сообщали о содержании одного некоторым особам.

Ныне доходят до меня сведения, что вы изволили читать в некоторых обществах сочиненную вами вновь трагедию.

Сие меня побуждает вас покорнейше просить об уведомлении меня, справедливо ли таковое известие, или нет. Я уверен, впрочем, что вы слишком благомыслящи, чтобы не чувствовать в полной мере столь великодушного к вам Монаршего снисхождения и не стремиться учинить себя достойным одного.

С совершенным почтением имею честь быть

Ваш покорный слуга
А. Бенкендорф

№ 111.

22-го ноября 1826.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Обратился я к вам письменно — см. предыдущее письмо от 30 сентября 1826 г.

Сообщали о содержании одного некоторым особам — Пушкин сообщал о решении царя стать его цензором и в письмах друзьям, и при личных встречах с ними, «заключение» Бенкендорфа свидетельствует о постоянном надзоре за Пушкиным агентами III отделения с. е. и. в. канцелярии, руководителем которого был Бенкендорф.

Трагедию — «Бориса Годунова» Пушкин читал, в частности, 10 сентября 1826 г. у С. А. Соболевского, 25 сентября — у Д. В. Веневитинова, 29 сентября — у П. А. Вяземского и т. д. См. также пушкинскую записку В. А. Муханову от 9 сентября 1826 г.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

29 ноября 1826 г. Псков

Милостивый государь

Александр Христофорович,

Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, я не знал, должно ли мне было отвечать на письмо, которое удостоился получить от Вашего превосходительства и которым был я тронут до глубины сердца. Конечно никто живее меня не чувствует милость и великодушие Государя Императора, также как снисходительную благосклонность Вашего превосходительства.

Так как я действительно в Москве читал свою трагедию некоторым особам (конечно не из ослушания, но только потому, что худо понял Высочайшую волю Государя), то поставляю за долг препроводить ее Вашему превосходительству, в том самом виде, как она была мною читана, дабы вы сами изволили видеть дух, в котором она сочинена; я не осмелился прежде сего представить ее глазам Императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения. Так как другого списка у меня не находится, то приемлю смелость просить Ваше превосходительство оный мне возвратить.

Мне было совестно беспокоить ничтожными литературными занятиями моими человека государственного, среди огромных Его забот; я роздал несколько мелких моих сочинений в разные журналы и альманахи по просьбе издателей; прошу от Вашего превосходительства разрешения сей неумышленной вины, если не успею остановить их в цензуре.

С глубочайшим чувством уважения, благодарности и преданности, честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин

Псков.

1826 г. Ноября 29.

Ответ на письмо А. Х. Бенкендорфа от 22 ноября 1826 г., предписывающее Пушкину представлять новые произведения на рассмотрение императору, в том числе «Бориса Годунова», которого Пушкин читает друзьям.

Отвечать на письмо — письмо Бенкендорфа от 30 сентября 1826 г.

Читал свою трагедию — «Бориса Годунова» Пушкин читал неоднократно в сентябре и октябре, см. примечание к предыдущему письму.

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

9 декабря 1826 г. Петербург

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Получив письмо ваше, вместе с препровожденною при оном драматическою пиесою, я поспешаю вас о том известить, с присовокуплением, что я оную представлю Его Императорскому Величеству и дам вам знать о воспоследовать имеющем Высочайшем отзыве.

Между тем прошу вас сообщать мне на сей же предмет все и мелкие труды блистательного вашего пера.

Примите уверения отличного моего уважения и совершенной преданности.

А. Бенкендорф

№ 135.

9-го декабря 1826.

Драматическою пиесою — трагедия «Борис Годунов» в редакции 1825 г., где она называлась «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве».

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

14 декабря 1826 г. Петербург

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Я имел счастье представить Государю Императору Комедию вашу о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Его Величество изволил прочесть оную с большим удовольствием и на поднесенной мною по сему предмету записке собственноручно написал следующее:

«Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал Комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие *Вальтера Скота*».

Уведомляя вас о сем Высочайшем отзыве и возвращая при сем сочинение ваше, долгом считаю присовокупить, что места, обратившие на себя внимание Его Величества и требующие некоторого очищения, отмечены в самой рукописи и заключаются также в прилагаемой у сего выписке.

Мне крайне лестно и приятно служить отголоском Всемилоостивейшего внимания Его Величества к отличным дарованиям вашим.

В ожидании вашего ответа, имею честь быть с искренним почтением Вашим покорным слугою,

А. Бенкендорф

№ 151.

14-го декабря

1826.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Собственноручно написал следующее — нижеследующий отзыв подготовил Ф. В. Булгарин, нанятый для этого А. Х. Бенкендорфом по указанию царя. Николай I писал Бенкендорфу: «Я очарован письмом Пушкина¹²³, и мне очень любопытно прочесть его сочинение; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы она не распространялась».

¹²³ От 29 ноября 1826 г. — см. выше.

(Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I // Старина и новизна (исторические сборники). СПб, 1903. Кн. 6. С. 2. Выписки не датированы. Пер. с франц.)

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

23 декабря 1826 г. Петербург

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Государь Император с удовольствием изволил читать рассуждения Ваши о народном воспитании и поручил мне изъявить Вам Высочайшую свою признательность.

Его Величество при сем заметить изволил, что принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание. Впрочем, рассуждения Ваши заключают в себе много полезных истин.

С отличным уважением честь имею быть
Вашим покорным слугой покорнейшей слуга

А. Бенкендорф

№ 163

23-го декабря 1826.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

*Рассуждения Ваши о народном воспитании — записка
«О народном воспитании», см. выше.*

1827

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу3 января 1827 г. Москва*

Милостивый государь

Александр Христофорович,

С чувством глубочайшей благодарности получил я письмо Вашего превосходительства, уведомляющее меня о Всемилостивейшем отзыве Его Величества касательно моей драматической поэмы. Согласен, что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как Государь Император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное.

В непродолжительном времени буду иметь честь, по приказанию Вашего превосходительства, переслать Вам мелкие мои стихотворения.

С чувством глубочайшего почтения, благодарности и преданности честь имею быть

Вашего превосходительства

всепокорнейший слуга Александр Пушкин

3 января

1827.

Москва.

Письмо Вашего превосходительства — от 14 декабря 1826 г. (см. выше).

Драматической поэмы — имеется в виду трагедия «Борис Годунов», которую, как следует из письма Бенкендорфа, Николай I посоветовал переделать «в историческую повесть или роман на подобие *Вальтера Скота*» (см. выше примечание к упоминаемому письму).

Мелкие мои стихотворения — см. примечание к следующему письму.

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

4 марта 1827 г. Петербург

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Барон Дельвиг, которого я вовсе не имею чести знать, препроводил ко мне пять сочинений Ваших: я не могу скрыть вам крайнего моего удивления, что вы избрали посредника в сношениях со мною, основанных на Высочайшем соизволении.

Я возвратил сочинения ваши г. Дельвигу и поспешаю вас уведомить, что я представлял оные Государю Императору.

Произведения сии, из коих одно даже одобрено уже цензурою, не заключают в себе ничего противного цензурным правилам. Позвольте мне одно только примечание: Заглавные буквы друзей в пиесе *19-е Октября* не могут ли подать повода к неблагоприятным для вас собственным заключениям? — это предоставляю вашему рассуждению. —

С совершенным почтением честь имею быть

Вашим покорнейшим слугою,

А. Бенкендорф

№ 403.

4 Марта

1827.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Пять сочинений Ваших — стихотворение «Цыганы» («Над лесистыми берегами...»), строфы XVII–XX (ночной разговор Татьяны с няней) и письмо Татьяны из главы третьей «Евгения Онегина», «19 октября», «К ***» («Я помню чудное мгновенье...»); они были названы в сопроводительном письме Дельвига Бенкендорфу.

Заглавные буквы друзей — инициалы И. И. Пущина и В. К. Кюхельбекера.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

22 марта 1827 г. Москва

Милостивый государь,

Александр Христофорович,

Стихотворения, доставленные бароном Дельвигом Вашему превосходительству, давно не находились у меня: они мною были отданы ему для альманаха *Северные Цветы*, и должны были быть напечатаны в начале нынешнего года. В следствии Высочайшей воли я остановил их напечатание и предписал барону Дельвигу прежде всего представить оные Вашему превосходительству.

Чувствительно благодарю Вас за доброжелательное замечание касательно пиэсы: *19 октября*. Непременно напишу барону Дельвигу, чтоб заглавные буквы имен — и вообще все, что может подать повод к невыгодным для меня заключениям и толкованиям, было им исключено.

Медлительность моего ответа происходит от того, что последнее письмо, которое удостоился я получить от Вашего превосходительства, ошибкою было адресовано во Псков.

С чувством глубочайшего почтения и сердечной преданности, честь имею быть,

милостивый государь,

Вашего превосходительства

22 марта

всепокорнейший слуга

1827.

Александр Пушкин

Москва.

Стихотворения — см. предыдущее письмо.

Замечание касательно пиэсы: 19 октября — в тексте стихотворения «Роняет лес багряный свой убор...» имена лицистов были обозначены заглавными буквами. По указанию Бенкендорфа, Пушкин убрал и буквы, заменив имена звездочками.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

24 апреля 1827 г. Москва

Милостивый государь

Александр Христофорович,

Семейные обстоятельства требуют моего присутствия в Петербурге: приемлю смелость просить на сие разрешения у Вашего превосходительства.

С глубочайшим почтением и с душевной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,

Вашего превосходительства

Москва.

всепокорнейший слуга

1827.

Александр Пушкин

24 апр.

Присутствие в Петербурге — А. Х. Бенкендорф сообщает 3 мая (см. ниже) о разрешении Николая I на эту поездку и напомнит об обещании Пушкина «вести себя благородно и пристойно».

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

3 мая 1827 г. Петербург

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На письмо ваше от 24-го прошлого апреля, честь имею вас уведомить, что я имел счастье доводить содержание оногo до сведения Государя Императора.

Его Величество, соизволяя на прибытие ваше в Санкт-Петербург, Высочайше отозваться изволил, что не сомневается в том, что данное русским дворянином Государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано.

Мне же, с моей стороны, весьма приятно будет с вами здесь увидеться и изустно вас уверить в совершенном почтении, с коим пребываю

Вашим покорнейшим слугою,
А. Бенкендорф

№ 849.

3 Μααя 1827.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Пушкин выедет в Петербург 20 мая 1827 г.

* А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

29 июня 1827 г.

Милостивый государь

Александр Христофорович,

По приезде моем в Санкт-Петербург являлся я к Вам, но не имел счастья найти дома. Полагая, что Вы заблагорассудите сами потребовать меня, до сих пор я Вас не беспокоил. Теперь осмеливаюсь просить Вас дозволить мне к Вам явиться, где и когда будет угодно Вашему превосходительству.

С чувством глубочайшего почтения и преданности честь имею быть

Вашего превосходительства

покорнейший слуга

Александр Пушкин

1827. 29 июня.

СПб.

Дозволить мне к Вам явиться — по поводу отрывка из «Андрея Шенье»; Бенкендорф встретится с Пушкиным 6 июля.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

20 июля 1827 г. Петербург

Милостивый государь

Александр Христофорович,

В 1824 году г. статский советник Ольдекоп без моего согласия и ведома перепечатал стихотворение мое Кавказский Пленник и тем лишил меня невозвратно выгод второго издания, за которое уже предлагали мне в то время книгопродавцы 3,000 рублей. В следствии сего родитель мой, статский советник Сергей Львович Пушкин обратился с просьбою к начальству, но не получил никакого удовлетворения, а ответствовали ему, что г. Ольдекоп перепечатал-де Кавказского Пленника для справок оригинала с немецким переводом, что к тому же не существует в России закона противу перепечатывания книг, и что имеет он, статский советник Пушкин, преследовать Ольдекопа, токмо разве, яко мошенника, на что не смел я согласиться из уважения к его званию и опасения заплата за бесчестие.

Не имея другого способа к обеспечению своего состояния, кроме выгод от посильных трудов моих, и ныне лично ободренный Вашим превосходительством, осмеливаюсь наконец прибегнуть к высшему покровительству, дабы и впредь оградить себя от подобных покушений на свою собственность.

Честь имею быть с чувством глубочайшего почтения, благодарности и преданности

Вашего превосходительства,

милостивый государь,

покорнейшим слугой

Александр Пушкин

С. Петербург.

20 июля

1827.

Ольдекоп без моего согласия и ведома — см. об этом письме П. А. Вяземскому от 15 июля 1824 г. (13, 104) и примечание.

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу20 июля 1827 г. Петербург*

Милостивый государь

Александр Христофорович,

Честь имею препроводить на рассмотрение Вашего превосходительства новые мои стихотворения. Если Вы соблагovolите снабдить меня свидетельством для цензуры, то, вследствие Вашего снисходительного позволения, осмеливаюсь просить Вас о доставлении всех сих бумаг издателю моих сочинений, надворному советнику Петру Александровичу Плетневу.

Препровождая при сем записку о деле моем с г. Ольдекопом, с глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Александр Пушкин

С.-Петербург.

20 июля

1827.

Новые мои стихотворения — «Ангел», «Стансы», третья глава «Евгения Онегина», «Граф Нулин», «Сцена из Фауста», «Песни о Стеньке Разине» (не пропущенные в печать).

Записку о деле моем с г. Ольдекопом — см. предыдущее письмо.

А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину22 августа 1827 г. Петербург*

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Представленные вами новые стихотворения ваши Государь Император изволил прочесть с особенным вниманием. Возвращая вам оные, я имею обязанность изъяснить следующее заключение.

1) *Ангел*, к напечатанию дозволяется;

2) *Стансы*, а равно 3) и Третья глава *Евгения Онегина* тоже.

4) *Графа Нулина* Государь Император изволил прочесть с большим удовольствием и отметить своеручно два места, кои Его Величество желает видеть измененными; а именно следующие два стиха:

«*Порою с барином шалит*», и

«*Коснуться хочет одеяла*»,

Впрочем, прелестная пиеса сия позволяется напечатать.

5) *Фауст* и *Мефистофель* позволено напечатать, за исключением следующего места:

«*Да модная болезнь: она*

Недавно вам подарена».

6) *Песни о Стеньке Разине*, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева.

Уведомляя вас о сем, имею честь быть с совершенным почтением,

милостивый государь,

ваш покорнейший слуга

А. Бенкендорф

№ 1937.

22 августа 1827.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Фауст и *Мефистофель* — «Сцена из *Фауста*».

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

10 сентября 1827 г. Опочка

Милостивый государь

Александр Христофорович,

С благоговением и благодарностию получил я чрез Ваше превосходительство отзыв Государя Императора. Почитаю за счастье во всем повиноваться Высочайшей Его воле.

Что касается до моего дела с г. Ольдекопом, то я не осмелюсь вновь по оному беспокоить Ваше превосходительство. Вы изволили весьма справедливо заметить, что и там, где находятся положительные законы на счет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками. Но сие относится только к сочинениям древних или умерших писателей; если же допустить у нас, что перевод дает право на перепечатание подлинника, то невозможно будет оградить литературную собственность от покушений хищника.

Повергая сие мое мнение на благоусмотрение Вашего превосходительства, полагаю, что в составлении постоянных правил для обеспечения литературной собственности вопрос о праве перепечатывать книгу при переводе, замечаниях или предисловии весьма важен.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть,

милостивый государь,

Вашего превосходительства

покорнейший слуга

Александр Пушкин

Опочка.

1827.

10 сентября.

Ответ на письмо Бенкендорфа от 22 августа 1827 г.
Моего дела с г. Ольдекопом — см. письмо А. Х. Бенкендорфу от 20 июля 1827 г. и примечание.

Соображения Пушкина не были приняты во внимание.

1828

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

5 марта 1828 г. Петербург

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Государь Император изволил повелеть мне объявить Вам, милостивый государь, что он с большим удовольствием читал Шестую главу Евгения Онегина.

Что же касается до стихотворения Вашего, под заглавием: «Друзьям», то Его Величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано.

Препровождая при сем рукописи сих двух сочинений, из коих первая скреплена надлежащим образом в III Отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию,

милостивый государь,
ваш покорнейший слуга
А. Бенкендорф

№ 945.

5 марта 1828.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

5 марта 1828 г. Петербург

Милостивый государь

Александр Христофорович,

Позвольте мне принести Вашему превосходительству чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить.

Снисходительное одобрение Государя Императора есть лестнейшая для меня награда, и почитаю за счастье обязанность мою следовать Высочайшему Его соизволению.

С чувством глубочайшего почитания и сердечной преданности, честь имею быть,

5 марта

милостивый государь,

1828.

Вашего превосходительства

С. П. Б.

покорнейший слуга

Александр Пушкин

Осмеливаюсь беспокоить Вас покорнейшей просьбою: лично узнать от Вашего превосходительства будущее мое назначение.

Ответ на письмо Бенкендорфа от 5 марта 1828 г., в котором сообщалось, что Николай I благоприятно отозвался о шестой главе «Евгения Онегина», а стихотворение «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...») к печати не позволил, но разрешил распространять его среди знакомых поэта.

Будущее мое назначение — в действующую армию на Кавказ. Пушкину в этом будет отказано.

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

10 марта 1828 г. Петербург

Генерал-адъютант Бенкендорф, свидетельствуя совершенное свое почтение Александру Сергеевичу, покорнейше просит его пожаловать к нему, завтрашнего числа, в воскресенье, в 4 часу по полудни.

№ 1052.

10 марта 1828.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

18 апреля 1828 г. Петербург

Милостивый государь

Александр Христофорович,

По приказанию Вашего превосходительства, являлся я сегодня к Вам, дабы узнать решительно свое назначение, но меня не хотели пустить и позволить мне дожидаться.

Извините, Ваше превосходительство, если вновь осмеливаюсь Вам докучать, но судьба моя в Ваших руках, и Ваша неизменная снисходительность ободряет мою нескромность.

С истинным, глубочайшим почтением и сердечной преданностию, честь имею быть

18 апреля.

Вашего превосходительства,
милостивый государь,
покорнейшим слугою,
Александр Пушкин

Явившись к Бенкендорфу по его приглашению, но не застав его, Пушкин оставляет ему короткую записку.

Узнать решительно свое назначение — в армию, действующую на Кавказе против турок (см. письмо Бенкендорфу от 5 марта 1828 г.).

А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину20 апреля 1828 г. Петербург*

Милостивый государь,

Александр Сергеевич!

Я докладывал Государю Императору о желании Вашем, милостивый государь, участвовать в начинающихся против турок военных действиях; Его Императорское Величество, приняв весьма благосклонно готовность Вашу быть полезным в службе Его, Высочайше повелеть мне изволил уведомить Вас, что он не может Вас определить в армии, поелику все места в оной заняты и ежедневно случаются отказы на просьбы желающих определиться в оной; но что он не забудет Вас и воспользуется первым случаем, чтобы употребить отличные Ваши дарования в пользу отечества.

Сообщая Вам, милостивый государь, сие Высочайшее решение, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию,

милостивый государь,

№ 1603.

покорнейший слуга

20 Апреля 1828.

А. Бенкендорф

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину etc. etc.

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу21 апреля 1828 г. Петербург*

Милостивый государь

Александр Христофорович,

Искренне сожалая, что желания мои не могли быть исполнены, с благовоением приемлю решение Государя Императора и приношу сердечную благодарность Вашему превосходительству за снисходительное Ваше обо мне ходатайство.

Так как следующие 6 или 7 месяцев остаюсь я вероятно в бездействии, то желал бы я провести сие время в Париже, что, может быть, в последствии мне уже не удастся. Если Ваше превосходительство соизволите мне испросить от Государя сие драгоценное дозволение, то вы мне сделаете новое, истинное благодеяние.

Пользуюсь сим последним случаем, дабы испросить от Вашего превосходительства подтверждения данного мне Вами на словах позволения: вновь издать раз уже напечатанные стихотворения мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному Вашему ходатайству, с глубочайшим почтением, совершенной преданностию и сердечной благодарностию, честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин

С. П. б. 1828.
21 апреля.

Желания мои не могли быть исполнены — см. письма Пушкина Бенкендорфу от 5 марта и 18 апреля 1828 г. и примечание.

Если ваше превосходительство соизволите мне испросить — просьба о разрешении на поездку в Париж Бенкендорфом царю не будет передана.

Вновь издать раз уже напечатанные стихотворения мои — речь идет о «Кавказском пленнике» и «Руслане и Людмиле» (обе поэмы выйдут вторым изданием в текущем году).

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

*Вторая половина августа (не ранее 17-го) 1828 г. Петербург.
(Черновое)*

В следствии Высочайшего повеления господин обер-полицеймейстер требовал от меня подписки в том, что я впредь без предварительной обычной цензуры... повинуюсь священной для меня

воле; тем не менее прискорбна мне сия мера. Государь Император в минуту для меня незабвенную изволил освободить меня от цензуры, я дал честное слово Государю, которому изменить я не могу, не говоря уж о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности к Царю и человеку. Требование полицейской подписки унижает меня в собственных моих глазах, и я твердо чувствую, что того не заслуживаю, и дал бы и в том честное мое слово, если б я смел еще надеяться, что оно имеет свою цену. Что касается до цензуры, если Государю Императору угодно уничтожить милость мне оказанную, то, с горестью приемля знак Царственного гнева, прошу Ваше превосходительство разрешить мне, как надлежит мне впредь поступать с моими сочинениями, которые, как вам известно, составляют одно мое имущество.

Надеюсь, что Ваше превосходительство поймете и не примите в худую сторону смелость, с которою решаюсь объяснить. Она знак искреннего уважения человека, который чувствует себя

Требовал от меня подписки — в том, что Пушкин «впредь никаких сочинений без рассмотрения и пропуска оных цензурою не осмеливался выпускать в публику под опасением главного по законам взыскания». Это «Высочайше утвержденное положение» Государственного Совета от 13 августа военный генерал-губернатор П. В. Голенищев-Кутузов поручил передать Пушкину через петербургского обер-полицейстера К. Ф. Дершау.

Решение Государственного Совета вызвано было начавшимся расследованием по поводу поэмы «Гавриилиада», прекращенным 16 октября 1828 г. по указанию Николая I после получения им конфиденциального письма Пушкина, в котором поэт признался, по-видимому, в своем авторстве.

1829

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

14 октября 1829 г. Петербург

Милостивый государь,

Александр Сергеевич!

Государь Император, узнав по публичным известиям, что Вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзерум, Высочайше повелеть мне изволил спросить Вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие. Я же, с своей стороны, покорнейше прошу Вас уведомить меня, по каким причинам не изволили Вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предупредив меня о намерении вашем сделать сие путешествие.

В ожидании отзыва Вашего для доклада Его Императорскому Величеству, имею честь быть с истинным почтением и преданностию,

милостивый государь,

№ 4360.

ваш покорный слуга

14 Октября 1829.

А. Бенкендорф

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

По каким причинам не изволили Вы сдержать данного мне слова — объяснения Пушкина содержатся в письме Бенкендорфу от 10 ноября 1829; см. ниже.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

10 ноября 1829 г. Петербург

Mon Général,

C'est avec la plus profonde douleur que je viens d'apprendre que Sa majesté était mécontente de mon voyage à Arzroum. La bonté indulgente et libérale de Votre Excellence et l'intérêt qu'elle a toujours daigné me témoigner, m'inspirent la confiance d'y recourir encore et de m'expliquer avec franchise.

Arrivé au Caucase, je ne pus résister au désir de voir mon frère qui sert dans le régiment des dragons de Nigni-novgorod et dont j'étais séparé depuis 5 ans. Je crus avoir le droit d'aller à Tiflis. Arrivé là, je ne trouvai plus l'armée. J'écrivis à Николай Раевской, un ami d'enfance, afin qu'il obtînt pour moi la permission de venir au camp. J'y arrivai le jour du passage du Sagan-lou. Une fois là, il me parut embarrassant d'éviter de prendre part aux affaires qui devaient avoir lieu et c'est ainsi que j'assistai à la campagne moitié soldat, moitié voyageur.

Je sens combien ma position a été fautive et ma conduite étourdie; mais au moins n'y a-t-il que de l'étourderie. L'idée qu'on pourrait l'attribuer à tout autre motif me serait insupportable. J'aimerais mieux éprouver la disgrâce la plus sévère que de passer pour ingrat aux yeux de celui auquel je dois tout, auquel je suis prêt à sacrifier mon existence, et ceci n'est pas une phrase.

Je supplie Votre excellence d'être en cette occasion ma providence et suis avec la plus haute considération

10 novembre
1829.
S^t-P.

Mon Général de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine

Перевод:

Генерал,

С глубочайшим прискорбием я только что узнал, что Его Величество недоволен моим путешествием в Арзрум. Снисходительная и просвещенная доброта Вашего превосходительства и участие, которое Вы всегда изволили мне

оказывать, внушает мне смелость вновь обратиться к Вам и объясниться откровенно.

По прибытии на Кавказ я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав, я уже не застал там армии. Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на проезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-лу, и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника.

Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения. Я бы предпочел подвергнуться самой суровой немилости, чем прослыть неблагодарным в глазах Того, Кому я всем обязан, Кому готов пожертвовать жизнью, и это не пустые слова. Я покорнейше прошу Ваше превосходительство быть в этом случае моим провидением и остаюсь с глубочайшим почтением, генерал,

Вашего превосходительства
нижайший и покорнейший слуга
Александр Пушкин

10 ноября 1829 г.
СПб. (Франц.)

Повидать брата — Л. С. Пушкин с июня 1829 г. участвовал в походе против турок в рядах Нижегородского драгунского полка, которым командовал Н. Н. Раевский.

День перехода через Саган-лу — описание этого события есть в третьей главе «Путешествия в Арзрум».

1830

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу7 января 1830 г. Петербург*

Mon général,

M'étant présenté chez Votre Excellence et n'ayant pas eu le bonheur de la trouver chez elle, je prends la liberté de lui adresser la demande qu'elle m'a permise de lui faire.

Tandis que je ne suis encore ni marié, ni attaché au service, j'aurais désiré faire un voyage soit en France, soit en Italie. Cependant s'il ne me l'était pas accordé, je demanderais la grâce de visiter la Chine avec la mission qui va s'y rendre.

Oserais-je vous importuner encore? Pendant mon absence. Mr Joukovsky avait voulu imprimer ma tragédie, mais il n'en a pas reçu d'autorisation formelle. Il me serait gênant, vu mon manque de fortune, de me priver d'une 15^{aine} de mille roubles que peut me rapporter ma tragédie, et il me serait triste de renoncer à la publication d'un ouvrage que j'ai longtemps médité et dont je suis le plus content.

M'en rapportant entièrement à Votre bienveillance, je suis, Mon Général,

de Votre Excellence

le très-humble et très-obéissant serviteur

Alexandre Pouchkine

7 janvier

1830.

Перевод:

Генерал,

Явившись к Вашему превосходительству и не имея счастья застать Вас, я приемлю смелость изложить вам письменно просьбу, с которой вы разрешили к Вам обратиться.

Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством.

Осмелюсь ли еще утруждать вас? В мое отсутствие г-н Жуковский хотел напечатать мою трагедию, но не получил на то формального разрешения. Ввиду отсутствия у меня состояния мне было бы затруднительно лишиться полутора десятков тысяч рублей, которые может мне доставить моя трагедия, и было бы прискорбно отказаться от напечатания сочинения, которое я долго обдумывал и которым наиболее удовлетворен.

Всецело полагаясь на Вашу благосклонность, остаюсь,
Генерал, Вашего превосходительства
нижайший и всепокорнейший слуга.

Александр Пушкин

7 января 1830. (*Франц.*)

Просьба Пушкина разрешить ему поездку за границу не будет удовлетворена. «Борис Годунов» выйдет в свет в конце года.

*А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину

17 января 1830 г. Петербург

Monsieur,

En réponse à la lettre que Vous m'avez adressée en date du 7 de ce mois, je m'empresse de Vous annoncer que S.^{<a>} Majesté l'Empereur n'a pas daigné acquiescer à Votre demande d'aller visiter les pays étrangers, croyant que cela dérangerait trop Vos affaires pécuniaires et Vous détournerait en même temps de Vos occupations. Votre désir d'accompagner notre mission en Chine de même ne peut pas être accompli, car tous les employés sont déjà désignés et ne peuvent être changés sans en avertir la cour de Pékin. Ce qui concerne la permission d'imprimer Votre nouvelle tragédie, je ne manquerai pas de Vous faire savoir ces jours-ci une réponse définitive.

Je profite de cette occasion pour Vous prier d'agréer l'assurance de la considération distinguée avec laquelle j'ai bien l'honneur de Vous saluer.

A. Benkendorf

Ce 17 Janvier, 1830.

M-r A. Pouschkine.

Перевод:

Милостивый государь.

В ответ на Ваше письмо ко мне от 7-го числа сего месяца спешу уведомить Вас, что Его Императорское Величество не соизволил удовлетворить вашу просьбу о разрешении поехать в чужие края, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела, а кроме того, отвлечет Вас от Ваших занятий. Желание ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора. Что же касается разрешения на издание вашей новой трагедии, я не премину сообщить Вам на днях окончательный ответ.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вам уверение в глубоком моем уважении, с которым имею честь быть вашим покорным слугой.

A. Бенкендорф

17-го сего января 1830.

Г-ну А. Пушкину.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

18 января 1830 г. Петербург

Mon général,

Je viens de recevoir la lettre que Votre Excellence a daigné m'écrire. A Dieu ne plaise que je fasse la moindre objection à la volonté de celui qui m'a comblé de tant de bienfaits. Je m'y serais soumis même avec joie, si je pouvais seulement être sûr de n'avoir pas encouru Son mécontentement.

Je prends bien mal mon temps, mon Général, pour recourir à votre bienveillance, mais c'est un devoir sacré qui m'y oblige. Des liens d'amitié et de reconnaissance m'attachent à une famille aujourd'hui bien malheureuse: la veuve du Général Raievsky vient de m'écrire pour m'engager à faire quelques démarches en sa faveur, auprès de ceux qui puissent faire parvenir sa voix jusqu'au trône de Sa Majesté. Le choix qu'elle a fait de moi prouve déjà à quel point elle est dénuée d'amis, d'espérances et de ressources. La moitié de la famille est exilée, l'autre à la veille d'une ruine complète. Les revenus suffisent à peine pour payer les intérêts d'une dette immense. Madame Raievsky sollicite à titre de pension le traitement entier de feu son mari, réversible sur ses filles en cas de mort. Cela suffira pour la préserver de la mendicité. En m'adressant à vous, Général, c'est plutôt le guerrier que le ministre, et l'homme bon et sensible, plutôt que l'homme d'état, que j'espère intéresser au sort de la veuve du héros de 1812, du grand homme dont la vie fut si brillante et la mort si triste.

Daignez agréer, Mon Général, l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respect
Votre très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine

1830.
18 janvier.
S^t P.

Перевод:
Генерал,

Я только что получил письмо, которое Ваше превосходительство соблаговолили мне написать. Боже меня сохрани единым словом возразить против воли Того, Кто осыпал меня столькими благодеяниями. Я бы даже подчинился ей с радостью, будь я только уверен, что не навлек на себя Его неудовольствия.

Весьма не вовремя приходится мне прибегнуть к благосклонности Вашего превосходительства, но меня обязывает к тому священный долг. Узами дружбы и благодарности связан я с семейством, которое ныне находится

в очень несчастном положении: вдова генерала Раевского обратилась ко мне с просьбой замолвить за нее слово перед теми, кто может донести ее голос до Царского престола. То, что выбор ее пал на меня, само по себе уже свидетельствует, до какой степени она лишена друзей, всяких надежд и помощи. Половина семейства находится в изгнании, другая — накануне полного разорения. Доходов едва хватает на уплату процентов по громадному долгу. Г-жа Раевская ходатайствует о назначении ей пенсии в размере полного жалования покойного мужа, с тем, чтобы пенсия эта перешла дочерям в случае ее смерти. Этого будет достаточно, чтобы спасти ее от нищеты. Прибегая к Вашему превосходительству, я надеюсь судьбой вдовы героя 1812 года — великого человека, жизнь которого была столь блестяща, а кончина так печальна, — заинтересовать скорее воина, чем министра, и доброго и отзывчивого человека скорее, чем государственного мужа.

Благоволите принять, Ваше превосходительство, уверение в моем совершенном уважении. Имею честь быть Вашим нижайшим и покорнейшим слугою.

Александр Пушкин

1830. 18 января.
СПб. (Франц.)

Получил письмо — от 17 января; с отказом в просьбе поехать за границу (см. письмо А. Х. Бенкендорфу от 7 января 1830 г.).

Вдова генерала Раевского — Софья Алексеевна; Н. Н. Раевский-старший, умер недавно, в 1829 г.

В изгнании — дочь, Мария Николаевна, находилась в Сибири с осужденным на каторгу мужем-декабристом С. Г. Волконским; сын, Александр Николаевич, — в Полтаве, куда был выслан из Одессы после учиненного им Е. К. Воронцовой публичного скандала; дочь, Екатерина Николаевна, — в имении мужа М. Ф. Орлова (декабриста) после вынужденной его отставки.

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

21 января 1830 г. Петербург

Милостивый государь,

Александр Сергеевич!

Возвращая при сем два рукописные экземпляра Комедии Вашей о царе Борисе, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, переменить в оной еще некоторые, слишком тривиальные места; тогда я вменю себе в приятнейшую обязанность снова представить сие стихотворение Государю Императору.

С истинным почтением и преданностию, имею честь быть,
милостивый государь,

№ 296.

покорнейший слуга

21 Января 1830.

А. Бенкендорф

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Слишком тривиальные места — имеется в виду лексика монахов (сцена «Корчма на Литовской границе») и Маржерета (сцена «Равнина близ Новгорода-Северского»).

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

28 января 1830 г. Петербург

Милостивый государь,

Александр Сергеевич!

Государь Император заметить изволил, что Вы находились на бале у французского посла во фраке, между тем как все прочие приглашенные в сие общество были в мундирах. Как же всему дворянскому сословию присвоен мундир тех губерний, в коих они имеют поместья, или откуда родом, то Его Величество полагать изволит приличнее русскому дворянину являться в сем наряде в подобные собрания.

Извещая о сем Вас, имею честь быть с совершенным почтением и преданностию,

милостивый государь,

№ 377.

28 Январь 1830.

Его благородию

А. С. Пушкину.

ваш покорнейший слуга

А. Бенкендорф

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

17 марта 1830 г. Петербург

Милостивый государь, Александр Сергеевич.

К крайнему моему удивлению, услышал я, по возвращении моем в Петербург, что Вы внезапно рассудили уехать в Москву, не предвзяв меня, согласно с сделанным между нами условием, о сей вашей поездке. Поступок сей принуждает меня Вас просить о уведомлении меня, какие причины могли Вас заставить изменить данному мне слову? Мне весьма приятно будет, если причины Вас побудившие к сему поступку будут довольно уважительны, чтобы извинить оный, но я вменяю себя в обязанность Вас предупредить, что все неприятности, коим Вы можете подвергнуться, должны Вами быть приписаны собственному вашему поведению.

С совершенным почтением имею честь быть,

милостивый государь,

№ 993.

17 марта 1830.

Его благородию

А. С. Пушкину.

Ваш покорнейший слуга

А. Бенкендорф

Какие причины — Пушкин ответит Бенкендорфу в письме от 21 марта 1830 г., см. ниже.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

21 марта 1830 г. Москва

Милостивый государь,

Александр Христофорович,

В 1826 году получил я от Государя Императора позволение *жить в Москве*, а на следующий год от Вашего высокопревосходительства дозволение приехать в Петербург. С тех пор я *каждую зиму* проводил в Москве, осень в деревне, никогда не испрашивая предварительного дозволения и не получая никакого замечания. Это отчасти было причиною невольного моего проступка: поездки в Арзрум, за которую имел я несчастье заслужить неудовольствие начальства.

В Москву намереваясь приехать еще в начале зимы, и встретив Вас однажды на гулянии, на вопрос Вашего высокопревосходительства, что намерен я делать? имел я счастье о том Вас уведомить. Вы даже изволили мне заметить: *que vous êtes toujours sur les grands chemins*.

Надеюсь, что поведение мое не подало правительству повода быть мною недовольным.

С искренним и глубоким почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства

покорнейший слуга.

Александр Пушкин

21 марта.

Москва.

1830.

Ответ на письмо Бенкендорфа от 17 марта 1830 г., в котором Пушкину выразилось неудовольствие в связи с поездкой в Москву.

Vous êtes toujours... — «Вы всегда на больших дорогах...» (Франц.).

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

24 марта 1830 г. Москва

Mon Général,

La lettre dont vous m'avez honoré m'a causé un chagrin véritable; je vous supplie de m'accorder un moment d'indulgence et d'attention.

Malgré quatre ans d'une conduite égale, je n'ai pu obtenir la confiance de l'autorité. Je vois avec peine que la moindre de mes démarches éveille le soupçon et la malveillance. Pardonnez-moi, mon Général, la liberté de mes doléances, mais, au nom du ciel, daignez entrer un instant dans ma position et voyez combien elle est embarrassante. Elle est si précaire que je me vois à tout moment à la veille d'un malheur que je ne puis ni prévoir ni éviter. Si jusqu'à présent je n'ai pas essayé quelque disgrâce, je le dois, non à la connaissance de mes droits, de mon devoir, mais uniquement à votre bienveillance personnelle. Mais que demain vous ne soyez plus ministre, après-demain je suis coffré. Mr Boulgarine, qui dit avoir de l'influence auprès de vous, est devenu un de mes ennemis les plus acharnés à propos d'une critique qu'il m'a attribuée. Après l'infâme article qu'il a publié sur moi, je le crois capable de tout. Il m'est impossible de ne pas vous prévenir sur mes relations avec cet homme, car il pourrait me faire un mal infini.

Je comptais de Moscou aller à la campagne de Pskov, cependant si Nicolas Raievsky vient à Poltava, je supplie Votre Excellence de me permettre d'aller l'y trouver.

Agréez, Mon Général, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement

de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur.
Alexandre Pouchkine

24 mars
1830.
Moscou.

Перевод:

Генерал,

Письмо, которое я удостоился получить от Вас, причинило мне истинное огорчение; я покорнейше прошу уделить мне одну минуту снисходительности и внимания. Несмотря на четыре года уравновешенного поведения, я не приобрел доверия власти. С горестью вижу, что малейшие мои поступки вызывают подозрения и недоброжелательство. Простите, Генерал, вольность моих сетований, но, ради Бога, благоволите хоть на минуту войти в мое положение и оценить, насколько оно тягостно. Оно до такой степени неустойчиво, что я ежеминутно чувствую себя накануне несчастья, которого не могу ни предвидеть, ни избежать. Если до настоящего времени я не впал в немилость, то обязан этим не знанию своих прав и обязанностей, но единственно Вашей личной ко мне благосклонности. Но если Вы завтра не будете больше министром, послезавтра меня упрячут. Г-н Булгарин, утверждающий, что он пользуется некоторым влиянием на Вас, превратился в одного из моих самых яростных врагов из-за одного приписанного им мне критического отзыва. После той гнусной статьи, которую напечатал он обо мне, я считаю его способным на все. Я не могу не предупредить Вас о моих отношениях с этим человеком, так как он может причинить мне бесконечно много зла.

Я предполагал проехать из Москвы в свою псковскую деревню, однако если Николай Раевский придет в Полтаву, убедительно прошу Ваше превосходительство разрешить мне съездить туда с ним повидаться.

Примите, Генерал, свидетельство моего высокого уважения и совершенной преданности.

Вашего превосходительства
нижайший и покорнейший слуга
Александр Пушкин

24 марта 1830 г.

Москва. (*Франц.*)

Письмо, которое я удостоился... — от 17 марта; ответ на него — см. выше письмо А. Х. Бенкендорфу от 21 марта.

Приписанного им мне критического отзыва — статьи Дельвига о романе Булгарина «Дмитрий Самозванец», напечатанной 7 марта 1830 г. в «Литературной газете», № 14, без подписи.

Гнусной статьи — «Анекдот» Булгарина, в котором утверждалось, что предок Пушкина Ганнибал был куплен пьяным матросом за бутылку рома.

Николай Раевский — сын Н. Н. Раевского-старшего; просьба Пушкина не будет удовлетворена.

*А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину

3 апреля 1830 г. Петербург

Monsieur,

Je m'empresse de faire réponse aux dernières lettres que Vous avez bien voulu m'adresser de Moscou, et je m'acquitterai de cette tâche avec ma franchise ordinaire.

Je ne vois pas trop pourquoi Vous Vous plaisez à trouver Votre position précaire; je ne la trouve pas telle et il me semble qu'il ne dépendra que de Votre propre conduite de lui rendre plus d'assiette encore. Vous avez aussi tort de me croire influencé en Votre défaveur par qui que ce soit, car je Vous connais trop bien. Quant à Mr Boulgarin, il ne m'a jamais parlé de Vous, par la bonne raison que je ne le vois que deux ou trois fois par an, et que je ne l'ai vu ce dernier temps que pour le réprimander. Mais je dois Vous avouer que Votre dernier départ précipité pour Moscou a dû éveiller des soupçons.

Pour ce qui regarde la demande que Vous m'avez adressée, si Vous pouvez aller à Poltawa, pour y voir Nicolas Rayeffski? je dois Vous avertir qu'en ayant soumis cette question à l'Empereur, Sa Majesté a daigné me répondre qu'Elle Vous défendait nommément ce voyage, parce qu'Elle avait des motifs d'être mécontente de la dernière conduite de M. Rayeffski.

Vous Vous persuaderez donc, par cette même circonstance, que mes bons conseils Vous feront éviter les faux pas auxquels Vous Vous êtes exposé si souvent sans me demander mon avis.

Recevez les assurances de ma parfaite considération.

A. Benkendorf

№ 1310.

ce 3. Avril 1830.

Перевод:

Милостивый государь,

Спешу ответить на оба письма, которые вы изволили адресовать мне из Москвы; я исполню эту обязанность с обычной моей откровенностью.

Мне не совсем понятно, почему вам угодно находить свое положение неустойчивым; я не считаю его таковым, и мне кажется, что от вашего собственного поведения зависит придать ему еще более устойчивости. Вы также неправы, предполагая, что кто-либо может на меня влиять во вред вам, ибо я вас знаю слишком хорошо. Что касается г-на Булгарина, то он никогда со мной не говорил о вас по той простой причине, что встречаюсь я с ним лишь два или три раза в году, а последнее время виделся с ним лишь для того, чтобы делать ему выговоры. Однако я должен признаться, что ваш последний, столь поспешный отъезд в Москву не мог не вызвать подозрений.

Что касается Вашей просьбы о том, можете ли Вы поехать в Полтаву для свидания с Николаем Раевским, — должен Вам сообщить, что когда я представил этот вопрос на рассмотрение Государя, Его Величество соизволил ответить мне, что он запрещает вам именно эту поездку, так как у него есть основание быть недовольным поведением г-на Раевского за последнее время.

Этот случай должен вас убедить в том, что мои добрые советы способны удержать вас от ложных шагов, какие вы часто делали, не спрашивая моего мнения.

Примите уверения в моем совершенном почтении.

А. Бенкендорф

3 апреля 1830 г.

(Франц.)

Оба письма — письма Пушкина от 21 и 24 марта 1830 г. (см. выше).

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

16 апреля 1830 г. Москва

Mon Général,

Je suis tout embarrassé de m'adresser à l'Autorité dans une circonstance purement personnelle, mais ma position et l'intérêt que vous avez bien voulu me témoigner jusqu'à présent m'en font une obligation.

Je dois me marier à Mlle Gontcharof que vous avez dû voir à Moscou, j'ai son consentement et celui de sa mère; deux objections m'ont été faites: ma fortune et ma position à l'égard du gouvernement. Quant à la fortune, j'ai pu répondre qu'elle était suffisante, grâce à Sa Majesté qui m'a donné les moyens de vivre honorablement de mon travail. Quant à ma position, je n'ai pu cacher qu'elle était fautive et douteuse. Exclu du service en 1824, cette flétrissure me reste. Sorti du Lycée en 1817 avec le rang de la 10me classe, je n'ai jamais reçu les deux rangs qui me revenaient de droit, mes chefs négligeant de me présenter et moi ne me souciant pas de le leur rappeler. Il me serait maintenant pénible de rentrer au service, malgré toute ma bonne volonté. Une place toute subalterne, telle que mon rang me permet de l'occuper, ne peut me convenir. Elle me distrairait de mes occupations littéraires qui me font vivre et ne ferait que me donner des tracasseries sans but et sans utilité. Je n'y dois donc plus songer. M^{de} Gontcharof est effrayée de donner sa fille à un homme qui aurait le malheur d'être mal vu de l'Empereur... Mon bonheur dépend d'un mot de bienveillance de Celui pour lequel mon dévouement et ma reconnaissance sont déjà purs et sans bornes.

Encore une grâce: En 1826 j'apportai à Moscou ma tragédie de Годунов, écrite pendant mon exil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'avez vue, que pour me disculper. L'Empereur ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres et je dois l'avouer, Sa Majesté n'avait que trop raison. Deux ou trois passages ont aussi attiré son attention, parce qu'ils semblaient présenter des allusions aux circonstances alors récentes, en les relisant actuellement je doute qu'on puisse leur trouver ce sens-là. Tous les troubles se ressemblent. L'Auteur dramatique ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche des personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère

connu. Il ne faut donc faire attention qu'à *l'esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier*, à l'impression qu'il doit produire. Ma tragédie est une œuvre de bonne foi et je ne puis en conscience supprimer ce qui me paraît essentiel. Je supplie Sa Majesté de me pardonner la liberté que je prends de la contredire; je sais bien que cette opposition de poète peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étais heureux de pouvoir faire en silence ce sacrifice à la volonté de Sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent, et je viens supplier sa Majesté de me délier les mains et de me permettre d'imprimer ma tragédie comme je l'entends.

Encore une fois je suis tout honteux de vous avoir entretenu si longuement de moi. Mais votre indulgence m'a gâté et j'ai beau n'avoir rien fait pour mériter les bienfaits de l'Empereur, j'espère et je crois toujours en lui.

Je suis avec la considération la plus haute
de Votre Excellence
le très humble et obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine

16 avril

1830.

Moscou.

Je vous supplie, Mon Général, de me garder le secret.

Перевод:

Генерал,

С крайним смущением обращаюсь я к власти по совершенно личному обстоятельству, но мое положение и внимание, которое вы до сего времени изволили мне оказывать, меня к тому обязывают.

Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства. Что касается состояния, то я мог ответить, что оно достаточно, благодаря Его Величеству, который дал мне возможность достойно жить своим трудом. Относительно же моего положения я не мог скрыть, что оно ложно и сомнительно. Я исключен из службы в 1824 году, и это клеймо на мне осталось. Окончив Лицей в 1817 году с чи-

ном 10-го класса, я так и не получил двух чинов, следуемых мне по праву, так как начальники мои обходили меня при представлениях, я же не считал нужным напоминать о себе. Ныне, несмотря на все мое доброе желание, мне было бы тягостно вернуться на службу. Мне не может подойти подчиненная должность, какую только я могу занять по своему чину. Такая служба отвлекла бы меня от литературных занятий, которые дают мне средства к жизни, и доставила бы мне лишь бесцельные и бесполезные неприятности. Итак, мне нечего об этом и думать. Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у Государя... Счастье мое зависит от одного благосклонного слова Того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность.

Прошу еще об одной милости: в 1826 году я привез в Москву написанную в ссылке трагедию о Годунове. Я послал ее в том виде, как она была, на ваше рассмотрение только для того, чтобы оправдать себя. Государь, соболаволив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний о местах слишком вольных, и я должен признать, что Его Величество был как нельзя более прав. Его внимание привлекли также два или три места, потому что они, казалось, являлись намеками на события, в то время еще недавние; перечитывая теперь эти места, я сомневаюсь, чтобы их можно было бы истолковать в таком смысле. Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь *на дух, в каком задумано все сочинение*, на то впечатление, которое оно должно произвести. Моя трагедия — произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркнуть того, что мне представляется существенным. Я умоляю Его Величество простить мне смелость моих возражений; я понимаю, что такое сопротивление поэта может показаться смешным; но до сих пор я упорно отказывался от всех предложений издателей; я почитал за счастье приносить эту молчаливую жертву Высочайшей воле. Но нынешними обстоятельствами я вынужден умолять Его Величество развязать мне руки и позволить мне напечатать трагедию в том виде, как я считаю нужным.

Еще раз повторяю, мне очень совестно так долго занимать Вас собой. Но ваша снисходительность избаловала меня, и хотя я ничем не мог заслужить благодеяний Государя, я все же надеюсь на него и не перестаю в него верить.

С величайшим уважением остаюсь

Вашего превосходительства

нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин

16 апреля 1830. Москва.

Покорнейше прошу Ваше превосходительство сохранять мое обращение к Вам в тайне. *(Франц.)*

В ответе на это письмо, который будет написан только 28 апреля, Бенкендорф уведомит Пушкина, что Николай I с удовлетворением воспринял известие о его предстоящей женитьбе.

События, в то время еще недавние — декабрьское восстание 1825 г.

*А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину

28 апреля 1830 г. Петербург

Monsieur.

J'ai le bonheur de soumettre à l'Empereur la lettre que Vous avez bien voulu m'écrire en date du 16 de ce mois. Sa Majesté Impériale, ayant appris avec une bienveillante satisfaction la nouvelle du mariage que Vous allez contracter, a daigné observer à cette occasion, qu'Elle se plaît à croire que Vous Vous êtes certainement bien examiné Vous-même, avant de faire ce pas, et que Vous Vous êtes trouvé les qualités de cœur et de caractère nécessaires pour faire le bonheur d'une femme, et surtout d'une femme aussi aimable et aussi intéressante que l'est mademoiselle Gontscharoff.

Quant à Votre position individuelle vis-à-vis du gouvernement, je ne puis que Vous répéter tout ce que je Vous ai dit tant de fois; je la trouve parfaitement dans Vos intérêts; il ne peut y avoir rien de faux ni

de douteux, si toutefois Vous ne voulez pas la rendre telle Vous-même. Sa Majesté l'Empereur, par une sollicitude toute paternelle pour Vous, Monsieur, a daigné charger moi, le général Benkendorff, non le chef de la gendarmerie, mais l'homme dans lequel il se plaît à mettre sa confiance, de Vous observer et de Vous guider par ses conseils; jamais aucune police n'a eu ordre de Vous surveiller. Les avis que je Vous ai donné de temps, en temps, comme ami, n'ont pu que Vous être utiles, et j'espère que Vous Vous en convaincrez toujours davantage. Quel est donc l'ombre qu'on peut trouver dans votre position sous ce rapport? Je Vous autorise, Monsieur, de faire voir cette lettre à tous ceux à qui Vous croirez devoir la montrer.

Pour ce qui regarde Votre tragédie de Godounoff, S.<a> M.<ajesté> l'Empereur Vous permet de la faire imprimer sous Votre propre responsabilité.

Recevez, finalement, mes vœux les plus sincères pour Votre bonheur futur, et croyez-moi toujours avec des sentiments distingués

Votre très dévoué

A. Benkendorff

№ 1642

le 28 d'Avril 1830.

à Mr Alexandre

Pouchkine.

Перевод:

Милостивый государь.

Я имел счастье представить Государю письмо от 16-го сего месяца, которое Вам угодно было написать мне. Его Императорское Величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей вашей женитьбе и при этом изволил выразить надежду, что вы хорошо испытали себя перед тем, как предпринять этот шаг, и в своем сердце и характере нашли качества, необходимые для того, чтобы составить счастье женщины, особенно женщины столь достойной и привлекательной, как м-ль Гончарова.

Что же касается вашего личного положения, в которое вы поставлены правительством, я могу лишь повторить то, что говорил вам много раз; я нахожу, что оно всецело соответствует вашим интересам; в нем не может быть ничего

ложного и сомнительного, если только вы сами не сделаете его таким. Его Императорское Величество в отеческом о вас, милостивый государь, попечении, соизволил поручить мне, генералу Бенкендорфу, — не шефу жандармов, а лицу, коего он удостоивает своим доверием, — наблюдать за вами и наставлять Вас своими советами; никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за вами надзор. Советы, которые я, как друг, изредка давал Вам, могли пойти Вам лишь на пользу, и я надеюсь, что с течением времени Вы в этом будете все более и более убеждаться. Какая же тень падает на Вас в этом отношении? Я уполномочиваю Вас, милостивый государь, показать это письмо всем, кому вы найдете нужным.

Что же касается трагедии вашей о Годунове, то Его Императорское Величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью.

В заключение примите мои искреннейшие пожелания в смысле будущего вашего счастья, и верьте моим лучшим к вам чувствам.

Преданный Вам

А. Бенкендорф

28 апреля 1830.

Господину Александру Пушкину. (*Франц.*)

Не давалось распоряжения иметь за вами надзор — это ложное уверение, помимо прочего, сделано на тот случай, если Пушкин будет показывать письмо будущей теще или каким-либо другим лицам.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

7 мая 1830 г. Москва

Mon Général,

C'est à la sollicitude de Votre Excellence que je dois la grâce nouvelle dont l'Empereur vient de me combler: veuillez recevoir l'expression de ma profonde reconnaissance. Jamais dans mon cœur je n'ai méconnu la bienveillance, j'ose le dire, toute paternelle que me portait Sa

Majesté, jamais je n'ai mal interprété l'intérêt que toujours vous avez bien voulu me témoigner; ma demande n'a été faite que pour tranquilliser une mère inquiète et que la calomnie avait encore effarouchée.

Veuillez recevoir. Mon Général, l'hommage de ma haute considération.

Votre très humble et très obéissant

serviteur

Alexandre Pouchkine

7 mai 1830.

Moscou.

Перевод:

Генерал,

Лишь представительству Вашего превосходительства обязан я новой милостью, дарованной мне Государем; благоволите принять выражение моей глубокой признательности. В глубине души я всегда в должной мере ценил благожелательность, смею сказать, чисто отеческую, которую проявлял ко мне Его Величество; я никогда не истолковывал в дурную сторону внимания, которое Вам угодно было всегда мне оказывать; моя просьба была высказана с единственной целью — успокоить мать, находившуюся в тревоге и еще более взволнованную клеветой.

Благоволите принять, Генерал, выражение моего высокого уважения. Ваш нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин

7 мая 1830. Москва. (*Франц.*)

Ответ на письмо Бенкендорфа от 28 апреля.

Новой милостью — Бенкендорф в своем письме сообщил Пушкину о том, что император принял известие о предстоящей женитьбе Пушкина с «благосклонным удовлетворением».

Успокоить мать — Н. И. Гончарову, будущую тещу.

Взволнованную клеветой — относительно политической и нравственной репутации Пушкина.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

29 мая 1830 г. Москва

Mon Général,

Je supplie Votre Excellence de me pardonner encore une fois mon importunité.

Le bisaïeul de ma promise a eu jadis la permission d'élever dans sa terre de *Полотняный завод* un monument à l'Impératrice Catherine II. La statue colossale qu'il en a fait fondre en bronze à Berlin est tout à fait manquée et n'a jamais pu être érigée. Elle se trouve depuis plus de 35 ans ensevelie dans les caves de la maison. Des marchands de cuivre en ont offert 40,000 roubles, mais le propriétaire actuel, Mr Gontcharof, n'y a jamais voulu consentir. Il tenait à cette statue, toute difforme qu'elle était, comme au souvenir des bienfaits de la Grande Souveraine. Il craignait qu'en l'anéantissant il ne perdît aussi le droit d'ériger le monument. Le mariage de sa petite-fille qui s'est décidé inopinément l'a trouvé tout à fait sans ressource et après l'Empereur il n'y a guère que feu son auguste grand'mère qui puisse nous tirer d'embarras. Mr Gontcharof consent, quoiqu'à contre-cœur, à se défaire de la statue, mais il craint de perdre un droit auquel il tient. Je supplie donc Votre Excellence de vouloir bien me faire parvenir, premièrement, la permission de faire fondre la statue en question, secondement, la grâce de conserver à Mr Gontcharof le droit d'ériger dès qu'il le pourra un monument à la bienfaitrice de sa famille.

Agréez, mon Général, l'hommage de mon parfait dévouement et de ma haute considération.

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant
serviteur

Alexandre Pouchkine

29 mai 1830.
Moscou.

Перевод:

Генерал,

Покорнейше прошу Ваше превосходительство еще раз простить мне мою докучливость.

Прадед моей невесты некогда получил разрешение поставить в своем имении *Полотняный завод* памятник Императрице Екатерине II. Колоссальная статуя, отлитая по его заказу из бронзы в Берлине, совершенно не удалась и так и не могла быть воздвигнута. Уже более 35 лет погребена она в подвалах усадьбы. Торговцы медью предлагали за нее 40 000 рублей, но нынешний ее владелец, г-н Гончаров, ни за что на это не соглашался. Несмотря на уродливость этой статуи, он ею дорожил как памятью о благодеяниях великой Государыни. Он боялся, уничтожив ее, лишиться также и права на сооружение памятника. Неожиданно решенный брак его внучки застал его врасплох без всяких средств, и, кроме Государя, разве только Его покойная августейшая бабка могла бы вывести нас из затруднения. Г-н Гончаров, хоть и неохотно, соглашается на продажу статуи, но опасается потерять право, которым дорожит. Поэтому я покорнейше прошу Ваше превосходительство не отказать исходатайствовать для меня, во-первых, разрешение на переплавку названной статуи, а во-вторых — милостивое согласие на сохранение за г-ном Гончаровым права воздвигнуть — когда он будет в состоянии это сделать — памятник благодетельнице его семейства.

Примите, Генерал, уверение в моей совершенной преданности и высоком уважении.

Вашего превосходительства

нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин

29 мая 1830. Москва. (*Франц.*)

Не отказать исходатайствовать — о положительном решении Николая I Бенкендорф сообщит Пушкину в письме от 26 июня 1830 г.

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

26 июня 1830 г. Петербург

Милостивый государь,

Александр Сергеевич!

Государь Император, Всемилостивейше снисходя на просьбу Вашу, о которой я имел счастье докладывать Его Императорскому Величеству, Высочайше изъявил соизволение свое, на расплавление имеющейся у г-на Гончарова колоссальной неудачно изваянной в Берлине бронзовой статуи блаженной памяти Императрицы Екатерины II, с предоставлением ему, г. Гончарову, права воздвигнуть, когда обстоятельства дозволят ему исполнить сие, другой приличный памятник сей Августейшей благотворительнице его фамилии.

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию,

милостивый государь,

ваш покорнейшей слуга

А. Бенкендорф

№ 2506.

26 Июня 1830.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

4 июля 1830 г. Москва

Милостивый государь,

Александр Христофорович,

Имел я счастье получить письмо Вашего высокопревосходительства от 26 прошедшего месяца. Вашему благосклонному ходатайству обязан я всемилостивейшим соизволением Государя

на просьбу мою; Вам и приношу привычную, сердечную мою благодарность.

На днях должен я буду, по своим делам, приехать в Петербург, и буду иметь счастье явиться к Вашему высокопревосходительству.

С глубочайшим почтением и сердечной преданностию, честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства

покорнейший слуга.

Александр Пушкин

4 июля

1830.

Москва.

Просьбу мою — относительно переплавки бронзовой статуи Екатерины II, см. письмо от 29 мая 1830 г.

1831

*А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину

9 января 1831 г. Петербург

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Его Величество Государь Император поручить мне изволил уведомить Вас, что сочинение Ваше: Борис Годунов, изволил читать с особым удовольствием.

Вменяя себе в приятную обязанность уведомить Вас о сем лестном отзыве Августейшего Монарха, имею честь быть с истинным почтением и преданностию,

Ваш, милостивый государь,

покорнейшей слуга

А. Бенкендорф

№ 140.

9 Января 1831.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Изволил читать — «Борис Годунов» вышел из печати
в конце декабря 1830 г.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

18 января 1831 г. Москва

Милостивый государь

Александр Христофорович,

С чувством глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзыв Государя Императора о моей исторической драме. Писанный в минувшее царствование, Борис Годунов обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня Государь, но и свободе, смело дарованной Монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и оковать книгопечатание.

Позвольте мне благодарить усердно и Ваше высокопревосходительство, как голос Высочайшего благоволения и как человека, принимавшего всегда во мне столь снисходительное участие.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью емь,
милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга.

Александр Пушкин

18 января

1831.

Москва.

Ответ на письмо Бенкендорфа от 9 января 1831 г.

А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину7 апреля 1831 г. Петербург*

Милостивый государь

Александр Сергеевич.

Письмо ваше, в коем Вы просите о переводе в действующую армию брата Вашего, поручика Нижегородского драгунского полка, я имел счастье докладывать Государю Императору, и Его Величество, приняв благосклонно просьбу Вашу, Высочайше повелеть мне соизволил спросить графа Паскевича-Эриванского, может ли таковой перевод брата Вашего последовать. Приятным долгом поставляя Вас, милостивый государь, о сем уведомить, пребываю с совершенным почтением и преданностью,

Ваш, милостивый государь,
покорнейшей слуга

7 Апреля 1831 г.

А. Бенкендорф

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Письмо ваше — письмо не сохранилось.

Перевод брата Вашего — 20 мая 1831 г. Л. С. Пушкин был переведен в Финляндский драгунский полк и принял участие в Польской кампании.

А. С. Пушкин — А. Х. БенкендорфуОколо (не позднее) 21 июля 1831 г.*

Заботливость истинно отеческая Государя Императора глубоко меня трогает. Осыпанному уже благодеяниями Его Величества, мне давно было тягостно мое бездействие. Мой настоящий чин (тот самый, с которым выпущен я был из Лицея), к несчастью, представляет мне препятствие на поприще службы. Я считался в Иностранной коллегии от 1817-го до 1824-го года; мне следовали за выслугу

лет еще два чина, т. е. титулярного и коллежского асессора; но бывшие мои начальники забывали о моем представлении. Не знаю, можно ли мне будет получить то, что мне следовало.

Если Государю Императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнять волю Его Величества и готов служить ему по мере моих способностей. В России периодические издания не суть представители различных политических партий (которых у нас не существует), и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостию взялся бы я за редакцию *политического и литературного журнала*, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению.

Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до Государя Петра III.

С радостию взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала — эта же просьба будет высказана Пушкиным в письме Бенкендорфу от 27 мая 1832 г. (см. ниже).

Давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого — 25 июля 1831 г. Пушкин по указанию императора будет зачислен в Коллегию иностранных дел с «дозволением» работать в архивах с материалами, необходимыми для написания истории Петра I.

*А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину

29 августа 1831 г. Царское Село

Милостивый государь,

Александр Сергеевич!

Я сообщил г. генерал-адъютанту графу Чернышеву доставленную мне Вами, милостивый государь, записку о сотнике Сухорукове, изъявившем желание получить копии с выписанных им в архивах материалов для составления истории войска Донского, которые он, уезжая в 1826 году в армию, должен был, по приказанию Генерала Богдановича, передать в чужие руки, равно как и множество приобретенных им древних летописей, повестей и поэм, относящихся к сему войску.

Граф Чернышев отвечал мне на сие, что акты, о коих упоминает сотник Сухоруков, никогда не были его собственностью, ибо они собраны им из архивов войска и из других источников по приказанию и направлению его, графа Чернышева; что акты сии, как принадлежащие к делам Комитета об устройстве войска Донского, никак не могли утратиться, но должны быть в виду начальства, и что, наконец, он находит со стороны сотника Сухорукова не только неосновательным, но даже дерзким обременять правительство требованием того, что ему не принадлежало и принадлежать не может.

Считая долгом уведомить о сем Вас, милостивый государь, честь имею быть с совершенным почтением и истинною преданностию,

милостивый государь,

покорнейшей слуга

А. Бенкендорф

№ 4426.

29 Августа 1831.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Записку о сотнике Сухорукове — Сухоруков Василий Дмитриевич (1795–1841), историк войска Донского, издатель альманаха «Русская старина».

Генерала Богдановича — Богданович Иван Федорович (1784–1840), топограф, в 1833 г. под его руководством была составлена «Карта земли войска Донского».

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

Середина октября 1831 г. Царское Село или Петербург

Милостивый государь

Александр Христофорович,

Осмеливаюсь беспокоить Ваше высокопревосходительство покорнейшею просьбою о дозволении издать особою книгою стихотворения мои, напечатанные уже в течении трех последних лет.

В 1829 году Ваше высокопревосходительство изволили мне сообщить, что Государю Императору угодно было впредь положить на меня в издании моих сочинений. Высочайшая доверенность налагает на меня обязанность быть к самому себе строжайшим цензором, и после того было бы для меня нескромностию вновь подвергать мои сочинения собственному рассмотрению Его Императорского Величества. Но позвольте мне надеяться, что Ваше высокопревосходительство, по всегдашней ко мне благосклонности, удостоите меня предварительного разрешения.

С глубочайшим почтением, благодарностию и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства

покорнейший слуга.

Александр Пушкин

При сем препровождаю Вашему высокопревосходительству письмо, доставленное мне г. Погодиным.

Изволили мне сообщить — Пушкин ошибается, такое разрешение дано было ему Николаем I только в связи с изданием «Бориса Годунова» — и не в 1829 г., а в письме Бенкендорфа от 28 апреля 1830 г., о чем Бенкендорф напомним ему в ответном письме.

Издать особою книгою стихотворения мои — третья часть «Стихотворений А. Пушкина» выйдет из печати в марте 1832 г.

Быть к самому себе строжайшим цензором — Бенкендорф в письме от 19 октября сообщит Пушкину, что все произведения он по-прежнему должен представлять на рассмотрение царя.

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

19 октября 1831 г. Петербург

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

На письмо Ваше ко мне имею честь Вас уведомить, что никакого не может быть препятствия к изданию особою книгою тех стихотворений Ваших, которые уже были единожды напечатаны.

Для меня всегда приятно быть с Вами в сношениях по предмету Ваших сочинений и потому я прошу Вас, всякой раз, когда будете иметь в том надобность, обращаться ко мне со всею искренностию.

Вместе с сим, считаю не излишним заметить Вам, что сколь ни удостоверен Государь Император в чистоте Ваших намерений и правил, но со всем тем однако же мне не известно, чтобы Его Величество разрешил Вам все ваши сочинения печатать под одною Вашою только ответственностию. Упоминаемое в письме Вашем сообщение мое к Вам 1829-го года относилось к одной лишь трагедии Вашей под названием Годунов, а потому Вам надлежит по-прежнему испрашивать всякий раз Высочайшее Его Величества соизволение на напечатание Ваших сочинений и если Вам угодно будет делать сие чрез посредство мое, то я готов всегда Вам в сем случае содействовать.

С совершенным почтением имею честь быть,

милостивый государь,

ваш покорнейшей слуга

А. Бенкендорф

№ 5237.

19 Октября 1831.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Сообщение мое к Вам 1829-го года — Бенкендорф ошибается вслед за Пушкиным, упомянутое разрешение содержалось в письме Бенкендорфа Пушкину от 28 апреля 1830 г.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

24 ноября 1831 г.

Mon Général,

N'étant pas encore attaché définitivement au service et des affaires pressentes nécessitant ma présence à Moscou, je suis obligé de m'absenter pour deux ou trois semaines sans d'autre autorisation que celle de l'officier de quartier. Je crois de mon devoir d'en prévenir votre Excellence.

Je saisis cette occasion pour vous parler d'une chose qui m'est toute personnelle. L'intérêt que vous avez toujours daigné me témoigner, m'encourage à vous en parler en détail et en toute confiance.

Il y a un an à peu près que dans l'un de nos journaux on imprima un article satyrique dans lequel on parlait d'un certain littérateur qui manifestait des prétentions à une origine noble, tandis qu'il n'était qu'un bourgeois-gentilhomme. On ajoutait que sa mère était une mulâtre dont le père, pauvre négriillon, avait été acheté par un matelot pour une bouteille de rhum. Quoique Pierre le Grand ne ressemblât guère à un matelot ivre, c'était me désigner assez clairement, vu qu'il n'y a que moi de littérateur Russe qui comptasse un nègre parmi mes ancêtres. Comme l'article en question était imprimé dans une gazette officielle, qu'on avait poussé l'indécence jusqu'à parler de ma mère dans un feuilleton qui ne devrait être que littéraire, et que nos gazetiers ne se battent pas en duel, je crus devoir répondre au satyrique *anonyme*, ce que je fis en vers et très vertement. J'envoyais ma réponse à feu Delvig, en le priant de l'insérer dans son journal. Delvig m'engagea à la supprimer, me faisant observer qu'il y aurait du ridicule à se défendre la plume à la main contre des attaques de cette nature et à afficher des sentiments aristocratiques, lorsqu'à tout prendre on n'était qu'un gentilhomme-bourgeois, sinon un bourgeois-gentilhomme. Je me rendis à son avis, et l'affaire en resta là; cependant il courut quelques copies de cette réponse, ce dont je ne suis pas fâché, attendu qu'il n'y a rien que je voulus désavouer. J'avoue que je tiens à ce qu'on appelle des préjugés: je tiens à être aussi bon gentilhomme que qui que ce soit, quoique cela ne rapporte pas grand'chose; je tiens beaucoup enfin au nom de mes ancêtres, puisque c'est le seul héritage qu'ils m'ont laissé.

Mais comme on pourrait prendre mes vers pour une satire indirecte sur l'origine de quelques familles marquantes, si on ne savait que c'est une réponse très modérée à une provocation très reprehensible, je me suis fait un devoir de vous en donner franchement l'explication, et d'y joindre la pièce en question.

Agréez, Général, l'hommage de ma haute considération.
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur.
Alexandre Pouchkine

24 Nov.
St. P. b.

Перевод:

Генерал,

Неотложные дела требуют моего присутствия в Москве, и я, не будучи еще окончательно зачислен на службу, принужден отлучиться на две-три недели, не имея иного разрешения, как от одного лишь квартирного. Считаю своим долгом поставить о том в известность Ваше превосходительство.

Пользуюсь этим случаем, чтобы обратиться к Вам по одному чисто личному делу. Внимание, которое вы всегда изволили мне оказывать, дает мне смелость говорить с Вами обстоятельно и с полным доверием.

Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин в дворянстве. К этому было прибавлено, что мать его — мулатка, отец которой, бедный негртенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра. Ввиду того, что вышеупомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность зашла так далеко, что о моей матери говорилось в фельетоне, который должен был бы носить чисто литературный характер, и так как журналисты наши не дерутся на дуэли, я счел своим долгом ответить *анонимному* сатирику, что и сделал в стихах, и при этом очень круто. Я послал свой ответ покойному Дельвигу

с просьбой поместить в его газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подобного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не мещанином в дворянстве, то дворянином в мещанстве. Я уступил, и тем дело и кончилось; однако несколько списков моего ответа пошло по рукам, о чем я не жалею, так как не отказываюсь ни от одного его слова. Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками; дорожу тем, чтобы быть столь же хорошим дворянином, как и всякий другой, хотя от этого мне выгоды мало; наконец, я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них.

Однако, ввиду того, что стихи мои могут быть приняты за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий, если не знать, что это очень сдержанный ответ на заслуживающий крайнего порицания вызов, я счел своим долгом откровенно объяснить вам, в чем дело, и приложить при сем стихотворение, о котором идет речь.

Примите, генерал, уверение в моем высоком уважении. Вашего превосходительства низжайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин

24 ноября. Ст. П. б. (Франц.)

Сатирическая статья — пасквиль Ф. Булгарина «Второе письмо из Карлова» в «Северной пчеле», 1830, № 94.

Несколько списков моего ответа — стихотворение «Моя родословная» (1830).

*А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину

10 декабря 1831 г. Петербург

Monsieur,

Je ne saurais mieux répondre à Votre honorée du 24 Novembre dernier qu'en Vous transmettant textuellement l'opinion de Sa Majesté l'Empereur:

«Vous pouvez dire de ma part à Пушкин que je suis parfaitement de l'avis de feu son ami Delwig. Des injures aussi basses, aussi viles que celles dont on l'a régalé, déshonorent celui qui les prononce et non celui à qui on les adresse. La seule arme contre est le *mépris*; voilà ce qu'à sa place j'aurais fait. — Quant à ces vers, j'y trouve de l'esprit, mais encore plus de fiel qu'autre chose. Il eut mieux fait pour l'honneur de sa plume, et surtout de *sa raison*, de ne pas les faire courir». —

Recevez, Monsieur, je Vous en prie, l'assurance de mon parfait estime.

A. Benkendorff

St Pétersbourg ce 10 Décembre 1831.

№ 6041.

Перевод:

Милостивый государь,

Лучшим ответом на ваше почтенное письмо от 24 ноября будет дословное воспроизведение отзыва Его Императорского Величества:

«Вы можете сказать от моего имени Пушкину, что я всецело согласен с мнением его покойного друга Дельвига. Столь низкие и подлые оскорбления, как те, которыми его угостили, бесчестят того, кто их произносит, а не того, к кому они обращены. Единственное оружие против них — *презрение*. Вот как я поступил бы на его месте. — Что касается его стихов, то я нахожу, что в них много остроумия, но более всего желчи. Для чести его пера и особенно *его ума* будет лучше, если он не станет распространять их».

Прошу вас, милостивый государь, принять выражение моего совершенного уважения.

A. Бенкендорф

С.-Петербург. 10 декабря 1831.

№ 6041. (*Франц.*)

Царь оказался на стороне Пушкина, охарактеризовав выходку Булгарина как «низкие и подлые оскорбления», заслуживающие лишь презрения. Но, конечно, счел стихотворение непригодным для печати, потому что оно содержало прозрачные аллюзии на известные всем знатные фамилии.

1832

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

7 февраля 1832 г. Петербург

Генерал-адъютант Бенкендорф покорнейше просит Александра Сергеевича Пушкина, доставить ему объяснение, по какому случаю помещены в изданном на сей 1832 год альманахе под названием Северные Цветы некоторые стихотворения его, и между прочим *Аничар, древо яда*, без предварительного испрошения на напечатание оных Высочайшего дозволения.

7 февраля 1832.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Доставить ему объяснение — см. следующее письмо.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

7 февраля 1832 г. Петербург

Милостивый государь

Александр Христофорович,

Ваше высокопревосходительство изволили требовать от меня объяснения, каким образом стихотворение мое, *Древо яда*, было напечатано в альманахе без предварительного рассмотрения Государя Императора: спешу ответить на запрос Вашего высокопревосходительства.

Я всегда твердо был уверен, что Высочайшая *милость*, коей неожиданно был я удостоин, не лишает меня и *права*, данного Государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры. В течение последних шести лет во всех журналах и альманахах, с ведома моего и без ведома, стихотворения мои печатались беспрепятственно,

и никогда не было о том ни малейшего замечания ни мне, ни цензуре. Даже я, совестясь беспокоить поминутно Его Величество, раза два обратился к Вашему покровительству, когда цензура недоумевала, и имел счастье найти в Вас более снисходительности, нежели в ней.

Имея необходимость объяснить лично Вашему высокопревосходительству некоторые затруднения, осмеливаюсь просить Вас назначить час, когда мне можно будет явиться.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства

7 янв.¹²⁴

покорнейший слуга

1832. С. Пб.

Александр Пушкин

Изволили требовать — требование содержалось в письме А. Х. Бенкендорфа от 7 февраля 1832 г.

«Древо яда» — стихотворение «Анчар».

Высочайшая милость — во время аудиенции 8 сентября 1826 г. царь изъявил желание лично осуществлять цензуру произведений Пушкина, освободив его от необходимости общей цензуры.

*А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину

17 февраля 1832 г. Петербург

Шеф жандармов, командующий Императорскою главною квартирою, генерал-адъютант Бенкендорф, свидетельствуя свое почтение Александру Сергеевичу, честь имеет препроводить при сем один экземпляр полного собрания законов Российской Империи, назначенного Александру Сергеевичу в подарок Его Императорским Величеством.

Генерал-адъютант Бенкендорф

№ 118.

17 Февр. 1832-го.

А. С. Пушкину.

¹²⁴ Описка: 7 февраля.

Полного собрания законов Российской Империи — первое издание в 55 томах, вышедшее в 1832 г. в результате четырехлетней работы II отделения с. е. и. в. канцелярии под руководством М. М. Сперанского.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

18–24 февраля 1832 г. Петербург.
(Черновое)

По приказанию Вашего высокопревосходительства препровождаю к Вам одно стихотворение, взятое от меня в альманах и уже пропущенное цензурою.

Я остановил его печатание до Вашего разрешения.

При сем случае приемлю смелость просить у Вашего высокопревосходительства дозволения откровенно объяснить мое положение. В 1827 году Государю Императору угодно было объявить мне, что у меня *кроме Его Величества никакого цензора не будет*. Сия неслыханная милость наложала на меня обязанность представлять на рассмотрение Его Величества сочинения достойные Его внимания, если не по достоинству их, то по крайней мере по их цели и содержанию. Мне всегда было тяжело и совестно озабочивать Царя стихотворными безделицами, важными только для меня, ибо они доставляли мне 20,000 дохода, и одна сия необходимость заставляла меня пользоваться правом, данным мне Государем.

Ныне Ваше высокопревосходительство, приняв в уважение сии мои... изволили приказать мне обращаться к Вашему высокопревосходительству с теми моими стихотворениями, которые я или журналисты пожелают напечатать. Позвольте доложить Вашему высокопревосходительству, что сие представляет разные неудобства. 1) Ваше высокопревосходительство не всегда изволите пребывать в Петербурге, а книжная *торговля*, как и всякая, имеет свои *сроки*, свои ярмонки; так что от того, что книга будет напечатана в марте, а не в январе, сочинитель может потерять несколько тысяч рублей, а журналист несколько сот подписчиков.

2) Подвергаясь один особой, от Вас единственно зависящей цензуре — я, вопреки права, данного Государем, изо всех писателей буду подвержен самой стеснительной цензуре, ибо весьма простым образом — сия цензура будет смотреть на меня с предубеждением и находить везде тайные применения, *allusions* и затруднительности — а обвинения в применениях и подразумеваемых не имеют ни границ, ни оправданий, если под словом *дерево* будут разумеать конституцию, а под словом *стрела* самодержавие.

Осмеливаюсь просить об одной милости: впредь иметь право с мелкими сочинениями своими относиться к обыкновенной цензуре.

Одно стихотворение — «Анчар».

Альманах — по-видимому, имеется в виду собрание стихотворений 1832 г., которое выйдет в свет 31 марта с измененной редакцией 33-го стиха: «Царь» будет заменено на «князь».

В 1827 году — неточность, речь об этом шла во время аудиенции у царя в Николаевском дворце Кремля 8 сентября 1826 г. по прибытии Пушкина из Михайловской ссылки.

Allusions — намеки (франц.).

Письмо не было отослано. Следующее письмо написано в более спокойном тоне.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

24 февраля 1832 г. Петербург

Милостивый государь

Александр Христофорович,

С чувством глубочайшего благоговения принял я книгу, Всемилоштивейше пожалованную мне Его Императорским Величеством. Драгоценный знак Царского ко мне благоволения возбудит во мне силы для совершения предпринимаемого мною труда и который будет ознаменован, если не талантом, то по крайней мере усердием и добросовестностью.

Ободренный благосклонностию Вашего высокопревосходительства, осмеливаюсь вновь беспокоить Вас покорнейшею просьбою: о дозволении мне рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловым для составления его Истории Петра Великого.

По приказанию Вашего высокопревосходительства препровождаю к Вам одно стихотворение, данное мною в альманах и пропущенное уже цензурою. Я остановил печатание оногo до разрешения Вашего высокопревосходительства.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

	Вашего	Высокопревосходительства
24 февраля		покорнейший слуга
1832.		Александр Пушкин
С. П. Б.		

Книга — Полное собрание законов Российской империи, подаренное Пушкину царем (см. выше письмо Бенкендорфа от 17 февраля 1832 г.).

Предпринимаемый труд — история Петра I.

Шувалов Иван Иванович (1727–1797) — вельможа во времена правления императриц Елизаветы и Екатерины II, первый куратор Московского университета.

Одно стихотворение — «Анчар» (см. выше черновое письмо Пушкина Бенкендорфу от 18–24 февраля 1832 г.).

А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину29 февраля 1832 г. Петербург*

Милостивый государь

Александр Сергеевич!

По письму Вашему от 24 февраля, докладывал я Государю Императору, и Его Величество Всемилостивейше дозволил Вам рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, о чем и сообщено мною г. министру Императорского Двора.

Уведомляя о сем Вас, имею честь быть с истинным почтением и преданностию,

милостивый государь,

Ваш покорный слуга,

А. Бенкендорф

№ 1163.

29 февраля 1832.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Ответ на письмо Пушкина от 24 февраля 1832 г.

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу3 мая 1832 г. Петербург*

Mon Général

Sa Majesté ayant daigné s'intéresser à mon sort, m'avait assigné des appointements. Mais comme j'ignore *d'où* je dois les recevoir et *à compter de quel jour*, je prends la liberté de m'adresser à votre Excellence, en la priant de me tirer d'incertitude. Veuillez pardonner mon importunité et l'accueillir avec Votre indulgence accoutumée.

Je suis avec respect,

Mon Général

de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur

3 mai Alexandre Pouchkine
1832.

Перевод:

Генерал,

Его Величество, удостоив меня вниманием к моей судьбе, назначил мне жалованье. Но так как я не знаю, *откуда и считая с какого дня* я должен получать его, то осмеливаюсь обратиться к Вашему превосходительству с просьбой вывести меня из неизвестности. Благоволите простить мою докучливость и отнестись к ней со свойственной Вам снисходительностью.

Остаюсь с уважением, генерал, Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин

3 мая 1832. (*Франц.*)

После зачисления в Коллегию иностранных дел (см. выше) Пушкину было положено жалованье 5 тыс. руб.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

27 мая 1832 г. Петербург

Général

Mademoiselle Kuchelbecker m'a fait demander si je ne prendrais pas sur moi d'être l'éditeur de quelques poèmes manuscrits que son frère lui a laissés. J'ai cru qu'il fallait pour cela l'autorisation de Votre Excellence et que celle de la censure ne suffisait pas. J'ose espérer que cette permission que je sollicite ne pourra me nuire: ayant été camarade de collègue de G. Kuchelbecker, il est naturel que sa sœur, en cette occasion, se soit adressée à moi plutôt qu'à tout autre.

Maintenant permettez-moi de vous importuner pour quelque chose qui m'est personnel. Jusqu'à présent j'ai beaucoup négligé mes

moyens de fortune. Actuellement que je ne puis être insouciant sans manquer à mes devoirs, il faut que je songe à m'enrichir et j'en demande la permission à Sa Majesté. Mon service auquel Elle a daigné m'attacher, mes occupations littéraires m'obligent à demeurer à Pétersbourg, et je n'ai de revenu que ce que me procure mon travail. L'entreprise littéraire dont je sollicite l'autorisation et qui assurerait mon sort, serait d'être à la tête du journal dont M^rJoukovsky m'a dit vous avoir parlé.

Je suis avec respect, Général,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine

27 mai.

Перевод:

Генерал,

Девица Кюхельбекер просила узнать у меня, не возьму ли я на себя издание нескольких рукописных поэм, оставленных ей ее братом. Я подумал, что дозволения цензуры для этого недостаточно, а необходимо разрешение Вашего превосходительства. Осмеливаюсь выразить надежду, что разрешение, о котором я ходатайствую, не может повредить мне: я был школьным товарищем Кюхельбекера, и вполне естественно, что его сестра в этом случае обратилась ко мне, а не к кому-либо другому.

Теперь позвольте мне беспокоить Вас по некоторому личному делу. До сих пор я сильно пренебрегал своими денежными средствами. Ныне, когда я не могу оставаться беспечным, не нарушая долга перед семьей, я должен думать о способах увеличения своих средств и прошу на то разрешения Его Величества. Служба, к которой он соблаговолил меня причислить, и мои литературные занятия заставляют меня жить в Петербурге, доходы же мои ограничены тем, что доставляет мне мой труд. Мое положение может обеспечить литературное предприятие, о разрешении которого я ходатайствую, — а именно: стать во главе газеты, о которой господин Жуковский, как он мне сказал, говорил с Вами.

Остаюсь с уважением, генерал, Вашего превосходительства
нижайший и покорнейший слуга

27 мая. (*Франц.*)

Александр Пушкин

Девушка Кюхельбекер — Юлия Карловна (1798 — не ранее 1845), младшая сестра лицейского друга Пушкина. В этой просьбе Пушкину будет отказано.

Служба — в Коллегии иностранных дел.

Статья во главе газеты — замысел создания собственной газеты или журнала появился у Пушкина еще во время Михайловской ссылки. Этой мыслью он делился с друзьями неоднократно.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

Около 27 мая 1832 г. Петербург

10 лет тому назад литературою занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упражнение, но еще не отросль промышленности: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечатанием сонников и песенников.

Несчастные обстоятельства, сопроводившие восшествие на престол ныне Царствующего Императора, обратили внимание Его Величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбы и притесненным невежественной и своенравной цензурою. Не было даже закона касательно собственности литературной.

Ограждение сей собственности и цензурный устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. *торговое*. Ныне составляет она отрасль промышленности, покровительствуемой законами.

Изо всех родов литературы, периодические издания всего более приносят выгоды, и чем разнообразнее по содержанию, тем более расходятся.

Известия политические привлекают большее число читателей, будучи любопытны для всякого.

Северная Пчела, издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3,000 подписчиков, естественно должна иметь большое влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю.

Всякой журналист имеет право говорить мнение свое о новышедшей книге столь строго, как угодно ему. Северная Пчела пользуется сим правом и хорошо делает; законом требовать от журналиста благосклонности или беспристрастия было бы невозможно и несправедливо. Автору осужденной книги остается ожидать решения читающей публики или искать управы и защиты в другом журнале.

Но журналы *чисто литературные*, вместо 3,000 подписчиков, имеют едва ли и 300, и следственно голос их был бы вовсе не действителен.

Таким образом литературная торговля находится в руках издателей Северной Пчелы, и критика, как и политика, сделалась их монополией.

От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских сношениях с издателями Северной Пчелы; ни одно из их произведений не продается, ибо никто не станет покупать товара, осужденного в самом газетном объявлении.

Для восстановления равновесия в литературе, нам необходим журнал, коего средства могли бы ровняться средствам Северной Пчелы; то-есть, журнал, в коем бы печатались политические и заграничные новости.

Направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства, и в сем случае я полагаю священной обязанности ему повиноваться и не только соображаться с решением цензора, но и сам обязуюсь строго смотреть за каждой строкою моего журнала. Злонамеренность была бы с моей стороны столь же безрассудна, как и неблагоприятна.

Несчастные обстоятельства — восстание 14 декабря
1825 г.

Цензурный устав — был введен 10 июня 1826 г.

Нам необходим журнал... в коем бы печатались политические и заграничные новости — какая-то предварительная договоренность об открытии Пушкиным собственного издания «Дневник» была достигнута, о каком-то «обещанном позволении» Вяземский сообщал И. И. Дмитриеву¹²⁵ письмом от 3 июня 1832 г.¹²⁶ Редактором газеты должен был стать литератор и экономист Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков (1805–1873). Но замыслу этому не суждено было осуществиться.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

8 июня 1832 г. Петербург

Général,

Il y a deux ou trois ans que Monsieur Gontcharoff, le grand-père de ma femme, se trouvant pressé d'argent, fut sur le point de refondre une statue colossale de Catherine II, et c'est à votre Excellence que je m'adressai pour en obtenir la permission. Comme j'avais cru qu'il ne s'agissait que d'une masse informe de bronze, je ne demandais pas mieux. Mais il se trouva que la statue était une belle production de l'art, et j'eus conscience et regret de l'anéantir pour en tirer quelques milliers de roubles. Votre Excellence avec sa bonté accoutumée m'avait fait espérer que le gouvernement pourrait me l'acheter; je l'ai donc fait venir ici. Si la fortune d'un particulier ne permet pas de l'acheter ni de la garder, cette belle statue pourrait convenablement être placée soit dans un des établissements fondés par l'Impératrice, soit à Zarskoe Sélo, où sa statue manque parmi les monuments qu'Elle a fait élever aux grands hommes qui l'ont servie. J'en désirerai 25 000 Roubles, ce qui est le quart de ce qu'elle a coûtée (ce monument ayant été fondu en Prusse par un sculpteur de Berlin).

¹²⁵ Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — поэт, баснописец.

¹²⁶ Пиксанов Н. К. Указ. соч. С. 51.

La statue est actuellement chez moi (Rue Форштатская maison d' Алымов).

Je suis avec respect, Général,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur

8 Juin
1832.
St. Pб.

Alexandre Pouchkine

Перевод:

Генерал,

Два или три года тому назад господин Гончаров, дед моей жены, сильно нуждаясь в деньгах, собирался расплавить колоссальную статую Екатерины II, и именно к Вашему превосходительству я обращался по этому поводу за разрешением. Предполагая, что речь идет просто об уродливой бронзовой глыбе, я ни о чем другом и не просил. Но статуя оказалась прекрасным произведением искусства, и я посоветился и пожалел уничтожить ее ради нескольких тысяч рублей. Ваше превосходительство с обычной своей добротой подали мне надежду, что ее могло бы купить у меня правительство; поэтому я велел привезти ее сюда. Средства частных лиц не позволяют ни купить, ни хранить ее у себя, однако эта прекрасная статуя могла бы занять подобающее ей место либо в одном из учреждений, основанных Императрицей, либо в Царском Селе, где Ее статуи недостает среди памятников, воздвигнутых Ею в честь великих людей, которые Ей служили. Я хотел бы получить за нее 25 000 р., что составляет четвертую часть того, что она стоила (этот памятник был отлит в Пруссии берлинским скульптором).

В настоящее время статуя находится у меня (Фурштатская улица, дом Алымова).

Остаюсь, генерал, Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин
8 июня 1832. СПб. (*Франц.*)

Статуя Екатерины не была куплена.

1833

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

22 июля 1833 г. Черная речка.
(Черновое)

Mon Général,

Les circonstances m'obligent à aller bientôt passer 2 ou 3 mois dans mes terres de Nijni Novgorod — je voudrais en profiter pour faire un tour à Orenbourg et Kazan que je ne connais pas encore. Je supplie Sa Majesté de me permettre de voir les archives de ces deux gouvernements.

Перевод:

Генерал,

Обстоятельства принуждают меня вскоре уехать на 2–3 месяца в мое нижегородское имение — мне хотелось бы воспользоваться этим и съездить в Оренбург и Казань, которых я еще не видел. Прошу Его Величество позволить мне ознакомиться с архивами этих двух губерний.

Оренбург и Казань — Пушкин будет собирать материалы для «Истории Пугачева». (Франц.)

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

6 декабря 1833 г. Петербург

Милостивый государь

граф Александр Христофорович,

Осмеливаюсь препроводить Вашему сиятельству стихотворение, которое желал бы я напечатать, и при сем случае просить Вас о разрешении для меня важном. Книгопродавец Смирдин издает журнал, в коем просил меня участвовать. Я могу согласиться толь-

ко в том случае, когда он возьмется мои сочинения представлять в цензуру и хлопотать об них на равне с другими писателями, участвующими в его предприятии; но без Вашего сведения я ничего не хотел сказать ему решительного.

Хотя я как можно реже старался пользоваться драгоценным мне дозволением утруждать внимание Государя Императора, но ныне осмеливаюсь просить на то Высочайшего соизволения: я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко временам Пугачева, но нашед множество материалов, я оставил вымысел, и написал Историю Пугачевщины. Осмеливаюсь просить через Ваше сиятельство дозволения представить оную на Высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для Его Величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин

6 декабря
1833.
С. П. Б.

Стихотворение — поэма «Медный всадник».

Книгопродавец Смирдин Александр Филиппович (1795–1857) — петербургский книгопродавец и издатель журнала «Библиотека для чтения». Разрешение не будет получено.

Историю Пугачевщины — «История Пугачева» будет издана на денежную ссуду, предоставленную царем, и в государственной типографии; по желанию царя труд этот получит название «История пугачевского бунта».

1834

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

*7–10 февраля 1834 г. Петербург.
(Вторая черновая редакция)*

En soumettant à Sa Majesté le tome II de Pouagatchef, je prends la liberté d'entretenir Votre excellence de circonstances qui me regardent et de recourir à Votre bienveillance accoutumée.

En permettant l'impression de cet ouvrage, Sa Majesté a assuré ma fortune. La somme que je pourrai en retirer me met à même d'accepter une succession à laquelle j'avais été forcé de renoncer faute d'une quarantaine de mille roubles qui me manquaient. Cet ouvrage me les procurera — si je puis moi-même en être l'éditeur — sans avoir recours au libraire — 15,000 me suffiraient.

Je demande deux choses, l'une qu'on me permette d'imprimer mon ouvrage à mes frais dans une imprimerie particulière qui dépendrait de Mr Spéransky — la seule où je suis sûr de n'être pas friponné — l'autre, de recevoir en emprunt pour deux ans 15,000, somme qui me permettra de mettre à l'édition tout le temps et le soin que je devrais.

Je n'ai d'autre droit à la grâce que je sollicite, que les bontés que j'ai déjà reçues — et qui me donnent le courage et la confiance d'y recourir encore. — C'est à la protection de Votre Excellence que je confie ma très humble requête.

Je suis M^r le Comte
de Votre Excellence
le très humble

Перевод:

Представляя Его Величеству том II Пугачева, приемлю смелость обратиться к Вашему сиятельству по поводу обстоятельств, меня касающихся, и прибегнуть к Вашей обычной благосклонности.

Разрешая напечатание этого труда, Его Величество обеспечил мое благосостояние. Сумма, которую я могу за него выручить, даст мне возможность принять наследство, от которого я вынужден был отказаться за отсутствием сорока тысяч рублей, недостававших мне. Этот труд мне их доставит, если я сам буду его издателем, не прибегая к услугам книгопродавца. 15 000 было бы мне достаточно.

У меня две просьбы: первая — чтобы мне разрешили отпечатать мое сочинение за мой счет в той типографии, которая подведомственна г-ну Сперанскому, — единственной, где, я уверен, меня не обманут; вторая — получить в виде займа на два года 15 000 — сумму, которая даст мне возможность посвятить изданию все необходимое время и старание.

У меня нет другого права на испрашиваемую мною милость, кроме тех благодеяний, которые я уже получил и которые придадут мне смелость и уверенность снова к ним прибегнуть. Покровительству Вашего сиятельства вверяю я мою покорнейшую просьбу.

Остаюсь, граф,
Вашего сиятельства
нижайший

(Франц.)

Этот труд мне их доставит — расчеты Пушкина не оправдаются, книга будет плохо продаваться.

Том II Пугачева — окончание пятой главы и шестой — девятой глав «Истории Пугачева». При подготовке к печати обе части были объединены, образовав первую часть, вторую часть составили приложения.

Подведомственна г-ну Сперанскому — Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — государственный и общественный деятель, приверженец реформ, законотворец; в его ведении находились государственные типографии.

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

10 февраля 1834 г. Петербург

Граф Бенкендорф, свидетельствуя свое почтение Александру Сергеевичу, покорнейше просит его пожаловать к нему завтра, в воскресенье, в 11-ть часов утра.

Суббота.

10 февраля 1834.

А. С. Пушкину.

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

24 февраля 1834 г. Петербург

Le Comte Benkendorff, en présentant ses hommages respectueux à Monsieur Pouchkine, a l'honneur de le prier de vouloir bien venir chez lui après demain, lundi, à 10 heures du matin.

Samedi.

Le 24 février 1834.

Перевод:

Граф Бенкендорф, свидетельствуя свое совершенное уважение господину Пушкину, честь имеет просить его пожаловать к нему послезавтра, в понедельник, в 10 часов утра.

Суббота

24 февраля 1834. (*Франц.*)

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу26 февраля 1834 г. Петербург*

Милостивый государь

Александр Христофорович,

Не имея ныне способа, независимо от книгопродавцев, приступить к напечатанию мною написанного сочинения, осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству со всепокорнейшею моею просьбою о выдаче мне из казны заимообразно, за установленные проценты, 20,000 рублей, с тем, чтоб я оные выплатил в два года, по срокам, которые угодно будет назначить начальству.

С глубочайшим почтением честь имею быть,

милостивый государь,

Вашего сиятельства

покорнейший слуга

Александр Пушкин

26 февраля
1834.

О выдаче мне из казны заимообразно — ср. выше письмо Бенкендорфу от 7–10 февраля 1834 г., в котором Пушкин запрашивал 15000.

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу27 февраля 1834 г. Петербург*

Милостивый государь

Александр Христофорович,

Государю Императору угодно было чрез Ваше сиятельство дозволить мне печатать Историю Пугачева в одной из типографий, зависящих от его высокопревосходительства М. М. Сперанского: осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою дать знать о том куда следует.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга.
Александр Пушкин

27 февраля
1834.

*А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину

4 марта 1834 г. Петербург

Шеф № 382. Марта 4 дня 1834 года.

Камер-юнкеру Пушкину.

Милостивый государь

Александр Сергеевич!

На письмо Ваше, от 26 февраля, о выдаче Вашему высокоблагородию заимообразно из казны *двадцать тысяч* рублей ассигнациями за указаны проценты, с тем, что вы, милостивый государь приемлете на себя обязанность уплатить сию сумму в течении двух лет, по срокам, которые угодно будет назначить начальству, я имел счастье докладывать Государю Императору.

Его Величество, изъявив на то свое соизволение, Высочайше повелеть соизволил, выдать вам 20 тысяч рублей на вышеизложенных условиях.

Поспешая вас о сем уведомить, имею честь присовокупить, что вместе с сим я сообщил о сей Высочайшей воле г. министру финансов.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть.

За указаны проценты — при подписании проекта указа на выдачу денег царь исключил проценты, ссуда стала беспроцентной.

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу5 марта 1834 г. Петербург*

Милостивый государь

граф Александр Христофорович,

Извещение Вашего сиятельства о Высочайшей милости Государя Императора имел я счастье получить. Осмеливаюсь, милостивый государь, свидетельствовать Вашему сиятельству чувства глубочайшей благодарности за могущественное ходатайство, коего изволили меня удостоить.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,

Вашего сиятельства

покорнейшим слугою,

Александр Пушкин

5 марта
1834.

Ответ на письмо Бенкендорфа от 4 марта 1834 г.

А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину8 марта 1834 г. Петербург*

Граф Бенкендорф, свидетельствуя совершенное почтение его благородию Александру Сергеевичу, честь имеет при сем препроводить к нему обратно второй том Истории Пугачева и уведомить, что Государь Император изволил все одобрить, за исключением некоторых мест, где Его Императорским Величеством собственноручно сделаны отметки.

Генерал-адъютант граф Бенкендорф

№ 287.

8 марта 1834.

Его благородию

А. С. Пушкину.

***А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину**

24 марта 1834 г. Петербург

Шеф жандармов
Командующий
Императорскою
главною квартирою.
Отделение 2.
В С.-Петербурге.
Марта 24-го дня 1834.
№ 491.

Милостивый государь
Александр Сергеевич!
Сообщив Вашему высокоблагородию,
отношением от 4-го сего марта за № 380-м,¹²⁷
что Государю Императору благоугодно
было изъять соизволение на выдачу вам
20 тысяч р., я в то же время уведомил о сей
Высочайшей воле г. министра финансов и получил ныне от него
отзыв, что он имел счастье подносить Государю Императору проект
указа, о выдаче вам той суммы заимообразно, который и удостоен
Высочайшего подписания 16-го сего марта. При чем Его Импера-
торскому Величеству благоугодно было собственноручно написать
вместо: История Пугачева, — *История Пугачевского бунта*.

О таком Высочайшем соизволении, сообщенном мне г-м ми-
нистром финансов, уведомляя Ваше высокоблагородие, присово-
купить честь имею, что об отпуске вам в ссуду 20 тысяч р., г-н ми-
нистр финансов предложил Департаменту государственного
казначейства; что же касается до вашего сочинения, то в исполне-
ние Высочайшей воли, покорнейше прошу издать оное под загла-
вием *История Пугачевского бунта*.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть
вашим,

милостивый государь,
покорнейший слуга
граф Бенкендорф

Двора Его Император-
ского Величества
камер-юнкеру
А. С. Пушкину.

¹²⁷ Описка, вместо «382-м».

Издать оное под заглавием — дав беспроцентную ссуду и разрешив печатание в государственной типографии, царь попросил изменить название книги.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

25 марта 1834 г. Петербург

Милостивый государь

граф Александр Христофорович,

Всепокорнейше честь имею известить Ваше сиятельство, что сего 24 марта получено мною уведомление об отзыве г. министра финансов касательно Всемилостивейше мне пожалованных заимообразно денег на издание Истории Пугачевского Бунта.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,

25 марта

Вашего сиятельства

1834.

покорнейший слуга

С. П. Б.

Александр Пушкин

Министр финансов — Канкрин Егор Францевич (1774–1845).

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

25 июня 1834 г. Петербург

Monsieur le Comte

Des affaires de famille nécessitant ma présence tantôt à Moscou, tantôt dans l'intérieur, je me vois obligé de me retirer du service et je supplie Votre Excellence de m'en obtenir la permission.

Je demanderais comme dernière grâce que l'autorisation que Sa Majesté a daigné m'accorder, celle de visiter les archives, ne me fut pas retirée.

Je suis avec respect
Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine

15¹²⁸ juin.

St. Pétersbourg.

Перевод:

Граф.

Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу, и покорнейше прошу Ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение.

В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать Его Величество, не было взято обратно.

Остаюсь с уважением, граф, Вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин

15 июня. С.-Петербург. (*Франц.*)

Оставить службу — эта рискованная для дальнейшей судьбы Пушкина просьба уйти в отставку с должности камер-юнкера вызвана все ухудшающимся материальным положением семьи, которое усугубляется необходимостью вести светскую жизнь: жена по желанию царя должна постоянно украшать великосветские балы своим присутствием.

¹²⁸ Описка, вместо «25».

А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину30 июня 1834 г. Петергоф*

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Письмо ваше ко мне от 25-го сего июня было мною представлено Государю Императору в подлиннике, и Его Императорское Величество, не желая никого удерживать против воли, повелел мне сообщить г. вице-канцлеру об удовлетворении вашей просьбы, что и будет мною исполнено.

Затем на просьбу вашу, о предоставлении вам и в отставке права посещать государственные архивы для извлечения справок, Государь Император не изъявил своего соизволения, так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностию начальства. —

С совершенным почтением имею честь быть

ваш покорный слуга

граф Бенкендорф

№ 2396.

Июня 30 дня 1834.

Петергоф.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

После ответа царя Пушкин под влиянием Жуковского изменил свое решение уйти в отставку, опасаясь опалы.

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу3 июля 1834 г. Петербург*

Monsieur le Comte

Il y a quelques jours que j'ai eu l'honneur de m'adresser à Votre Excellence pour en obtenir la permission de me retirer du service. Cette

démarche étant inconvenante je vous supplie, Monsieur le Comte, de ne pas y donner de suite. J'aime mieux avoir l'air d'être incoséquent que d'être ingrat.

Cependant un congé de quelques mois me serait indispensable.

Je suis avec respect

Monsieur le Comte

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant

serviteur

Alexandre Pouchkine

3 Juillet.

Перевод:

Граф.

Несколько дней тому назад я имел честь обратиться к Вашему сиятельству с просьбой о разрешении оставить службу. Так как поступок этот неблаговиден, покорнейше прошу Вас, граф, не давать хода моему прошению. Я предпочитаю казаться легкомысленным, чем быть благодарным.

Со всем тем отпуск на несколько месяцев был бы мне необходим.

Остаюсь с уважением, граф, Вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин

3 июля. (*Франц.*)

Несколько дней тому назад — см. выше письмо Пушкина от 15 (25) июня.

Не давать хода моему прошению — Пушкин напуган неудовольствием царя просьбой об отставке, а также невозможностью продолжать работу над «Историей Петра», потому что в случае отставки архивы, как предупредил его царь, будут для него закрыты.

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу4 июля 1834 г. Петербург*

Милостивый государь

граф Александр Христофорович.

Письмо Вашего сиятельства от 30 июня удостоился я получить вчера вечером. Крайне огорчен я, что необдуманное прошение мое, вынужденное от меня неприятными обстоятельствами и досадными, мелочными хлопотами, могло показаться безумной благодарностию и супротивлением воле Того, кто доньше был более моим благодетелем, нежели Государем. Буду ждать решения участи моей, но во всяком случае, ничто не изменит чувства глубокой преданности моей к Царю и сыновней благодарности за прежние Его милости.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего сиятельства

покорнейший слуга

Александр Пушкин

4 июля

1834.

С. П. Б.

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу6 июля 1834 г. Петербург*

Monsieur le Comte

Permettez-moi de vous parler à cœur ouvert. En demandant mon congé, je ne pensais qu'à des affaires de famille embarrassantes et pénibles. Je n'avais en vue que l'inconvénient d'être obligé de faire plusieurs voyages tandis que je serais attaché au service. Sur mon Dieu et sur mon âme, c'était ma seule pensée; c'est avec une douleur profonde

que je la vois si cruellement interprêtée. L'Empereur m'a comblé de grâces dès le premier moment que sa royale pensée s'est portée sur moi. Il y en a auxquelles je ne puis penser sans une profonde émotion, tant il y a mis de loyauté et de générosité. Il a toujours été pour moi une providence, et si dans le cours de ces huit ans il m'est arrivé de murmurer, jamais, je le jure, un sentiment d'aigreur ne s'est mêlé à ceux que je lui ai voués. Et dans ce moment, ce n'est pas l'idée de perdre un protecteur tout puissant qui me remplit de douleur, c'est celle de laisser dans son esprit une impression que par bonheur je n'ai pas méritée.

Je réitère, Monsieur le Comte, ma très humble prière de ne pas donner de suite à la demande que j'ai faite si étourdiment.

C'est en me recommandant à Votre puissante protection, que j'ose vous présenter l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respect

Monsieur le Comte

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur

Alexandre Pouchkine

6 Juillet.

S^t P.

Перевод:

Граф.

Позвольте мне говорить с Вами вполне откровенно. Подавая в отставку, я думал лишь о семейных делах, затруднительных и тягостных. Я имел в виду лишь неудобство быть вынужденным предпринимать частые поездки, находясь в то же время на службе. Богом и душою моею клянусь — это была моя единственная мысль; с глубокой печалью вижу, как ужасно она была истолкована. Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда Монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, столько он вложил в них прямоты и великодушия. Он всегда был для меня провидением, и если в течение этих восьми лет мне случалось роптать, то никогда, клянусь, чувство горечи не примешивалось к тем чувствам, которые я питал к нему. И в эту минуту не мысль потерять

Всемогущего покровителя вызывает во мне печаль, но бремя оставить в Его душе впечатление, которое, к счастью, мною не заслужено.

Повторяю, граф, мою покорнейшую просьбу не давать хода прошению, поданному мною столь легкомысленно.

Поручая себя вашему могущественному покровительству, осмеливаюсь изъявить Вам мое высокое уважение.

Остаюсь с почтением, граф, Вашего сиятельства низжайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин

6 июля. С.-П. (*Франц.*)

Повторная просьба Пушкина не давать хода его заявлению об отставке написана под давлением Жуковского, который считал необходимым со стороны Пушкина показаться в своем импульсивном порыве со всей искренностью и признанием преданности царю.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

23 ноября 1834 г. Петербург

Милостивый государь

граф Александр Христофорович

История Пугачевского Бунта отпечатана, и для выпуска оной в свет ожидал я разрешения Вашего сиятельства; между тем позвольте беспокоить Вас еще одною покорнейшею просьбою: я желал бы иметь счастье представить первый экземпляр книги Государю Императору, присовокупив к ней некоторые замечания, которых не решился я напечатать, но которые могут быть любопытны для Его Величества. Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству для получения на то позволения.

Книгопродавец Смирдин хочет издать в одну книгу мои уже напечатанные стихи; я осмелился их препроводить в канцелярию его превосходительства А. Н. Мордвинова, по предписанному пред сим порядку.

С глубочайшим почтением, совершенною преданностью и благодарностью честь имею быть,

милостивый государь,

Вашего сиятельства

покорнейший слуга

Александр Пушкин

23 ноября

1834.

С. П. Б.

Некоторые замечания — замечания были составлены Пушкиным незадолго до 23 ноября и состояли из 19 пунктов, каждый из которых имел отсылку к рассматриваемой странице «Истории Пугачевского бунта».

Издать в одну книгу — «Поэмы и повести Александра Пушкина» выйдут в 1835 г.

А. Н. Мордвинова — Мордвинов Александр Николаевич (1792–1869) — начальник канцелярии III отделения.

* III отделение — А. С. Пушкину

4 декабря 1834 г. Петербург

III Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии честь имеет возвратить Вам рассмотренную по приказанию его сиятельства графа Бенкендорфа рукопись четвертой части Ваших стихотворений.

№ 4182.

С. П. б.

4 декабря 1834.

Его высокоблагородию

А. С. Пушкину.

Четвертой части Ваших стихотворений — IV том «Стихотворений Александра Пушкина».

А. Н. Мордвинов — А. С. Пушкину4 декабря 1834 г. Петербург.*

Милостивый государь

Александр Сергеевич!

Письмо Ваше от 23 ноября к г. генерал-адъютанту графу Бенкендорфу было его сиятельством доложено Государю Императору, и Его Величество соизволил отозваться, что изволит назначить время, в которое угодно будет Его Величеству Вас принять.

О сем по приказанию графа Александра Христофоровича имею честь Вас уведомить.

С совершенным почтением и преданностию имею честь,

милостивый государь,

Ваш покорнейший слуга

А. Мордвинов

4 декабря 1834.

Письмо написано по поручению Бенкендорфа.

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу17 декабря 1834 г. Петербург*

Monsieur le Comte,

Je suis au désespoir d'importuner de nouveau Votre Excellence, mais M. Spéransky vient de me faire dire que l'histoire de la révolte de Pougatchef ayant été dans sa section par ordre de Sa Majesté l'Empereur, il lui est impossible de livrer l'édition *без высочайшего на то соизволения*. Je supplie Votre Excellence de me pardonner et de me tirer d'embarras.

Je suis avec le respect le plus profond

Monsieur le Comte

de Votre Excellence

le très humble et très obeisant

serviteur

17 décembre 1834.

Перевод:

Граф,

Я в отчаянии от необходимости вновь докучать Вашему сиятельству, но г. Сперанский только что сообщил мне, что так как история Пугачевского бунта отпечатана в его отделении по повелению Его Величества Государя Императора, то ему невозможно выдать издание *без Высочайшего на то соизволения*. Умоляю Ваше сиятельство извинить меня и устранить это затруднение.

Остаюсь с глубочайшим уважением, граф, Вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин

17 декабря 1834. (*Франц.*)

Без Высочайшего на то соизволения — разрешение царя, конечно, было получено.

1835

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

26 января 1835 г. Петербург

Милостивый государь

граф Александр Христофорович,

Чсть имею препроводить к Вашему сиятельству некоторые замечания, которые не могли войти в Историю Пугачевского бунта, но которые могут быть любопытны. Я просил о дозволение представить оные Государю Императору, и имел счастье получить на то Высочайшее соизволение.

При сем осмеливаюсь просить Ваше сиятельство, о испрошении важной для меня милости: о Высочайшем дозволении прочесть Пугачевское дело, находящееся в архиве. В свободное время я мог бы из оног составить краткую выписку, если не для печати,

то по крайней мере, для полноты моего труда, без того не совершенного, и для успокоения исторической моей совести.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

	милостивый государь,
26 янв.	Вашего сиятельства
1835.	покорнейший слуга
С. П. Б.	Александр Пушкин

Некоторые замечания — см. выше письмо Бенкендорфу от 23 ноября 1834 г.

Высочайшем дозволении — разрешение будет получено.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

11 апреля 1835 г. Петербург

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Пользуясь драгоценным своим правом, имею счастье повергнуть на рассмотрение Его Величества сочинение, которое весьма желал бы я напечатать, по причинам, объясненным в предисловии.

Ободренный вниманием, коего Вы всегда изволили меня удоставлять, осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о дозволении объяснить Вам лично обстоятельство, собственно до меня касающееся.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

	милостивый государь,
11 апреля	Вашего сиятельства
1835.	покорнейшим слугою.
С. П. Б.	Александр Пушкин

Сочинение — поэма «Анджело» будет напечатана в книге «Поэмы и повести Александра Пушкина» в 1835 г. (см. письмо Бенкендорфу от 23 ноября 1834 г. и примечание).

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

*Апрель-май 1835 г. Петербург.
(Черновое)*

J'ose soumettre à la décision de Votre Excellence

En 1832 Sa Majesté a daigné m'accorder la permission d'être l'éditeur d'un journal politique et littéraire.

Ce métier n'est pas le mien et me répugne sous bien des rapports, mais les circonstances m'obligent d'avoir recours à un moyen dont jusqu'à présent j'ai cru pouvoir me passer. Je demeure à Pétersbourg où grâce à Sa Majesté je puis me livrer à des occupations plus importantes et plus à mon goût, mais la vie que j'y mène entraînant à des dépenses, et les affaires de famille étant très dérangées, je me vois dans la nécessité soit de quitter des travaux historiques qui me sont devenus chers, soit d'avoir recours aux bontés de l'empereur auxquelles je n'ai d'autres droits que les bienfaits dont il m'a déjà accablé. —

Un journal m'offre le moyen de demeurer à Pétersbourg et de faire face à des engagements sacrés. Je voudrais donc être l'éditeur d'une gazette en tout pareille à la Северная Пчела, et quant aux articles purement littéraires (comme critiques de longue haleine, contes, nouvelles, poèmes etc.), qui ne peuvent trouver place dans un feuilleton, je voudrais les publier à part (un volume tous les 3 mois dans le genre des Review Anglaises).

Je vous demande pardon, mais je suis obligé de tout vous dire. J'ai eu le malheur de m'attirer l'inimitié de M^r le ministre de l'Instruction publique, ainsi que celle de M^r le Prince Dondoukof, né Korsakof. Déjà tous les deux me l'ont fait sentir d'une manière assez désagréable. En entrant dans une carrière, où je vais dépendre d'eux, je serai perdu sans votre protection immédiate. J'ose donc vous supplier d'accorder à mon journal un censeur tiré de votre chancellerie; cela m'est d'autant plus indispensable que mon journal devant paraître en même temps que la Северная Пчела, je dois avoir le temps de traduire les memes articles sous peine d'être obligé de réimprimer le lendemain les nouvelles publiées la veille, ce qui suffirait déjà pour ruiner toute l'entreprise.

Перевод:

Осмеливаюсь представить на решение Вашего сиятельства.

В 1832 г. Его Величество соизволил разрешить мне быть издателем политической и литературной газеты.

Ремесло это не мое и неприятно мне во многих отношениях, но обстоятельства заставляют меня прибегнуть к средству, без которого я до сего времени надеялся обойтись. Я проживаю в Петербурге, где благодаря Его Величеству могу предаваться занятиям более важным и более отвечающим моему вкусу, но жизнь, которую я веду, вызывающая расходы, и дела семьи, крайне расстроенные, ставят меня в необходимость либо оставить исторические труды, которые стали мне дороги, либо прибегнуть к щедротам Государя, на которые я не имею никаких других прав, кроме тех благодеяний, коими он меня уже осыпал.

Газета мне дает возможность жить в Петербурге и выполнять священные обязательства. Итак, я хотел бы быть издателем газеты, во всем сходной с «Северной Пчелой»; что же касается статей чисто литературных (как то пространных критик, повестей, рассказов, поэм и т. п.), которые не могут найти место в фельетоне, то я хотел бы издавать их особо (по тому каждые 3 месяца, по образцу английских *Reviews*¹²⁹).

Прошу извинения, но я обязан сказать Вам все. Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урожденно-го Корсакова. Оба уже дали мне ее почувствовать довольно неприятным образом. Вступая на поприще, где я буду вполне от них зависеть, я пропаду без Вашего непосредственного покровительства. Поэтому осмеливаюсь умолять вас назначить моей газете цензора из вашей канцелярии; это мне тем более необходимо, что моя газета должна выходить одновременно с «Северной Пчелой», и я должен иметь время для перевода тех же сообщений — иначе я буду принужден перепечатывать новости, опубликованные накануне; этого одного будет довольно, чтобы погубить все предприятие. (*Франц.*)

¹²⁹ Обозрений.

Разрешить мне быть издателем — газеты «Дневник», издание которой не осуществилось (см. выше письмо Бенкендорфу от 27 мая 1832 г. и примечание).

Оставить исторические труды — «Историю Петра I».

Я хотел бы быть издателем — издание газеты Пушкину не будет разрешено.

Г. министра народного просвещения — Уваров Сергей Семенович (1786–1855).

Князя Дондукова — Дондуков-Корсаков Михаил Александрович (1794–1869) — ограниченный, невежественный, по отзывам современников, вице-президент Академии.

Пушкину будет разрешено издание журнала «Современник», который начнет выходить в 1836 г.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

Апрель-май 1835 г. Петербург.

(Вторая черновая редакция)

En demandant la permission d'être l'éditeur d'une gazette littéraire et politique je sentais moi-même tous les inconvénients de cette entreprise. Je m'y voyais forcé par de tristes circonstances. Ni moi, ni ma femme nous n'avons encore notre fortune; celle de mon père est si dérangée que j'ai été obligé d'en prendre la direction pour assurer un avenir au r'este de ma famille. Je ne voulais devenir journaliste que pour ne pas me reprocher d'avoir négligé un moyen qui me donnant 40,000 de revenu me mettait hors d'embarras. Mon projet n'ayant pas eu l'agrément de Sa Majesté, j'avoue que me voilà soulagé d'un grand poids. Mais aussi je me vois obligé d'avoir recours aux bontés de l'empereur qui maintenant est mon seul espoir. Je vous demande la permission M^r le Comte de vous exposer ma situation et de remettre ma requête en votre protection.

Pour payer toutes mes dettes et pouvoir vivre, arranger les affaires de ma famille et être enfin libre de me livrer sans tracas à mes travaux historiques et à mes occupations, il me suffit de trouver à faire un emprunt de 100,000. Mais en Russie c'est impossible.

L'Empereur, qui jusqu'à présent ne s'est pas lassé de me combler de grâce, mais qu'il m'est pénible ... en daignant me prendre à son service m'a fait la grâce de me fixer 5000 d'appointements. Cette somme représente les intérêts d'un capital de 125,000. Si, au lieu de mes appointements, Sa Majesté me faisait la grâce de m'en donner le capital en *emprunt* pour 10 ans et sans intérêts — je serais parfaitement heureux et tranquille.

Перевод:

Испрашивая разрешение стать издателем литературной и политической газеты, я сам чувствовал все неудобства этого предприятия. Я был к тому вынужден печальными обстоятельствами. Ни у меня, ни у жены моей нет еще состояния; дела моего отца так расстроены, что я вынужден был взять на себя управление ими, дабы обеспечить будущее хотя бы моей семьи. Я хотел стать журналистом для того лишь, чтобы не упрекать себя в том, что пренебрегаю средством, которое давало мне 40 000 дохода и избавляло меня от затруднений. Теперь, когда проект мой не получил одобрения Его Величества, я признаюсь, что с меня снято тяжелое бремя. Но зато я вижу себя вынужденным прибегнуть к щедротам Государя, который теперь является моей единственной надеждой. Я прошу у Вас позволения, граф, описать вам мое положение и поручить мое ходатайство Вашему покровительству.

Чтобы уплатить все мои долги и иметь возможность жить, устроить дела моей семьи и наконец без помех и хлопот предаться своим историческим работам и своим занятиям, мне было бы достаточно получить займы 100 000 р. Но в России это невозможно. Государь, который до сих пор не переставал осыпать меня милостями, но к которому мне тягостно <...> соизволив принять меня на службу, милостиво назначил мне 5000 р. жалования. Эта сумма представляет собой проценты с капитала в 125 000. Если бы вместо жалования Его Величество соблаговолил дать мне этот капитал в виде *займа* на 10 лет и без процентов, я был бы совершенно счастлив и спокоен.

Стать издателем — см. предыдущее письмо и примечание.

Получить займы 100 000 р. — Пушкин не решится официально попросить у царя столь громадную сумму, в письме от 26 июня 1835 г. Бенкендорфу (см. ниже) он назовет сумму в 60000, получит вполнину меньше.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

1 июня 1835 г. Петербург

Monsieur le Comte

Je suis honteux d'importuner toujours Votre Excellence, mais l'indulgence et l'intérêt que Vous avez toujours daigné me témoigner seront l'excuse de mon indiscretion.

Je n'ai pas de fortune; ni moi, ni ma femme n'avons encore la part qui doit nous revenir. Jusqu'à présent je n'ai vécu que des fruits de mon travail. Mon revenu fixe, ce sont les appointements que l'Empereur a daigné m'accorder. Travailler pour vivre n'a pour moi, certes, rien d'humiliant; mais accoutumé à l'indépendance, il m'est tout-à-fait impossible d'écrire pour de l'argent; et l'idée seule suffit pour me réduire à l'inaction. La vie de Pétersbourg est horriblement chère. Jusqu'à présent j'ai envisagé avec assez d'indifférence les dépenses que j'ai été obligé de faire, un journal politique et littéraire, entreprise purement mercantile, me donnant tout de suite les moyens d'avoir 30 à 40,000 de revenu. Cependant cette besogne me répugnait tellement, que je n'ai songé à y avoir recours qu'à la dernière extrémité.

Je me vois dans la nécessité de couper court à des dépenses qui ne m'entraînent qu'à faire des dettes et qui me préparent un avenir d'inquiétude et d'embarras, sinon de misère et de désespoir. Trois ou quatre ans de retraite à la campagne, me mettront de nouveau dans la possibilité de venir reprendre à Pétersbourg des occupations que je dois encore aux bontés de Sa Majesté.

J'ai été comblé des bienfaits de l'Empereur, je serais au désespoir que Sa Majesté put supposer dans mon désir de m'élôigner de Pétersbourg un autre motif que celui d'une absolue nécessité. Le moindre signe de mécontentement ou de soupçon, suffirait pour me retenir dans la posi-

tion où je me trouve, car enfin j'aime mieux être gêné dans mes affaires, que perdu dans l'opinion de celui qui a été mon bienfaiteur, non comme Souverain, non par devoir et par justice, mais par un libre sentiment de bienveillance noble et généreuse.

C'est en remettant mon sort entre vos mains, que j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond

Monsieur le Comte

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant
serviteur

Alexandre Pouchkine

Перевод:

Граф,

Мне совестно постоянно надоедать Вашему сиятельству, но снисходительность и участие, которые Вы всегда ко мне проявляли, послужат извинением моей нескромности.

У меня нет состояния; ни я, ни моя жена не получили еще той части, которая должна нам достаться. До сих пор я жил только своим трудом. Мой постоянный доход — это жалованье, которое Государь соизволил мне назначить. В работе ради хлеба насущного, конечно, нет ничего для меня унижительного; но, привыкнув к независимости, я совершенно не умею писать ради денег; и одна мысль об этом приводит меня в полное бездействие. Жизнь в Петербурге ужасающе дорога. До сих пор я довольно равнодушно смотрел на расходы, которые я вынужден был делать, так как политическая и литературная газета — предприятие чисто торговое — сразу дала бы мне средство получить от 30 до 40 тысяч дохода. Однако дело это причиняло мне такое отвращение, что я намеревался взяться за него лишь при последней крайности.

Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только беспокойство и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я еще обязан милостям Его Величества.

Я был осыпан благодеяниями Государя, я был бы в отчаянии, если бы Его Величество заподозрил в моем желании удалиться из Петербурга какое-либо другое побуждение, кроме совершенной необходимости. Малейшего признака неудовольствия или подозрения было бы достаточно, чтобы удержать меня в теперешнем моем положении, ибо, в конце концов, я предпочитаю быть стесненным в моих делах, чем потерять во мнении Того, кто был моим благодетелем, не как Монарх, не по долгу и справедливости, но по свободному чувству благожелательности возвышенной и великодушной.

Вручая судьбу мою в Ваши руки, честь имею быть с глубочайшим уважением, граф, Вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

1 июня. (*Франц.*) С. П. Б.

Александр Пушкин

Политическая и литературная газета — см. выше черновые письма Бенкендорфу от апреля–мая 1835 г. и примечания.

Если бы Его Величество заподозрил — намек на прошение об отставке, поданное 25 июня 1834 г. Бенкендорфу (см. выше и примечание), вызвавшее неудовольствие царя.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

*20-е числа мая (после 23-го) — июнь 1835 г.
(Черновое)*

Vous m'avez permis d'exposer à Votre Excellence

Перевод

Вы позволили мне изложить Вашему превосходительству

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу4 июля 1835 г. Петербург.*

Милостивый государь

граф Александр Христофорович,

Государю угодно было отметить на письме моем к Вашему сиятельству, что нельзя мне будет отправиться на несколько лет в деревню иначе, как взяв отставку. Предаю совершенно судьбу мою в Царскую волю, и желаю только, чтоб решение Его Величества не было для меня знаком немилости и чтоб вход в архивы, когда обстоятельства позволят мне оставаться в Петербурге, не был мне запрещен.

С глубочайшим почтением, преданностию и благодарностию честь имею быть,

милостивый государь,

4 июля

Вашего сиятельства

1835.

покорнейшим слугою.

С. П. Б.

Александр Пушкин

Нельзя мне будет отправиться на несколько лет в деревню — Пушкину будет предоставлен отпуск на четыре месяца.

Чтоб вход в архивы — при попытке выйти в отставку в июне 1834 г. (см. выше) царь пригрозил Пушкину запретить пользоваться архивами.

А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу22 июля 1835 г. Петербург*

Monsieur le Comte

J'ai eu l'honneur de me présenter à la porte de Votre Excellence, sans avoir eu le bonheur de La trouver chez Elle.

Accablé des bontés de Sa Majesté, c'est à Vous, Monsieur le Comte, que je viens m'adresser pour vous rendre grâce de l'intérêt que Vous avez bien voulu me témoigner et pour vous exposer franchement ma situation.

Pendant les cinq dernières années de mon séjour à Pétersbourg j'ai contracté près de soixante mille roubles de dettes. J'ai été de plus obligé de prendre en mains les affaires de ma famille, cela m'a si fort embarrassé, que j'ai été obligé de renoncer à un héritage et que les seuls moyens que j'eus de mettre ordre à mes affaires, étaient — ou de me retirer à la campagne — ou bien d'emprunter, une fois pour toutes, une forte somme d'argent. Mais ce dernier parti est presque impossible en Russie, où la loi accorde au créancier une trop faible garantie, et où les emprunts sont presque toujours des dettes entre amis et sur parole.

La reconnaissance n'est pas pour moi un sentiment pénible; et certes, mon dévouement à la personne de l'Empereur, n'est troublé par aucune arrière pensée de honte ou de remords; mais je ne puis me dissimuler que je n'ai absolument aucun droit aux bienfaits de Sa Majesté et qu'il m'est impossible de rien demander.

C'est donc à Vous, Monsieur le Comte, que je remets encore une fois à décider de mon sort, et c'est en vous suppliant d'agréer l'hommage de ma haute considération, que j'ai l'honneur d'être avec respect et reconnaissance,

	Monsieur le Comte	
22 juillet	de Votre Excellence	
1835.	le très humble et très obéissant serviteur	
St. Pétersbourg.		Alexandre Pouchkine

Перевод:

Граф.

Я имел честь явиться к Вашему сиятельству, но, к несчастью, не застал Вас дома.

Осыпанный милостями Его Величества, к Вам, граф, должен я обратиться, чтобы поблагодарить за участие, которое Вам было угодно проявлять ко мне, и чтобы откровенно объяснить мое положение.

В течение последних пяти лет моего проживания в Петербурге я задолжал около шестидесяти тысяч рублей. Кроме того, я был вынужден взять в свои руки дела моей семьи; это вовлекло меня в такие затруднения, что я был принужден отказаться от наследства и что единственными средствами привести в порядок мои дела были: либо удалиться в деревню, либо одновременно занять крупную сумму денег. Но по-

следний исход почти невозможен в России, где закон предоставляет слишком слабое обеспечение заимодавцу и где займы суть почти всегда долги между друзьями и на слово.

Благодарность для меня чувство не тягостное; и, конечно, моя преданность особе Государя не смущена никакой задней мыслью стыда или угрызений совести; но не могу скрыть от себя, что я не имею решительно никакого права на благодеяния Его Величества и что мне невозможно просить чего-либо.

Итак, вам, граф, еще раз вверяю решение моей участи и, прося Вас принять уверение в моем высоком уважении, имею честь быть с почтением и признательностью Вашего сиятельства, граф, нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин

22 июля 1835. С.-Петербург. (*Франц.*)

В течение последних пяти лет — имеется в виду женитьба; 7 октября 1831 г. Пушкин писал П. В. Нащокину: «Женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро».

Взять в свои руки дела моей семьи — 13 апреля 1834 г. Пушкин взял на себя управление имением отца (Болдино).

Отказаться от наследства — часть Болдина, принадлежавшая В. Л. Пушкину.

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

26 июля 1835 г. Петербург

Monsieur le Comte,

Il m'en coute au moment où je reçois une grâce inattendue d'en demander deux autres, mais je me décide à avoir recours en toute franchise à Celui qui a daigné être ma Providence.

De mes 60,000 de dettes, la moitié sont des dettes d'honneur. Pour les acquitter je me vois dans la nécessité de contracter des dettes usuraires, ce qui redoublera mes embarras, ou bien me mettra dans la nécessité d'avoir de nouveau recours à la générosité de l'Empereur.

Je supplie donc Sa Majesté de me faire une grâce pleine et entière: premièrement, en me donnant la possibilité d'acquitter ces 30,000 roubles; et en second lieu en daignant me permettre de regarder cette somme, comme un emprunt et en faisant, en conséquence, suspendre le payement de mes appointements jusqu' à ce que ma dette soit liquidée.

C'est en me recommandant à votre indulgence, que j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la reconnaissance la plus vive,

Monsieur le Comte,

de Votre Excellence

26 juillet

1835.

St Pétersbourg.

le très humble et très obéissant

serviteur

Alexandre Pouchkine

Перевод:

Граф,

Мне тяжело в ту минуту, когда я получаю неожиданную милость, просить еще о двух других, но я решаюсь прибегнуть со всей откровенностью к Тому, кто удостоил быть моим провидением.

Из 60000 моих долгов половина — долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушию Государя.

Итак, я умоляю Его Величество оказать мне милость полную и совершенную: во-первых, дав мне возможность уплатить эти 30 000 рублей, и во-вторых, соизволив разрешить мне смотреть на эту сумму как на заем и приказав, следовательно, приостановить выплату мне жалованья впредь до погашения этого долга.

Поручая себя Вашей снисходительности, имею честь быть с глубочайшим уважением и живейшей благодарностью Вашего сиятельства, граф, низжайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин

26 июля 1835. С.-Петербург. (*Франц.*)

Неожиданную милость — безвозвратную ссуду в 10 000 р. и шестимесячный отпуск, предложенные царем в ответ на просьбу Пушкина об отставке и денежном займе (см. выше письма от 1 июня, 4 июля, 22 июля 1835 г.).

30000 рублей — 1 августа 1835 г. Бенкендорф передал министру финансов Е. Ф. Канкрину волю царя о предоставлении Пушкину запрашиваемой суммы с приостановкой выплаты жалованья.

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

*Около (не ранее) 23 октября 1835 г. Петербург.
(Черновое)*

Обращаюсь к Вашему сиятельству с жалобой и покорнейшею просьбою.

По случаю затруднения цензуры в пропуске издания одного из моих стихотворений принужден я был во время Вашего отсутствия обратиться в Ценсурный комитет с просьбой о разрешении встретившегося недоразумения. Но Комитет не удостоил просьбу мою ответом. Не знаю, чем мог я заслужить таковое небрежение — но ни один из русских писателей не притеснен более моего.

— Сочинения мои, одобренные Государем, остановлены при их появлении — печатаются с своевольными поправками цензора, жалобы мои оставлены без внимания. Я не смею печатать мои сочинения — ибо не смею

Одного из моих стихотворений — поэмы «Анджело».

***А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу**

31 декабря 1835 г. Петербург

Милостивый государь

граф Александр Христофорович,

Имею счастье повергнуть на рассмотрение Его Величества записки Бригадира Моро де Бразе о походе 1711 года, с моими

примечаниями и предисловием. Эти записки любопытны и дельны. Они важный исторический документ, и едва ли не единственный (опричь Журнала самого Петра Великого).

Осмеливаюсь беспокоить Ваше сиятельство покорнейшею просьбою. Я желал бы в следующем 1836 году издать 4 тома статей чисто литературных (как-то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных Reviews. Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой Review доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды мною начатые. Это было бы для меня новым благодеянием Государя.

Препоручая себя всегдашней Вашей благосклонности, честь имею быть с глубочайшим почтением и совершенной преданностию,

Милостивый государь,

31 дек.

Вашего сиятельства

1835.

покорнейший слуга

С. П. Б.

Александр Пушкин

Издать 4 тома статей — имеется в виду издание журнала «Современник», разрешенного Пушкину.

1836

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

*16–20 января 1836 г. Петербург
(Черновое)*

Je vous supplie de me pardonner mon importunité, mais comme je n'ai pu hier me justifier devant le ministre —

Mon ode a été envoyée à Moscou sans aucune explication. Mes amis n'en avaient aucune connaissance. Toute espèce d'allusion en est soigneu-

sement éloignée. La partie satyrique porte sur la vile avidité d'un héritier, qui au moment de la maladie de son parent fait déjà mettre les scelets sur les effets qu'il convoite. J'avoue qu'une anecdote pareille avait été répandue et que j'ai recueilli une expression poétique échappée à ce sujet.

Il est impossible d'écrire une ode satyrique sans que la malignité n'y trouve tout de suite une allusion. Derjavine dans son Вельможа, peignit un sybarite plonge dans la volupté [sourd au cris du peuple, qui s'écrie

Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки.

On applica ces vers à Patemkine et à d'autres — cependant toutes ces declamations étaient des lieux communs — qui avaient été répété mille fois — C'est à d. ire dans la satire des vices les plus bas et les plus communs peints.

Au fond c'étaient des vices de grand seigneur et je ne puis savoir jusqu'à quel point Derjavine était innocent de toute personnalité.

Le public dans le portrait d'un vil avare, d'un drôle qui vole le bois de la couronne, qui présente à sa femme des comptes infidèles, d'un plat-pied qui devient bonne d'enfants chez les grands s. eigneurs, etc. — a, dit-on, reconnu un grand seigneur, un homme riche, un homme honoré d'une charge importante. —

Tant pis pour le public — il me suffit à moi de n'avoir pas (non seulement nommé) ni même insinué à qui que ce soit mon ode.

Je demande seulement qu'on me prouve que je l'ai nommé — quel est le trait de mon ode qui puisse lui être appliqué ou bien — que j'ai insinué.

Tout cela est bien vague; toutes ces accusations sont des lieux communs.

Il m'importe peu que le public ait tort ou raison. Ce qui m'importe beaucoup c'est de prouver que jamais en aucune manière je n'ai *insinué* à personne que mon ode était dirigée contre qui que ce soit.

Перевод:

Умоляю вас простить мне мою настойчивость, но так как вчера я не мог оправдаться перед министром...

Моя ода была послана в Москву без всякого объяснения. Мои друзья совсем не знали о ней. Всякого рода

намеки тщательно удалены оттуда. Сатирическая часть направлена против гнусной жадности наследника, который во время болезни своего родственника приказывает уже наложить печати на имущество, которого он жаждет. Признаюсь, что подобный анекдот получил огласку и что я воспользовался поэтическим выражением, проскользнувшим на этот счет.

Невозможно написать сатирическую оду, без того чтобы злословие тотчас не нашло в ней намека. Державин в своем «Вельможе» нарисовал сибарита, утопающего в сластолюбии, глухого к воплям народа, и восклицающего:

Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки.

Эти стихи применяли к Потемкину и к другим, между тем все эти выражения были общими местами, которые повторялись тысячу раз; другими словами, в сатире наиболее низменные и наиболее распространенные пороки, описанные.

В сущности, то были пороки знатного вельможи, и я не догадываюсь, насколько Державин был неповинен в каких-либо личных нападках.

В образе низкого скупца, пройдохи, ворующего казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож, и т. д. публика, говорят, узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности.

Тем хуже для публики — мне же довольно того, что я не только не назвал, но даже не намекнул кому бы то ни было, что моя ода...

Я прошу только, чтобы мне доказали, что я его назвал, — какая черта моей оды может быть к нему применена, или же, что я намекал <...>.

Все это очень неопределенно; все эти обвинения суть общие места.

Мне неважно, права ли публика или не права. Что для меня очень важно — это доказать, что никогда и ничем я не намекал решительно никому на то, что моя ода направлена против кого бы то ни было.

Оправдаться перед министром — С. С. Уваровым, который, узнав себя в стихотворении «На выздоровление Лукулла», пожаловался на Пушкина Бенкендорфу и просил последнего доложить о памфлете Пушкина царю. Вероятно, Бенкендорф предложил Пушкину встретиться с Уваровым и «оправдаться» перед ним.

Ода — стихотворение «На выздоровление Лукулла», напечатанное в журнале «Московский наблюдатель» в конце декабря 1835 — начале января 1836 г. и получившая широкое распространение в Москве, а затем и в Петербурге.

Подобный анекдот получил огласку — при разговоре в Кабинете министров кто-то назвал болезнь богача Шереметева scarlatinной лихорадкой, а граф Литте, обратившись к Уварову, который был наследником Шереметева, сказал ему: «А у Вас лихорадка ожидания». Пушкин использовал эту фразу в третьей строфе стихотворения: «Знобим стяжанья лихорадкой».

Мне миг покоя моего — начало 18-й строфы державинской оды.

Применяли к Потемкину — Державин в «Объяснениях» на оду признал, что сатирические строфы направлены против князя Г. А. Потемкина «и других».

*А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу

21 ноября 1836 г. Петербург

Monsieur le comte!

Je suis en droit et je me crois obligé de faire part à Votre Excellence de ce qui vient de se passer dans ma famille. Le matin de 4 Novembre, je reçus trois exemplaires d'une lettre anonyme, outrageuse pour mon honneur et celui de ma femme. A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, je reconnus dès le premier moment qu'elle était d'un étranger, d'un homme de la haute société, d'un diplomate. J'allai aux recherches. J'appris que sept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse sous double enveloppe. La plupart des personnes qui les avaient reçues, soupçonnant une infamie, ne me les envoyèrent pas.

On fut, en général, indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable, on disait que le prétexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait M-r Dantès.

Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accollé, en cette occasion, avec le nom de qui que ce soit. Je le fis dire à M-r Dantès. Le baron de Heckern vint chez moi et accepta un duel pour M-r Dantès, en me demandant un délai de 15 jours.

Il se trouve, que dans l'intervalle accordé, M-r Dantès devint amoureux de ma belle sœur M-elle Gontcharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à M-r d'Archiac (second de M-r Dantès) que ma provocation fut regardée comme non avenue. En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de M-r Heckern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvernement et la société.

Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, et par conséquent ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

En tout cas, j'espère, M-r le comte, que cette lettre est une preuve du respect et de la confiance que je porte à votre personne.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être

Monsieur le comte,

Votre très humble et très obéissant serviteur

21 Novembre

1836.

A. Pouchkine

Перевод:

Граф! Считаю себя вправе и даже обязанным сообщить Вашему сиятельству о том, что недавно произошло в моем семействе. Утром 4 ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата. Я занялся розысками. Я узнал, что семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного на мое имя под двойным конвертом. Большинство лиц, по-

лучивших письма, подозревая гнусность, их ко мне не переслали.

В общем, все были возмущены таким подлым и беспричинным оскорблением; но, твердя, что поведение моей жены было безупречно, говорили, что поводом к этой низости было настойчивое ухаживание за нею г-на Дантеса.

Мне не подобало видеть, чтобы имя моей жены было в данном случае связано с чьим бы то ни было именем. Я поручил сказать это г-ну Дантесу. Барон Геккерн приехал ко мне и принял вызов от имени г-на Дантеса, прося у меня отсрочки на две недели.

Оказывается, что в этот промежуток времени г-н Дантес влюбился в мою свояченицу, мадемуазель Гончарову, и сделал ей предложение. Узнав об этом из толков в обществе, я поручил просить г-на д'Аршиака (секунданта г-на Дантеса), чтобы мой вызов рассматривался как не имевший места. Тем временем я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества.

Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что утверждаю.

Во всяком случае, надеюсь, граф, что это письмо служит доказательством уважения и доверия, которые я к вам питаю.

С этими чувствами имею честь быть, граф, ваш нижайший и покорнейший слуга А. Пушкин

21 ноября 1836.

Три экземпляра анонимного письма — один был получен Пушкиным по городской почте, второй — А. И. Васильчиковой, теткой В. А. Соллогуба, и в тот же день передан Соллогубом Пушкину, третий — получила Е. М. Хитрово и тут же переслала Пушкину.

Исходит от дипломата — мнение Пушкина было основано на том, что среди общего количества дипломов два были написаны на бумаге без водяных знаков, однако в Петербурге можно было купить иностранную бумагу в английском магазине.

Я занялся розысками — Пушкин пришел к выводу, что автором письма является барон Геккерн.

Семь или восемь человек — кроме указанных выше, письма получили В. Ф. Вяземская, М. Ю. Виельгорский, А. О. Россет и Карамзины.

С чьим бы то ни было именем — имеется в виду содержащийся в пасквиле намек на связь Н. Н. Пушкиной с Николаем I, этим вызвано письмо Пушкина Канкрину от 6 ноября с заявлением о желании немедленно погасить денежный долг перед царем. Что касается намека, Пушкин в день получения письма имел разговор с женой, в результате которого убедился в ее верности супружескому долгу.

Сделал ей предложение — предложение было сделано Дантесом в день получения письма по приказу царя, который попытался таким образом прекратить конфликт между Пушкиным и Дантесом, оградив Н. Н. Пушкину от ухаживаний последнего.

Довести до сведения правительства и общества — тем самым Пушкин изъявлял желание, чтобы его письмо было показано Николаю I, что было выполнено Бенкендорфом, в результате чего в нарушение принятых правил сразу же, 23 ноября, царем была дана аудиенция Пушкину и Бенкендорфу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Царь и Бенкендорф в противостоянии Пушкина и Булгарина¹³⁰

Борьбе А. С. Пушкина с Ф. В. Булгариным уделено в пушкиноведении достаточное внимание, в частности, Н. Я. Эйдельманом, Ю. М. Лотманом и другими известными пушкинистами. Мы остановимся лишь на двух ее эпизодах, в которых вовлеченными в эту борьбу оказались император Николай I и шеф III отделения собственной его императорского величества канцелярии А. Х. Бенкендорф.

Первый эпизод связан с выходом из печати 18–19 марта 1830 г. седьмой главы «Евгения Онегина» и появившейся в связи с этим 22 марта 1830 г. в «Северной пчеле», № 35, статьи Булгарина, в которой эта глава подверглась уничижительной критике: «...очарование имени исчезло. И в самом деле, можно ли требовать внимание публики к таким произведениям, какова, например, глава VII-я *Евгения Онегина*. Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение... Итак, надежды наши исчезли! Мы думали, что автор *Руслана и Людмилы* устремился на Кавказ, чтобы напиться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги Русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов — и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии опять появился *Онегин*, бледный, слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту картину! Все содержание этой VII-й главы в том, что Таню везут в Москву из деревни... Все описания так ничтожны, что нам верить не хочется, чтоб можно было печатать такие мелочи!..»

¹³⁰ Опубликовано: Новый мир. 2017. № 8.

Критика Булгарина не понравилась Николаю I, и он не замедлил сообщить об этом Бенкендорфу в записке, написанной в тот же день 22 марта: «Я забыл вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере “Пчелы” находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина. К этой статье, наверное, будет продолжение: поэтому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; и если возможно, запретите его журнал»¹³¹.

Бенкендорф ответил императору через несколько дней, предположительно 25 марта:

«Приказания Вашего Величества исполнены: Булгарин не будет продолжать свою критику на Онегина.

Я прочел ее, Государь, я должен сознаться, что ничего личного против Пушкина не нашел; эти два автора, кроме того, вот уже года два в довольно хороших отношениях между собой. Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается над тем, что путешествие за Кавказскими горами и великие события, обезсмертившие последние года, не придали лучшего полета гению Пушкина. Кроме того, московские журналисты ожесточенно критикуют¹³² Онегина...»¹³³

Здесь мы прерываем ответ Бенкендорфа, чтобы прокомментировать процитированное.

Как видно из его ответа, он защищает Булгарина и, в частности, обращает внимание своего венценосного корреспондента на сетования своего подопечного по поводу отсутствия у Пушкина патриотических чувств: не воспел победу над Турцией¹³⁴, свидетелем

¹³¹ Выписки из писем... С. 7–8.

¹³² Это признавал и сам Пушкин.

¹³³ Выписки из писем... С. 8.

¹³⁴ На самом деле, поездка на Кавказ в 1829 г. вдохновила Пушкина на ряд замечательных стихотворений, среди которых есть и непосредственные отклики на военные события: «Из Гафиза», «Олегов чит», «Дон», «Делибаш», оставшиеся в черновиках наброски «Опять увенчаны мы славой...», «Был и я среди донцов», «Благословен твой подвиг новый...».

которой ему посчастливилось быть во время присутствия в действующей армии на Кавказе в 1829 г. Участие Пушкина в боевых действиях Бенкендорф подчеркнуто называет путешествием.

Особенно удивляет следующее утверждение Бенкендорфа: «...эти два автора, кроме того, вот уже года два в довольно хороших отношениях между собой».

На самом деле, Пушкину еще в 1829 г. стало известно о деятельности Булгарина как тайного осведомителя III отделения. К тому же в ноябре 1829 г. в трех номерах журнала «Сын Отечества» началась публикация романа Булгарина «Дмитрий Самозванец», в котором Пушкин обнаружил прямые заимствования из своей трагедии «Борис Годунов». Это и стало причиной открытого конфликта.

Дело в том, что три с лишним года назад (в 1826 г.) трагедия была представлена царю для прочтения — Пушкин надеялся получить разрешение на ее публикацию. Тогда Бенкендорф передал пушкинский текст некоему рецензенту, который подготовил замечания, использованные царем в своем ответе Пушкину. Царь через Бенкендорфа предложил Пушкину переделать трагедию в «историческую повесть или роман наподобие Вальтер Скотта» (13, 313).

И вот обнаруженные заимствования из «Бориса Годунова» в булгаринском «Дмитрии Самозванце», подтвердили существовавшие у Пушкина подозрения: нанятым рецензентом трагедии в 1826 г. был Булгарин, что стало еще одним свидетельством его сотрудничества с Бенкендорфом.

7 марта в «Литературной газете», № 14, появилась без подписи статья А. А. Дельвига «„Дмитрий Самозванец“. Исторический роман. Сочинение Фаддея Булгарина».

В статье, частности отмечалось:

«Не поименованных кукол, одетых в мундиры и чинно представленных между раскрашенными кулисами, желает видеть в картине любитель живописи; он ищет людей живых и мыслящих, и вследствие их жизни и мысли действующих; а место и одежда их должны только довершать очарование искусством обманутого воображения. То же самое желали бы мы найти и в романе г. Булгарина. <...>

Мы еще более будем снисходительны к роману „Дмитрий Самозванец“: мы извиним в нем повсюду выказывающееся пристрастное предпочтение народа польского перед русским. Нам ли, гордящимся веротерпимостью, открыть гонение противу не наших чувств и мыслей? Нам приятно видеть в г. Булгарине поляка, ставящего выше всего свою нацию; но чувство патриотизма разительно, и мы бы еще с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную писателем русским.

Итак, мы не требуем невозможного, но просим должного. Мы желали бы, чтоб автор, не принимаясь еще за перо, обдумал хорошенько свой предмет, измерил свои силы»¹³⁵.

Булгарин, понимая, что заимствования из «Бориса Годунова» не могли остаться незамеченными, решил, что такую разгромную статью никто, кроме Пушкина, написать не мог.

Через четыре дня в «Северной пчеле» появился уже упомянутый «Анекдот» — злобный пасквиль на Пушкина и его происхождение (хотя имя Пушкина, разумеется, не упоминалось), далеко выходящий за рамки приличия. Тем самым Булгарин начал открытую войну против Пушкина.

14 марта Пушкин ответил Булгарину эпиграммой:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Эпиграмма распространилась по Москве, а затем дошла и до Петербурга, вызвав новый скандал, который выходит за пределы нашей темы.

Продолжением этой войны и стала болгаринская критика седьмой главы «Евгения Онегина», на которой мы уже останавливались, вызвавшая неудовольствие Николая I.

¹³⁵ Литературная газета. 1830. № 14. С. 212–213.

Но мы отвлеклись от переписки царя с Бенкендорфом. В процитированном фрагменте письма Бенкендорф защищал Булгарина, а в той части, что будет процитирована ниже, решил, можно сказать, перейти в наступление, представив в негативном свете критику болгаринского романа:

«Прилагаю при сем статью против Дмитрия Самозванца, — пишет Бенкендорф, — чтобы Ваше Величество видели, как нападают на Булгарина. Если бы Ваше Величество прочли это сочинение, то Вы нашли бы в нем очень много интересного и в особенности монархического, а также победу легитимизма. Я бы хотел, чтобы авторы, нападающие на это сочинение, писали в том же духе, так как сочинение — *это совесть писателя* [курсив Бенкендорфа. — *Прим. авт.*]»¹³⁶.

Николай I ответил Бенкендорфу на том же листе:

«Я внимательно прочел критику на Самозванца и должен вам сознаться, что так как я не мог пока прочесть более двух томов и только сегодня начал третий, то *про себя или в себе* размышлял точно так же. История эта сама по себе достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главного события. А потому, с этой стороны критика, мне кажется, справедлива.

Напротив того, в критике на Онегина только факты и очень мало смысла [курсив Николая I. — *Прим. авт.*]»¹³⁷.

Таким образом, царь уничижительно отзываясь о романе Булгарина, признает критику его справедливой, а критику седьмой главы «Евгения Онегина», наоборот, несостоятельной. Бенкендорф «разбит» по всем пунктам.

Правда, в конце императорского текста содержится некоторая уступка оппоненту, продиктованная чувством патриотизма, понимание которого у Николая I и Бенкендорфа, конечно, идентично: «...хотя я совсем не извиняю автора, который сделал бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы»¹³⁸, но гораздо менее благородному,

¹³⁶ Выписки из писем... С. 8–9.

¹³⁷ Там же. С. 9.

¹³⁸ Имеется в виду седьмая глава «Евгения Онегина».

нежели его Полтава. Впрочем, если критика эта будет продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее везде»¹³⁹.

Однако Бенкендорф, видимо, не проявил достаточной прыти для исполнения царского указания, или Булгарин не захотел подчиниться, и продолжение его статьи с критикой седьмой главы «Евгения Онегина», как и предполагал Николай I, появилось в «Северной пчеле», № 39, 1 апреля 1830 г.

В связи с этим имеются указания на то, что Булгарин за неповиновение якобы был отправлен на гауптвахту. О том упомянул без ссылки, к сожалению, на источник П. Н. Столпянский¹⁴⁰ в статье «Пушкин и „Северная пчела“ (1825–1837)»: «При появлении своем она [статья Булгарина. — *Прим. авт.*] вызвала даже неудовольствие Императора Николая I, и за нее Булгарин сел на гауптвахту»¹⁴¹. Упоминание об этом есть и в письме В. А. Каратыгина к П. А. Катенину: «...по высочайшему указу Булгарина посадили на гауптвахту»¹⁴².

Второй эпизод из литературной борьбы Пушкина с Булгариным, вовлеченными в который оказались царь и Бенкендорф, связан со стихотворением Пушкина «Моя родословная».

В письме Бенкендорфу от 24 ноября 1831 г. Пушкин объяснил, что стихотворение «Моя родословная» написано в ответ на выходку Булгарина¹⁴³:

«Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин в дворянстве. К этому было прибавлено, что мать

¹³⁹ Выписки из писем... С. 9–10.

¹⁴⁰ Указал Н. Л. Гуданец.

¹⁴¹ Пушкин и его современники... С. 146.

¹⁴² Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в 4 т. Т. 3. С. 259.

¹⁴³ Булгаринский «Анекдот», опубликованный в «Северной пчеле» 11 марта 1830 г.

его — мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра. Ввиду того, что вышеупомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность зашла так далеко, что о моей матери говорилось в фельетоне, который должен был бы носить чисто литературный характер, и так как журналисты наши не дерутся на дуэли, я счел своим долгом ответить *анонимному* сатирику, что и сделал в стихах, и притом очень круто» (14, 242) (*франц.*).

Дальше Пушкин сообщал Бенкендорфу, что собирался напечатать стихотворение в «Литературной газете», но издатель газеты Дельвиг отсоветовал это делать: «Я послал свой ответ покойному Дельвигу с просьбой поместить в его газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подобного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не мещанином в дворянстве, то дворянином в мещанстве. Я уступил, и тем дело и кончилось» (14, 242; *франц.*).

10 декабря 1831 г. Бенкендорф ответил Пушкину. В своем ответе он дословно воспроизвел мнение царя о происходящем конфликте: «Вы можете сказать от моего имени Пушкину, что я всецело согласен с мнением его покойного друга Дельвига. Столь низкие и подлые оскорбления, как те, которыми его угостили, бесчестят того, кто их произносит, а не того, к кому они обращены. Единственное оружие против них — *презрение*. Вот как я поступил бы на его месте. — Что касается его стихов, то я нахожу, что в них много остроумия, но более всего желчи. Для чести его пера и особенно *его ума* будет лучше, если он не станет распространять их [курсив Бенкендорфа или Николая I. — *Прим. авт.*]» (14, 247; *франц.*).

Из этой переписки мы видим, что царь вновь оказался на стороне Пушкина, охарактеризовав выходку Булгарина как «низкие и подлые оскорбления», заслуживающие лишь презрения. Но, конечно, счел стихотворение непригодным для печати совсем по другой причине. Пушкинские строки совершенно ясно не намекали даже, а указывали на известные всем знатные фамилии:

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов.

Таким образом, в обоих рассмотренных случаях Николай I предстает перед нами в несколько ином облике, чем было принято в советском пушкиноведении. Это не означает, что он во всем и всегда понимал Пушкина и в их отношениях не возникало острых кризисных ситуаций. Нет, эти отношения были сложными и неоднозначными, они требуют беспристрастного и объективного рассмотрения без крена в ту или другую сторону. А главное, нужно не забывать о том, что, прежде всего, это были отношения дворянина со своим сувереном.

Именно к такому подходу призывал пушкиноведов молодой Д. Д. Благой в своей ныне забытой книге «Социология творчества Пушкина»: «...дворянское самочувствие Пушкина является... драгоценнейшим социологическим ключом, открывающим не одну дверь художественного творчества Пушкина, разрешающим, как нам представляется, немало загадок его творческой эволюции»¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. М.: Мир, 1931. С. 5.

Пушкин в переписке графа Бенкендорфа с императором Николаем I¹⁴⁵

В 1902 г. императора Николая II заинтересовал вопрос, причастен ли Пушкин к сочинению «Гавриилиады», в связи с появившейся на эту тему публикацией в историческом сборнике «Старина и новизна». Как известно, расследование по делу о кощунственной с точки зрения православной церкви поэме было прекращено в конце 1828 г. после получения Николаем I личного письма от Пушкина. Письмо поступило от допрашивавшего поэта по этому сверхсерьезному с точки зрения власти и духовенства делу графа П. А. Толстого в запечатанном конверте. Никто не посмел вскрыть письмо, адресованное императору. Содержание его осталось неизвестным. Заинтересовавшись, как упомянуто выше, этим вопросом, император Николай I поручил заведующему собственной е. и. в. библиотекой Р. А. Гримму найти пушкинское письмо. К сожалению, письмо не было найдено, однако Р. А. Гримм сделал весьма ценные для нас «Выписки из писем графа А. Х. Бенкендорфа к императору Николаю I о Пушкине». Выписки не датированы. Время написания той или иной из них определено по событиям или фактам, упомянутым в переписке с привлечением сведений, содержащихся в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина в 4 томах». При цитировании сохранены орфография и пунктуация рассматриваемой переписки.

Рассматриваемая переписка позволяет уточнить характер взаимоотношений Пушкина с верховной властью.

¹⁴⁵ Опубликовано: Новый мир. 2019 № 6.

Император Николай I — графу А. Х. Бенкендорфу 6–9 декабря 1826 г.: «Я очарован письмом Пушкина, и мне очень любопытно прочесть его сочинение¹⁴⁶; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы она не распространялась»¹⁴⁷.

Первая выписка из писем царя говорит о его весьма благосклонном отношении к Пушкину, которое возникло, по-видимому, в результате их личной встречи 8 сентября 1826 г. во дворце Чудова монастыря в Кремле. Поэт, как известно, прибыл туда в сопровождении фельдъегеря прямо из Михайловского, где отбывал ссылку. Николай I, отменив ссылку и вызвавшись быть цензором всего, что напишет поэт, тоже произвел на Пушкина весьма благоприятное впечатление. Можно даже сказать, что поэт был им очарован и это очарование длилось долго, чуть ли не до конца 1833 г.

Николай I обладал, по воспоминаниям современников, хорошими артистическими данными. Именно это его качество запечатлел, например, Тютчев в эпиграмме 1855 г.: «Ты был не царь, а лицедей». Но в данном случае император был, видимо, достаточно искренен, о чем свидетельствует приведенный выше текст.

«Очарование» царя было вызвано письмом Пушкина Бенкендорфу от 29 ноября 1826 г.,¹⁴⁸ который, конечно, передал его царю. Приводим только значимую часть письма:

«Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, я не знал, должно ли мне было отвечать на письмо (13, 298), которое удостоился получить от Вашего превосходительства и которым был я тронут до глубины сердца. Конечно никто живее меня не чувствует милость и великодушие Государя Императора, также как снисходительную благосклонность Вашего превосходительства.

Так как я действительно в Москве читал свою трагедию некоторым особам (конечно не из ослушания, но только потому, что худо понял Высочайшую волю Государя), то поставляю за долг препроводить ее Вашему превосходительству, в том самом виде, как она

¹⁴⁶ Трагедия «Борис Годунов».

¹⁴⁷ Выписки из писем... С. 4.

¹⁴⁸ Ответ Пушкина на письмо Бенкендорфа от 22 ноября 1826 г., в котором тот высказал свое неудовольствие Пушкину в связи с его чтением «Бориса Годунова» в дружеском кругу без разрешения свыше.

была мною читана, дабы вы сами изволили видеть дух, в котором она сочинена; я не осмелился прежде сего представить ее глазам Императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения»¹⁴⁹.

С этого момента, с 29 ноября 1926 г., пушкинская трагедия «Борис Годунов» находится в поле зрения Николая I.

А «верным» для Бенкендорфа оказался Ф. В. Булгарин¹⁵⁰, который и подготовил отзыв для царя. Подготовленный Булгариным отзыв Бенкендорф направил царю.

Граф А. Х. Бенкендорф — императору Николаю I около (не позднее) 14 декабря 1826 г.:

«При сем прилагаются заметки на сочинение Пушкина и выписки из этого сочинения. Во всяком случае это сочинение не годится для представления на сцене, но с немногими изменениями можно напечатать; если Ваше Величество прикажете, я его ему [Пушкину. — *Прим. авт.*] верну и сообщу замечания, помеченные в выписке, и предупрежу, чтобы сохранил у себя копию, и чтобы он знал, что он должен быть настороже»¹⁵¹.

Как можно судить по этому обращению к царю, никакого очарования Пушкиным у шефа жандармов нет, а есть подозрительность и недоверие.

Однако в том же обращении к императору упоминается о получении от Пушкина записки «О народном воспитании», поручение написать которую Николай I передал через Бенкендорфа (письмо Бенкендорфа Пушкину от 30 сентября 1826 г.). Уже ознакомившийся с запиской Бенкендорф замечает в связи с этим: «Заметки человека, возвращающегося к здравому смыслу»¹⁵².

Бенкендорфу нравится отсутствие радикализма в пушкинском сочинении, но царь, прочитав его, окажется пронизательнее своего верного служаки и выскажет автору важное замечание: считать «просвещение и гений... исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия» (13, 315).

¹⁴⁹ См. выше письмо Пушкина от 29 ноября 1826 г.

¹⁵⁰ См. С. 6, сноска 11.

¹⁵¹ Выписки из писем... С. 4–5.

¹⁵² Там же. С. 5.

Подчеркнутое внимание Пушкина к вопросам просвещения не по душе самодержцу. Заметим при этом, что Пушкин и в дальнейшем будет тем или иным способом демонстрировать царю свободомыслие и независимость суждений, но нет возможности более подробно остановиться на этом...

Что же касается трагедии, то высочайший отзыв о ней, составленный Булгариным, содержится в письме Бенкендорфа Пушкину от 14 декабря 1826 г.: вместе с рядом замечаний в тексте трагедии ему было предложено переделать ее в «историческую повесть или роман, на подобие *Вальтера Скота*» (13, 313).

В ответном письме от 3 января 1827 г. Пушкин, выразит формальное согласие с критикой высочайшего читателя, но, по сути, ответ его будет тверд: «Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное» (13, 317).

«Борис Годунов», по-видимому, заинтересовал Николая I, потому что в ответ на одно из донесений Бенкендорфа о публичном поведении Пушкина (мы коснемся его в следующем разделе статьи) царь спросит: «Ответил ли он вам по поводу заметок на его трагедию?»¹⁵³

«Борис Годунов» будет опубликован лишь в 1830 г. с разрешения царя, но без цензуры, «под личную ответственность» автора. Как предположил П. М. Бицилли¹⁵⁴, Николай I, скорее всего, знал текст завещания умирающего Годунова своему сыну Феодору наизусть. Во всяком случае, основные пункты этого завещания он повторил — местами дословно — в своем завещании сыну, великому князю Александру, когда 30 июля 1835 г. отправлялся за границу для встречи с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III.

Граф А. Х. Бенкендорф — императору Николаю I 26 декабря 1826 г. — 10 января 1827 г.: «Пушкин автор в Москве и всюду говорит о Вашем Императорском Величестве с благодарностью и глубочайшей преданностью; за ним все таки следят внимательно»¹⁵⁵.

¹⁵³ Выписки из писем... С. 5.

¹⁵⁴ Бицилли П. М. Пушкин и Николай I. Париж // Звено. 1928. № 6. С. 319.

¹⁵⁵ Выписки из писем... С. 5.

В следующем донесении Бенкендорфа царю опять сообщалось об искреннем восхищении поэта царем. Граф А. Х. Бенкендорф — императору Николаю I около (не ранее) 6 июля 1827 г.:

«В день моего отъезда из Петербурга, этот последний [Пушкин. — *Прим. авт.*], после свидания со мной говорил в английском клубе¹⁵⁶ с восторгом о Вашем Величестве и заставлял лиц, обедавших с ним, пить здоровье Вашего Величества. Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно»¹⁵⁷.

В заключительной фразе — квинтэссенция всегдашнего в России исключительно прагматичного отношения власти к художнику: сам он из себя ничего для них не представляет, но его творчество может быть полезно, если удастся повернуть его талант в сторону государственных — в понимании власти — интересов.

Эти два донесения Бенкендорфа уместно сопоставить с пушкинскими «Стансами» («В надежде славы и добра...»), первая редакция которых была написана 22 декабря 1826 г. — именно в то время (чуть раньше), когда Бенкендорф писал свое первое донесение царю о преданности ему Пушкина.

В «Стансах», которые увидят свет в середине января 1828 г. в № 1 «Московского вестника», острота восприятия в обществе недавно свершившейся казни декабристов снимается сопоставлением с казнями стрельцов в начале петровского царствования, а царю предлагается брать пример с Петра I. Сопоставление Николая I с великим пращуром в пушкинском стихотворении, конечно, поднимало царя и в собственных глазах, и в общественном представлении.

Не только во враждебных Пушкину кругах, но даже и некоторыми из его друзей стихотворение было воспринято как измена прежним идеалам, как лезть императору. И сегодня «Стансы» воспринимаются многими так же.

На самом деле никакой измены идеалам в стихах нет: за время Михайловской ссылки Пушкин многое переосмыслил и полностью отошел от радикальных взглядов юности.

¹⁵⁶ 6 июля 1827 г. (Летопись жизни и творчества. Т. 2. С. 282.)

¹⁵⁷ Выписки из писем... С. 6.

По логике развития собственного творчества, а также под влиянием Карамзина и друзей (Вяземского, Жуковского, Дельвига), придерживавшихся либеральных воззрений, и в результате углубленного чтения русской и западной литературы (в первую очередь Шекспира) Пушкин, с одной стороны, как будто бы перешел на либеральные позиции, а с другой — в полной мере начал ощущать себя, говоря нынешним языком, державником, государственным, что еще более отдалило его от идей декабризма и не могло не сблизить по ряду политических вопросов с властью. Эту двойственность замечательно отметил в начале XX в. Георгий Федотов, провозгласив Пушкина «поэтом империи и свободы».

Этим и объясняется пушкинское предложение Дельвигу в письме от начала февраля 1826 г. взглянуть на поражение восстания 14 декабря объективно:

«Твердо надеюсь на великодушие молодого нашего царя. Не будем ни суеверны, ни односторонни — как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира» (13, 259).

Кроме того, следует отметить, что в «Стансах», обращенных непосредственно к Николаю I, разговор ведется на равных, автор ощущает себя личностью, во всяком случае, равновеликой адресату стихотворения, обращается к царю на «ты» и даже позволяет себе давать ему советы, что будет продолжать делать и в дальнейшем.

В возможности хоть в какой-то мере влиять на царя в соответствии со своими убеждениями, творить таким образом общественное добро, в частности, способствовать освобождению сосланных в Сибирь декабристов, состояла принципиальная позиция Пушкина.

Что же касается упреков в лести, заметим, что это была не лесть, а самое искреннее чувство¹⁵⁸ благодарности к Николаю I за освобождение из ссылки, за интерес к его творчеству, а также и самое искреннее восхищение царем как государственным деятелем. Причины такого восхищения Пушкин укажет в стихотворении «Друзьям» 1828 г., написанном вскоре после выхода «Стансов» в ответ на недоброжелательную критику за них в свой адрес.

¹⁵⁸ См. приведенные выше донесения Бенкендорфа царю о публичном поведении Пушкина.

И действительно, Николай I в начале своего правления оправдывал пушкинские надежды. Впервые в России был разработан и 10 июня 1826 г. введен в действие Цензурный устав, регламентирующий отношения издателей, писателей и цензуры. В апреле 1826 г. было создано II отделение собственной е. и. в. канцелярии под руководством М. М. Сперанского, которое подготовило к 1830 г. Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи. 6 декабря 1826 г. был учрежден секретный комитет (Комитет 6 декабря), задачей которого стала разработка социальных реформ государственного устройства, в том числе отмена крепостного права. Следует добавить к этому успешные действия русской армии в русско-персидской войне 1826–1828 гг., в результате которой Россия закрепила в Закавказье, присоединив к себе Восточную Армению, и столь же успешную русско-турецкую войну 1827–1829 гг., закончившуюся присоединением к России Анапы и Поти, а также подтверждением автономных прав Сербии, Молдавского и Валашского княжеств. Таким образом, пушкинские строки в стихотворении «Друзьям» имели под собой реальные основания:

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

Не следует также забывать о дворянском самосознании Пушкина, благодаря которому он ощущал себя подданным российского государя.

Император Николай I — графу А. Х. Бенкендорфу 22 марта.:

«Я забыл вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере Пчелы¹⁵⁹ находится опять несправедливейшая и пошлейшая

¹⁵⁹ «Северная пчела» Булгарина.

статья, направленная против Пушкина. К этой статье, наверное, будет продолжение: поэтому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; и если возможно, запретите его журнал».

Этот сюжет¹⁶⁰ переносит нас на несколько лет вперед. В приведенной выписке Николай I сообщил Бенкендорфу о своем неудовольствии критикой Булгарина недавно вышедшей седьмой главы «Евгения Онегина».

Бенкендорф ответил императору через несколько дней. Граф А. Х. Бенкендорф — императору Николаю I предположительно 25 марта 1830 г.:

«Приказания Вашего Величества исполнены: Булгарин не будет продолжать свою критику на Онегина.

Я прочел ее, Государь, я должен сознаться, что ничего личного против Пушкина не нашел; эти два автора, кроме того, вот уже года два в довольно хороших отношениях между собой. Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается над тем, что путешествие за Кавказскими горами и великие события, обезсмертившие последние года, не придали лучшего полета гению Пушкина. Кроме того, московские журналисты ожесточенно критикуют¹⁶¹ Онегина...»¹⁶²

Здесь мы прерываем ответ Бенкендорфа, чтобы прокомментировать процитированное.

Как видно из его ответа, он защищает Булгарина и, в частности, обращает внимание венценосного корреспондента на сетования своего подопечного по поводу отсутствия у Пушкина патриотических чувств: не воспел победу над Турцией¹⁶³, свидетелем которой

¹⁶⁰ Подробно и обстоятельно этот сюжет рассмотрен в нашей работе «Царь и Бенкендорф в противостоянии Пушкина и Булгарина» (см. выше в настоящем приложении).

¹⁶¹ Это признавал и сам Пушкин.

¹⁶² Выписки из писем... С. 8.

¹⁶³ На самом деле поездка на Кавказ в 1829 г. вдохновила Пушкина на ряд непосредственных откликов по поводу военных действий: «Из Гафиза», «Олегов щит», «Дон», «Делибаш», в черновых набросках остались «Опять увенчаны мы славой...», «Был и я среди донцов», «Благословен

ему посчастливилось быть во время присутствия в действующей армии на Кавказе в 1829 г. Участие Пушкина в боевых действиях Бенкендорф подчеркнуто называет путешествием.

Обращает на себя внимание следующее утверждение Бенкендорфа: «...эти два автора, кроме того, вот уже года два в довольно хороших отношениях между собой». То есть Бенкендорф игнорирует обострившиеся недавно до предела отношения Пушкина и Булгарина, о чем ему, безусловно, было известно и в которые мы не имеем возможности здесь углубиться¹⁶⁴.

Но возвратимся к переписке Бенкендорфа с царем. В процитированном фрагменте письма Бенкендорф защищал Булгарина, а в той части, что будет процитирована ниже, решил перейти в наступление, представив в негативном свете критику болгаринского романа:

«Прилагаю при сем статью против Дмитрия Самозванца, чтобы Ваше Величество видели, как нападают на Булгарина. Если бы Ваше Величество прочли это сочинение, то Вы нашли бы в нем очень много интересного и в особенности монархического, а также победу легитимизма. Я бы хотел, чтобы авторы, нападающие на это сочинение, писали в том же духе, так как сочинение — *это совесть писателя* [курсив Бенкендорфа. — Прим. авт.]»¹⁶⁵.

Николай I ответил Бенкендорфу на том же листе:

«Я внимательно прочел критику на Самозванца и должен вам сознаться, что так как я не мог пока прочесть более двух томов и только сегодня начал третий, то *про себя или в себе* размышлял точно так же. История эта сама по себе достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главного события. А потому, с этой стороны критика, мне кажется, справедлива.

Напротив того, в критике на Онегина только факты и очень мало смысла [курсив Николая I. — Прим. авт.]»¹⁶⁶.

твой подвиг новый...».

¹⁶⁴ См. выше в настоящем приложении «Царь и Бенкендорф в противостоянии Пушкина и Булгарина». С. 108–113.

¹⁶⁵ Выписки из писем... С. 8–9.

¹⁶⁶ Там же. С. 9.

Таким образом, царь уничижительно отзываясь о романе Булгарина, признает критику в его адрес справедливой, а критику седьмой главы «Евгения Онегина», наоборот, признает несостоятельной. Бенкендорф «разбит» по всем пунктам.

Правда, в конце императорского текста содержится некоторая уступка оппоненту, продиктованная чувством патриотизма, понимание которого у Николая I и Бенкендорфа, конечно, идентично: «...хотя я совсем не извиняю автора, который сделал бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы¹⁶⁷, но гораздо менее благородному, нежели его Полтава. Впрочем, если критика эта будет продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее везде»¹⁶⁸.

При том, что царь в конфликте Пушкина с Булгариным принял сторону первого, литературные предпочтения его прагматичны (это будет свойственно всем последующим властителям России): «Полтава» для него гораздо значительнее романа в стихах «Евгений Онегин», который он называет «забавным родом литературы».

Бенкендорф, видимо, не проявил достаточной прыти для исполнения царского указания, или Булгарин не захотел подчиниться, и продолжение его статьи с критикой седьмой главы «Евгения Онегина», как и предполагал Николай I, появилось в «Северной пчеле», № 39, 1 апреля 1830 г.

В связи с этим имеются указания на то, что Булгарин за неповиновение якобы был отправлен на гауптвахту. О том упомянул без ссылки, к сожалению, на источник П. Н. Столпянский¹⁶⁹ в статье «Пушкин и „Северная пчела“ (1825–1837)»: «При появлении своем она [статья Булгарина. — *Прим. авт.*] вызвала даже неудовольствие Императора Николая I, и за нее Булгарин сел на гауптвахту»¹⁷⁰. Упоминание об этом есть и в письме В. А. Каратыгина к П. А. Катенину: «...по высочайшему указу Булгарина посадили на гауптвахту»¹⁷¹.

¹⁶⁷ Имеется в виду седьмая глава «Евгения Онегина».

¹⁶⁸ Выписки из писем... С. 9–10.

¹⁶⁹ Указал Н. Л. Гуданец.

¹⁷⁰ Пушкин и его современники... С. 146.

¹⁷¹ Летопись жизни и творчества. Т. 3. С. 259.

Продолжение переписки Бенкендорфа с царем предваряем изложением предшествовавших ему событий, иначе их обмен мнениями будет недостаточно ясен.

Как уже указывалось в начале нашей статьи, к концу 1833 г. «очарование» царем сменилось у Пушкина осознанием своего двусмысленного положения, в котором он оказался в результате сближения с властью. Последним отрезвляющим ударом стало пожалование ему, 34-летнему отцу семейства, звания камер-юнкера. Привязанность к двору работой в императорских архивах для поиска материалов к «Истории Петра», усугубленная еще новым званием, а также все более запутываемая долгами материальная ситуация омрачали сознание поэта. Пушкин мечтает «вырваться на волю», избавиться от непомерных для него расходов из-за вовлеченности в великосветскую жизнь Петербурга.

25 июня 1834 г. в письме Бенкендорфу (15, 165) он просит об отставке, но с сохранением за ним права посещать архивы, чтобы иметь возможность продолжить работу над «Историей Петра», которая увлекла его.

Однако царь воспринял прошение Пушкина как личную обиду. Жуковскому, бросившемуся спасать Пушкина от неминуемой опалы, он заявил, что никогда никого не удерживал, но в случае отставки все между ним и Пушкиным будет кончено (15, 171). Посещение архивов в случае отставки становилось для Пушкина невозможным (15, 171).

Под давлением Жуковского, растерянный в результате жесткой реакции царя, Пушкин поспешил отказаться от намерения уйти в отставку, о чем известил Бенкендорфа письмами от 3 июля (15, 172) и от 4 июля 1834 г.

В последнем письме Пушкин фактически попросил прощения за необдуманый поступок:

«Крайне огорчен я, что необдуманное прошение мое, вынужденное от меня неприятными обстоятельствами и досадными, мелочными хлопотами, могло показаться безумной неблагодарностью и сопротивлением воле Того, кто доныне был более моим

благодетелем, нежели Государем. Буду ждать решения участи моей, но, во всяком случае, ничто не изменит чувства глубокой преданности моей к Царю и сыновней благодарности за прежние его милости» (15, 174).

Одновременно Пушкин послал письмо Жуковскому (15, 173–174), хлопотавшему за него, в котором сообщил свое намерение отказаться от отставки и о невозможности для него писать прямо царю: «...оправдания мои будут похожи на просьбы, а Он уж и так много сделал для меня» (15, 174).

5 июля Бенкендорф передал Николаю I письма Пушкина от 4 июля, адресованные ему и Жуковскому, вместе со следующим сопроводительным письмом. Граф А. Х. Бенкендорф — императору Николаю I 5 июля 1834 г.:

«Письмо Пушкина ко мне и другое от него же Жуковскому. Так как он [Пушкин. — *Прим. авт.*] сознается в том, что просто сделал глупость, и предпочитает казаться лучше непоследовательным, нежели неблагодарным (так как я еще не сообщал о его отставке ни князю Волконскому, ни Графу Нессельроде), то я предполагаю, что Вашему Величеству благоугодно будет смотреть на его первое письмо, как будто его вовсе не было. Перед нами мерило человека; лучше, чтоб он был на службе, нежели предоставлен самому себе»¹⁷².

Царь ответил Бенкендорфу в тот же день. Император Николай I — графу А. Х. Бенкендорфу 5 июля 1834 г.:

«Я его прощаю, но позовите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться; то, что может быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства»¹⁷³.

Ни царь, ни Бенкендорф не собираются вникать в причины, побудившие Пушкина просить отставки и уехать с семьей в деревню. Царь, правда, предоставит Пушкину отпуск на два месяца, а через год отпуск на четыре месяца и новую денежную ссуду размером в 30 тыс. руб. (в июле 1835 г.), первая в размере 20 тыс. руб. была

¹⁷² Выписки из писем... С. 10.

¹⁷³ Там же. С. 10–11.

предоставлена в марте 1834 г. для издания «Истории Пугачевского бунта» и осталась непогашенной Пушкиным до конца жизни. Царь также разрешит собственное литературное издание, которое начнет выходить в 1836 г. в виде журнала «Современник» и увлечет Пушкина. Но все эти благодеяния не могли решить материальных проблем Пушкина и не давали желаемой им независимости от двора.

И мы не знаем, чем в конечном счете руководствовался Николай I, совершая эти благодеяния, — добрым отношением к Пушкину (оно, безусловно, имело место) или формулировкой из письма Бенкендорфа от 5 июля 1834 г.: «...лучше, чтоб он был на службе, нежели предоставлен самому себе».

Император Николай I — графу А.Х. Бенкендорфу 29 января 1837 г.: «Пушкин умер; я приказал Жуковскому приложить свою печать к его кабинету и предлагаю вам послать Дуббельта к Жуковскому, чтобы он приложил жандармскую печать для большей сохранности. По истечении восьми дней Жуковский разберет бумаги»¹⁷⁴.

Последняя тема в переписке — смерть Пушкина.

Тон императора сух — никаких сочувственных нот по поводу смерти национального гения, первого поэта России, несмотря на многолетние личные отношения. Но благодеяния Николая I в отношении Пушкина продолжатся и после его смерти и распространятся теперь на вдову и детей погибшего, это общеизвестно.

Но важно отметить, что при получении известия о смерти поэта человеческие чувства Николая I уступают место деловым соображениям: смерть поэта привлечет на прощание с ним массу народа, а это может представить опасность для власти и государства. Николай I моментально эту опасность предвидит (раньше Бенкендорфа) и приказывает опечатать все бумаги Пушкина, дабы не распространились среди скорбящей публики какие-либо крамольные произведения, за которыми могут последовать противоправительственные призывы и действия.

¹⁷⁴ Выписки из писем... С. 11.

Подобными соображениями руководствовались и, выражаясь современным языком, спецслужбы николаевской России, что становится очевидным при ознакомлении с отчетом о действиях корпуса жандармов за 1837 г., где дается развернутая характеристика Пушкина с точки зрения жандармского начальства.

Из «Обозрения расположения умов и некоторых частей государственного управления в 1837 году»¹⁷⁵: «В начале сего года умер от полученной на поединке раны знаменитый наш стихотворец Пушкин. Пушкин соединял в себе два отдельные существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями Государя он, однако же, до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных. Сообразно сим двум свойствам Пушкина образовался и круг его приверженцев: он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества. И те, и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; собрание посетителей при теле было необыкновенное; отпевание намеревались делать торжественное; многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к тому жителей Пскова. Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту. В сем недоумении, и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъявление скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, — высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все сии почести, что и было исполнено»¹⁷⁶

Такова была реакция властей на смерть Пушкина.

¹⁷⁵ «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, 2006. С. 156–178.

¹⁷⁶ Там же. С. 165–166.

Но, если оглянуться назад и вернуться к рассмотренной нами переписке, нельзя не признать, что существовавшие между Николаем I и Пушкиным в течение многих лет (с 8 сентября 1826 г. по 29 января 1837 г.) личные отношения не укладываются в простую схему, тем более им не соответствуют примитивные представления, распространенные в советское время, по которым Николай I представлялся лишь притеснителем Пушкина и чуть ли не виновником его гибели.

Достаточно правдоподобно, на наш взгляд, обрисована эта коллизия П. М. Бицилли в его небольшой работе «Пушкин и Николай I». Мы на нее уже ссылались в связи с завещанием Николая I сыну Александру, удивительно совпадающим с текстом завещания Бориса Годунова сыну Феодору в пушкинской трагедии.

Вот суждение П. М. Бицилли, полемическое по отношению к позиции корифея советского пушкиноведения П. Е. Щеголева:

«По мнению Щеголева¹⁷⁷, Пушкин-поэт для царя „не существовал“ и не мог существовать, потому что Николай „по условиям воспитания и образования не мог воспринимать красот поэзии и искусства“. Последнее утверждение опровергается хотя бы письмами Николая I к жене из Италии, из которых видно, что он не только „воспринимал красоты искусства“, но и способен был приходить от них в восторг. Тюремщиком Пушкина он был, да еще придиричвым и порою жестоким — может быть, бессознательно. Пушкин был *его подданным*, и иначе, как свысока, царь уже потому не мог смотреть на него... И в то же время Николай I не только *видел* гений Пушкина, не только *эксплуатировал* этот гений, но и сам находился под его обаянием. В пушкинском творении¹⁷⁸ *актерская натура* Николая Павловича нашла для себя подходящую пищу. И „актерство“ Николая нередко изображается чересчур элементарно. Это был не простой „комедиант“, мастерски носивший личину и умевший втирать людям очки, не „арлекин“, как назвал Пушкин его брата¹⁷⁹,

¹⁷⁷ Щеголев П. Е. (1877–1931) — историк литературы и общественного движения, один из основоположников советского пушкиноведения.

¹⁷⁸ «Борис Годунов».

¹⁷⁹ Имеется в виду Александр I: «В лице и в жизни арлекин», из пушкинского стихотворения «К бюсту завоевателя» (1829).

но актер — как и царь — *Dei gratia*¹⁸⁰, перевоплощавшийся в различные игранные им роли и *веривший* в свои перевоплощения [курсив П. М. Бицилли. — *Прим. авт.*]»¹⁸¹.

Да, император Николай I ценил Пушкина-поэта, но ценил по-своему, «по государственному». В передаче его слов Бенкендорфом в письме Пушкину от 30 сентября 1826 г. это звучало так: «Его Величество совершенно остается уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше». Такой был взгляд царя на творчество поэта на протяжении всего времени их отношений: самодержец искренне желал, чтобы гением Пушкина прославлялась Россия, как это осуществилось, например, в поэме «Полтава», и чтобы со славой России была неразрывно связана слава Пушкина.

Поэтому «Полтаву» он ставил выше «Евгения Онегина», а стихотворение «Клеветникам России», летом 1831 г. находясь одновременно с Пушкиным в Царском Селе, жаждал получить для прочтения чуть ли ни немедленно.

Еще меньше понимал Николай I с высоты своего императорского величества Пушкина как человека или понимал его по-своему. Такое непонимание порой представляло для Пушкина большую опасность.

При этом, какие бы маски ни надевал Николай I и каким бы ни представлял лицедеем в глазах современников, будем справедливы: в своих отношениях с Пушкиным он как монарх не раз проявлял к нему расположение, неизменно оказывал ему поддержку в критических ситуациях¹⁸², в том числе и крупными денежными ссудами, а после смерти поэта — его осиротевшей семье.

¹⁸⁰ «Божией милостью» (лат.).

¹⁸¹ Бицилли П. М. Пушкин и Николай I // Звено. 1928. С. 320–321.

¹⁸² Например, в деле о «Гавриилиаде».

«Царь» или «князь»?
(К истории публикации стихотворения
«Анчар»)

Известны два пушкинских автографа стихотворения: черновой и перебеленный. Под последним стоит авторская дата: 9 ноября 1828 г. А впервые стихотворение опубликовано в «Северных цветах на 1832 год» в конце 1831 г. под названием «Анчар, дерево яда». Опубликовано в следующей редакции:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждающих степей
Его в день зноя¹⁸³ породила
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачную смолою.

¹⁸³ Единственная публикация «Анчара», где вместо «гнева» читаем: «зноя».

К нему и птица не летит
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набезит
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А Царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

В первом стихе последней строфы (33-й стих) стоит «Царь» — в отличие от текстов чернового и перебеленного автографов, где было «князь». В собрании стихотворений Пушкина 1832 г. (часть третья), вышедшем 31 марта того же года¹⁸⁴, возвращен вариант автографов 1828 г.

¹⁸⁴ Летопись жизни и творчества. Т. 3. С. 464.

Не многим более полутора месяцев до этого, а именно 13 февраля 1832 г.¹⁸⁵ вышли из печати «Стихотворения из „Северных цветов 1832 года“» Пушкина, где повторена редакция «Северных цветов». История и статус этого издания подробно рассмотрены в недавно вышедшем комментированном издании того же названия¹⁸⁶.

Таким образом, на протяжении трех месяцев «Анчар» был опубликован трижды, но в двух разных вариантах: два раза «Царь» и один раз «князь».

По этому поводу в советское время развернулась острая полемика. Так, Н. В. Измайлов¹⁸⁷ настаивал на варианте черновых автографов, а Д. Д. Благой¹⁸⁸ считал, что нужно руководствоваться публикацией в «Северных цветах».

В третьем томе 16-томного собрания сочинений Пушкина (1937–1949) «Анчар» дан со словом «князь» в первом стихе заключительной строфы. Однако в дополнительном 17-м томе (1959) указано, что стих 33 стихотворения «Анчар» следует печатать по «первой публикации стихотворения» в „Северных цветах“: „царь“ вместо „князь“» (17, 30).

В 10-томном собрании сочинений под редакцией Б. В. Томашевского, напротив, сохранен первоначальный вариант: «князь», а не «Царь».

Таким образом, вопрос о том, как все-таки должна публиковаться первая строка заключительной строфы «Анчара», до сих пор остается открытым.

¹⁸⁵ Летопись жизни и творчества. Т. 3. С. 450.

¹⁸⁶ Пушкин. Стихотворения из «Северных цветов 1832 года» / Под ред. Дэвида М. Бетеа. М.: Новое издательство, 2016.

¹⁸⁷ Измайлов Н. В. Из истории пушкинского текста «Анчар, древо яда» // Пушкин и его современники. Вып. XXXI–XXXII. Л.: Отдел Русского языка и словесности Академии Наук СССР, 1927. С. 6, 9, 14.

¹⁸⁸ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Сов. писатель, 1967. С. 180–202.

Не менее интересным и важным представляется вопрос: почему при публикации в «Северных цветах» «князь» оказался заменен Пушкиным на «Царь»?

По мнению идеологически заряженных комментаторов советского времени, рассматривавших творчество Пушкина в отрыве от важнейших фактов его биографии, именно это позволяло видеть в «Анчаре» «одно из величайших созданий гражданской лирики Пушкина»¹⁸⁹, имевшее «важнейшее значение для определения общественно-политической позиции Пушкина в годы после разгрома декабрьского восстания», — так писал Д. Д. Благой¹⁹⁰.

В унисон с ним Н. П. Смирнов-Сокольский считал, что в публикации стихотворения «Северными цветами» со словом «Царь», обнажалась «политическая сущность одного из самых смелых и вольнолюбивых стихотворений Пушкина»¹⁹¹.

На самом деле, если исходить из биографических сведений об отношениях поэта и императора в 1831–1832 гг., политический выпад в адрес Николая I со стороны Пушкина представляется совершенно невероятным.

Дело в том, что личность и деятельность императора импонируют Пушкину в эти годы, а порой вызывают искреннее восхищение, как например, приезд царя в холерную Москву в конце сентября 1830 г., чтобы морально поддержать москвичей, быть с ним в эти трудные дни (см. анонимно опубликованное пушкинское стихотворение «Герой»). То же во время холерного бунта лета 1831 г. в Петербурге.

Так, в письме Нащокину от 26 июня 1831 г., сообщая о бунте, Пушкин пишет: «Государь сам явился на месте бунта и усмирил его. Дело обошлось без пушек, дай Бог, чтоб и без кнута» (14, 181).

О том же и еще более пафосно сообщается П. А. Осиповой в письме от 29 июня 1831 г.: «Государь говорил с народом. Чернь слушала на коленях — тишина — один царский голос *как звон святой* раздавался на площади» (14, 184).

¹⁸⁹ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). С. 159.

¹⁹⁰ Там же. С. 180.

¹⁹¹ Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962. С. 302.

И в дневниковой записи от 26 июля 1831 г. находим сообщение о холерном бунте в военных поселениях Новгородской губернии: «Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад... и обещал к ним приехать. „Тогда я вас прощу“, — сказал он им. Кажется, все усмирено, а если нет еще, то все усмирится присутствием Государя»¹⁹².

Доверительность в отношениях поэта с царем подтверждается и их личным общением — напрямую или через Бенкендорфа. Ввиду затруднительного материального положения Пушкин обращается к Николаю I с просьбой разрешить ему издавать «политический и литературный журнал» или, что «более соответствовало бы» его «занятиям и склонностям», уточняет Пушкин, «заняться историческими изысканиями» в архивах и библиотеках дворца с целью написания истории Петра I. В письме от 21 июля (или около этого числа) 1831 г. он пишет: «Если Государю Императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнять волю Его Величества и готов служить ему по мере моих способностей» (14, 256).

Любопытно, что в письме Нащокину [Пушкин, 14: 196–197] от того же числа о занятиях историей Петра I сообщается уже как о решенном деле: «...зимою заруюсь в архивы, куда вход дозволен мне Царем». И тут же Пушкин добавляет, что царь с ним «милостив и любезен»¹⁹³.

То же и в письме Плетневу от 22 июля 1831 г. [Пушкин, 14: 197–198] — Пушкин пишет, что царь взял его «в службу», дал жалованье, открыл архивы и вообще «очень мил» по отношению к нему.

При этом частично процитированное письмо Бенкендорфу явилось лишь бюрократической формальностью: вопрос о работе в архивах был уже решен Николаем I. Пушкин еще до этого письма встретился с царем на прогулке в Царском Селе и обсудил возможность получения доступа в архивы для написания упомянутого исторического труда¹⁹⁴.

¹⁹² Пушкин А. С. Полное собр. соч. в 10 тт. Т. VIII. Л.: Наука, 1978. С. 19.

¹⁹³ Позднее, в письме от 3 сентября 1831 г., Пушкин вновь сообщит Нащокину эту новость.

¹⁹⁴ Летопись жизни и творчества. Т. 3. С. 362.

Плетнев письмом от 25 июля 1831 г. [Пушкин, 14: 199] восхищается тем, что царь «балует» Пушкина, Глинка письмом от 28 июля (14, 200) просит «предстательствовать» за него перед царем. То есть Пушкин окончательно воспринимается друзьями и знакомыми как человек, приближенный ко двору.

Интересен и важен для наших дальнейших рассуждений и следующая эпизод из царскосельской жизни Пушкина: летом 1831 г. Николай I, так же находящийся в это время в Царском Селе, интересуется его стихами «Клеветникам России» и посылает за ними к Жуковскому, о чем Жуковский сообщает в своем письме от второй половины (не ранее 16) августа 1831 г. (14, 208) Пушкину и предлагает ему переписать стихи и для императрицы. Значит, слух об этих стихах распространился по Царскому Селу, где находятся в это время и двор, и Пушкин, и Жуковский¹⁹⁵.

Как известно, Вяземский назвал эти стихи Пушкина «шинельной поэзией», и действительно, пушкинская позиция по поводу Польского восстания 1830–1831 гг. далека от позиции его либеральных друзей и близка к официальной. Но не в связи с близостью ко двору и желанием соответствовать политической линии власти — пушкинские взгляды по польскому вопросу сформировались еще задолго до Польского восстания¹⁹⁶ и проистекали из его собственной концепции истории России.

С одной стороны, он желал и надеялся, что «славянские ручьи», в том числе польский, «солятся в русском море», и его беспокоило, что в противном случае оно может «иссякнуть» («Клеветникам России»). Был он в этом, выражаясь современным языком, государственным и даже, по определению Георгия Федотова¹⁹⁷, не только певцом свободы, но и «певцом империи».

А с другой стороны, он «жадно слушал» мечтания польского гения Адама Мицкевича о временах, «когда народы, распри позабыв, / В единую семью соединятся» («Он между нами жил...»).

¹⁹⁵ Летопись жизни и творчества. Т. 3. С. 373.

¹⁹⁶ См. например, черновой автограф стихотворения «Графу Олизару» (1824).

¹⁹⁷ Федотов Георгий Петрович (1886–1951) — русский религиозный философ.

С учетом всего перечисленного утверждения советских пушкинovedов о существовании злободневного антимоноархического подтекста в «Анчаре» выглядят надуманными.

Совершенно прав был Н. В. Измайлов, утверждавший, что стихотворение не содержит политического подтекста: «...мрачное и загадочное творение Пушкина, — „Анчар, дерево яда“ — этот таинственный образ, порожденный в далеких пустынях Востока, прошедший на пути к творческой обработке его нашим поэтом через истолкование науки и поэзии Запада»¹⁹⁸.

То же провозглашается и в другом месте его исследования: «Пушкин старался придать ему [стихотворению „Анчар“. — *Прим. авт.*] вполне конкретные, этнографически-локализованные черты, выдерживая в духе восточной легенды, а не отвлеченной аллегории»¹⁹⁹.

Эта же мысль увенчивает исследование Измайлова: «Проблема судьбы, проблема отношения человека к роковым силам, движущим мир, — лежат ли они за пределами человеческого сознания или воплощаются в государственной необходимости, — всегда мучительно занимала Пушкина. 1828 год особенно был наполнен тяжелыми думами об этой проблеме, воплощенными в „Воспоминании“, в „стансах о жизни“ („26 мая“), и в других вещах. „Анчар“ — одно из выражений раздумья о ней поэта — выражение грандиозное и трагическое, благодаря грандиозности и красочности образов»²⁰⁰.

Глубоко обоснованную трактовку «Анчара» именно в этом ключе дал не так давно Валентин Непомнящий, который также рассмотрел «Анчар» в едином контексте с другими стихотворениями, такими как «Пророк», «Поэт», «Близ мест, где царствует Венеция златая...», «Дар напрасный, дар случайный...». По утверждению Непомнящего, мир предстает в «Анчаре» полностью «обезбоженным», управляемым «властью смертной „природы“ и обездушенной воли человека, совместно заменяющих Бога». «Анчар»,

¹⁹⁸ Измайлов Н. В. Из истории пушкинского текста «Анчар, дерево яда». С. 4.

¹⁹⁹ Там же. С. 7.

²⁰⁰ Там же. С. 13–14.

по мысли Непомнящего, написан «не в тонах лирического разочарования [отсылка к стихотворению „Дар напрасный, дар случайный...“ — *Прим. авт.*], пусть самого отчаянного, а как страшная фантазия, своего рода антиутопия, — с холодным ужасом и подчеркнута дистанцированно» (БЮ 481).

Добавим к этому, что внешний антураж в «Анчаре» («в пустыне чахлой и скупой») в точности тот же, что и в «Пророке» («в пустыне мрачной»), при этом в «Анчаре» нет Бога, как это подчеркнута Валентином Непомнящим...

Но вернемся к поставленному нами вопросу: почему при публикации стихотворения в «Северных цветах» «князь» был заменен Пушкиным на «Царя»?

Н. В. Измайлов в упомянутой работе считал, что «князь» исключал всякие побочные применения, возникающие при редакции «Анчара» со словом «Царь», и не позволял отвлечься от глубинного философского смысла стихотворения, что могло бы иметь место при другой редакции.

Но, с другой стороны, задумаемся: какое отношение может иметь этимологически связанное со славянством (и Европой) наименование «князь» к Востоку? Никакого. Напротив, царями в славянской книжной культуре называются многие правители прошлого, в первую очередь упоминаемые в Библии, запечатлевшей события из жизни восточных народов.

И вот летом-осенью 1831 г., готовя публикацию стихотворения в «Северных цветах на 1832 год», Пушкин решает заменить вынужденный в определенной степени (дабы избежать применений, нарушающих логический строй стихотворения) титул «князь», к тому же еще и необоснованный контекстом, на более подходящий и этнически достоверный в данном случае титул «царь». Он считает, что облечен, как это показано нами выше, достаточным доверием при дворе, чтобы у Николая I или у кого-то в его окружении возникли совершенно бесосновательные, с точки зрения Пушкина, политические ассоциации, связанные со словом «Царь».

Однако публикация «Анчара» в «Северных цветах на 1832 год» совпала с рядом внутри- и внешнеполитических событий.

Все это обстоятельно рассмотрено в упомянутом в начале нашей статьи современном комментированном издании «Пушкин. Стихотворения из „Северных цветов 1832 года“».

Именно в конце 1831 — начале 1832 г. III отделение начало уделять повышенное внимание печатной продукции и в том числе периодическим изданиям. Так, 7 февраля 1832 г. датировано письмо Бенкендорфа министру народного просвещения К. А. Ливену о запрещении журнала Киреевского «Европеец».

В тот же день, 7 февраля 1832 г.,²⁰¹ Пушкин получил следующее довольно резкое письмо от шефа III отделения: «Генерал-адъютант Бенкендорф покорнейше просит Александра Сергеевича Пушкина, доставить ему объяснение, по какому случаю помещены в изданном на сей 1832 год альманахе под названием Северные Цветы некоторые стихотворения его, и между прочим *Анчар*, *дерево яда*, без предварительного испрошения на напечатание оных Высочайшего дозволения» (15: 10, курсив подлинника).

При этом, заметим, из всех стихотворений, опубликованных в «Северных цветах», названо в письме лишь «Анчар, дерево яда», и, как станет ясно из дальнейшего контекста статьи, именно «дерево яда» и насторожило Бенкендорфа.

Таким образом, вопрос об «Анчаре» возник в ситуации ужесточения цензурной политики.

В ответном письме от того же 7 февраля²⁰² числа Пушкин оправдывается в том, что опубликовал стихотворение без царского согласия: «Я всегда твердо был уверен, что Высочайшая *милость*, коей неожиданно был я достоин, не лишает меня и *права*, данного

²⁰¹ В упомянутом современном комментированном издании «Стихотворения из „Северных цветов 1832 года“», сомнения Н. П. Смирнова-Сокольского относительно даты письма обстоятельно рассмотрены и отвергнуты как несостоятельные — см. с. 23–25.

²⁰² В письме Пушкина ошибочно поставлена дата 7 января: январь кончился, но Пушкин автоматически еще датирует письмо январем.

Государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры» (15: 10, курсив подлинника).

И в черновом письме Пушкина Бенкендорфу от 18–24 февраля 1832 г. речь опять идет исключительно о цензуре и нелепых цензурных «подразумениях». В частности, категорически возражая против желанья Бенкендорфа взять на себя (на III отделение) цензуру его стихотворений, Пушкин пишет: «Подвергаясь один особой, от Вас единственно зависящей цензуре — я, вопреки права, данного Государем²⁰³, из всех писателей буду подвержен самой стеснительной цензуре, ибо весьма простым образом — сия цензура будет смотреть на меня с предубеждением и находить везде тайные применения, allusions и затруднительности — а обвинения в применениях и подразумениях не имеют ни границ, ни оправданий, если под словом *дерево* будут разуметь конституцию, а под словом *стрела* самодержавие» (15: 13–14, курсив подлинника).

При этом важно отметить, что начинается упомянутое черновое письмо с просьбы разрешить к печати «одно стихотворение»: «По приказанию Вашего Превосходительства препровождаю к Вам одно стихотворение, взятое от меня в альманах и уже пропущенное цензурой. Я *остановил его печатание* до Вашего разрешения» (15: 13, 14; курсив мой. — В. Е.).

Под стихотворением, конечно, имелся в виду «Анчар», а под «приказанием» Бенкендорфа — требование предоставить ему текст «Анчара».

Как и когда Пушкин ознакомил Бенкендорфа с текстом «Анчара», мы не знаем — письмо-то, частично процитированное нами, черновое. Но заметим, что «Стихотворения из „Северных цветов 1832 года“» вышли из печати 13 февраля и «Анчар» опубликован там со словом «Царь» и под тем же названием, что и в «Северных цветах»: «Анчар, древо яда». По-видимому, небольшой тираж издания, предназначенный для распространения лишь среди друзей поэта, успокоил сомнения Бенкендорфа²⁰⁴.

²⁰³ 8 сентября 1826 г., во время личной встречи с Пушкиным во дворце Чудова монастыря в Кремле, Николай I вызвался быть цензором Пушкина.

²⁰⁴ Так же воспринимается эта ситуация и в упомянутом комментированном издании «Стихотворения из „Северных цветов 1832 года“».

Следовательно, под изданием, упомянутым в черновом пушкинском письме, «печатание» которого Пушкин мог остановить, подразумевалось собрание стихотворений Пушкина 1832 г., уже подписанное в печать 20 января. К этому изданию мы обратимся чуть позже.

Что же касается переписки, черновое письмо от 18–24 февраля 1832 г. осталось в бумагах Пушкина, а Бенкендорф получил от него другое письмо, датированное 24 февраля, но совсем иного содержания: «С чувством глубочайшего благоговения принял я книгу, Всемилостивейше пожалованную мне Его Императорским Величеством. Драгоценный знак Царского ко мне благоволения возбудит во мне силы для совершения предпринимаемого мною труда и который будет ознаменован, если не талантом, то по крайней мере усердием и добросовестностию» (15: 14–15).

Дело в том, что 17 февраля с сопроводительным письмом Бенкендорфа Пушкину было доставлено, по указанию Николая I, в качестве личного подарка впервые в истории России осуществленное «Полное собрание законов Российской империи в 55 томах»²⁰⁵.

Подарок царя в момент неллицеприятных объяснений с Бенкендорфом об «Анчаре» позволяет предположить, что выговор за публикацию стихотворения без одобрения царя (только с разрешения обычной цензуры), скорее всего, явился личной инициативой Бенкендорфа или, во всяком случае, царь не придал этому факту серьезного значения.

А подарок царя Пушкину — еще одно подтверждение императорского благорасположения, особенно важного в существующей внешнеполитической ситуации, связанной с польским вопросом²⁰⁶.

²⁰⁵ Официальное собрание всех действующих законодательных актов Российской империи, расположенных в тематическом порядке, впервые созданное при Николае I в 1826–1830 гг. Для составления этого собрания законов Николаем I в 1826 г. было создано II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое работало под неофициальным руководством М. М. Сперанского вплоть до 1830 г.

²⁰⁶ Вогман В. М. Пушкин и Николай I. Исследование и материалы, М.; СПб.: Нестор-История, 2019, С. 64.

Итак, издание собрания стихотворений 1832 г., уже подписанное в печать 20 января, было приостановлено Пушкиным.

А внешнеполитическая ситуация состояла в том, что в период Польского восстания 1830–1831 гг. и после его жестокого подавления в начале осени 1831 г. Россия подвергалась в Европе ожесточенной критике, одной из центральных тем которой оказалась холера в русской армии, что убедительно исследовано А. А. Долининым в не столь давней его статье об «Анчаре»²⁰⁷.

Автор обращает внимание на взаимосвязанность холерных бунтов в России (где в отравлении воды молва обвиняла поляков) с распространением холеры в Польше, которую заносила к ним русская армия, сплошь пораженная холерой. Польская и европейская пропаганда обвиняла Николая I в том, что он намеренно отправлял в Польшу зараженных солдат. Эти обвинения были поддержаны либеральными политиками и деятелями культуры Западной Европы, сочувствовавшими восставшей Польше.

«На фоне этой холерной топики совершенно закономерным представляется прямое уподобление Российской империи легендарному упасу, „дереву яда“, использованное видным английским поэтом и государственным деятелем Томасом Кембеллом», — сообщает А. А. Долининым²⁰⁸.

В ведомствах Бенкендорфа и Нессельроде не могли не обратить внимание на «подозрительное сходство „Анчара, древа яда“ с антирусской риторикой Кембелла»²⁰⁹ и других защитников Польши. То есть пушкинский миф об «Анчаре» по стечению обстоятельств неожиданно совпал с «антирусской риторикой» в Европе.

Вряд ли в Польше или в Европе успели прочесть пушкинское стихотворение, недавно опубликованное в «Северных цветах за 1832 год», во всяком случае, таких сведений мы не имеем, но факт остается фактом — содержание «Анчара» оказалось в опре-

²⁰⁷ Долинин А. А. Из разысканий вокруг «Анчара» // Пушкин и Англия. Цикл статей. М.: НЛО, 2007. С. 54–94.

²⁰⁸ Там же. С. 81.

²⁰⁹ Там же.

деленной степени созвучным обвинениям России, раздававшимся в Европе в связи с русско-польским противостоянием начала 30-х гг. XIX в.

Таким образом, претензии власти к «Анчару» были связаны с нежелательными конкретными применениями в совершенно ином направлении, нежели представлялось советским идеологически ангажированным пушкиноведам.

Что же касается Пушкина, уподобление России анчару в глазах европейских публицистов и политиков при том, что «Царь» в таком контексте придавал стихам дополнительный политический смысл, никак не могло его устроить и совершенно не соответствовало его творческому замыслу.

Поэтому последовало распоряжение Пушкина П. А. Плетневу, занимавшемуся изданием собрания его стихотворений 1832 г., внести в текст «Анчара» необходимые изменения: перед текстом стихотворения была напечатана дата — 1828 г., часть заголовка — «древо яда» — перенесена в подстрочное примечание, «Царь» исправлен на «князь»²¹⁰.

Таким образом, возможность придания стихотворению характера «отвлеченной аллегории», как выразился Н. В. Измайлов, полностью устранялась. Это еще раз убеждает нас в правоте того же Измайлова, считавшего вариант стихотворения с «князем» предпочтительным по отношению к редакции стихотворения в «Северных цветах», где «князь» был заменен на «Царя».

В свете изложенного окончательная редакция «Анчара», опубликованная в собрании стихотворений Пушкина 1832 г. («князь», а не «Царь»), в полной мере отражает последнюю авторскую волю Пушкина, которую следовало бы учитывать при новых изданиях этого стихотворения.

²¹⁰ Пушкин. Стихотворения из «Северных цветов 1832 года» / Под ред. Дэвида М. Бетеа, С. 28.

Литература

Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Российский фонд культуры, 2012.

Бицилли П. М. Пушкин и Николай I // Звено. 1928. № 6.

Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. М.: Мир, 1931.

Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967.

Вогман В. М. Пушкин и Николай I. Исследование и материалы, М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

Военный журнал. 1817. Кн. III. С. 25–41; Кн. VII.

Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I // Старина и новизна (исторические сборники). СПб., 1903. Кн. 6.

Дела III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии об А. С. Пушкине. Предисловие С. Сухонина. СПб., 1906.

Долинин А. А. Из разысканий вокруг «Анчара» // Пушкин и Англия. Цикл статей. М.: НЛО, 2007.

Измайлов Н. В. Из истории пушкинского текста «Анчар, древо яда» // Пушкин и его современники. Л.: Отделение Русского языка и словесности Академии Наук СССР, 1927. Вып. XXXI–XXXII.

Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4 т. М.: Слово, 1999. Т. 2; Т. 3; Т. 4.

Литературная газета. 1830. № 14.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 8.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 17 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 13; Т. 14; Т. 15; Т. 17.

Пушкин А. С. Собрание сочинений, размещенных в хронологическом порядке. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 6.

Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Пг., 1907. Вып. 5.

Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. 19–20.

Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л.: Наука, 1969.

Пушкин. Стихотворения из «Северных цветов 1832 года» / Под ред. Дэвида М. Бетеа. М.: Новое издательство, 2016.

«Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, 2006.

Северная пчела. 11 марта 1830 г.

Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962. С. 290, 300, 301.

СОДЕРЖАНИЕ

Посредник между Пушкиным и Николаем I	3
ПИСЬМА	40
1826	40
1827	47
1828	56
1829	62
1830	65
1831	87
1832	98
1833	110
1834	112
1835	128
1836	142
ПРИЛОЖЕНИЯ	149
Царь и Бенкендорф в противостоянии Пушкина и Булгарина	151
Пушкин в переписке графа Бенкендорфа с императором Николаем I	159
«Царь» или «князь»? (К истории публикации стихотворения «Анчар»)	175
<i>Литература</i>	188

Научное издание

Виктор Михайлович Есипов

**ПЕРЕПИСКА А. С. ПУШКИНА
С А. Х. БЕНКЕНДОРФОМ**

Корректор *Д. М. Соколова*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 26.10.2020. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 2079

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82